

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
Институт права, социального управления и безопасности
Кафедра уголовного процесса и правоохранительной деятельности
Кафедра уголовного права и криминологии

ТЕНДЕНЦИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Сборник статей

Всероссийской научно-практической конференции,
посвящённой 25-летию кафедр уголовного права и криминологии,
уголовного процесса и правоохранительной деятельности

Ижевск
2024

УДК 343(063)
ББК 67.515я431
Т33

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом УдГУ

Научные редакторы: *Л.Г. Татьяна*, зав. каф. уголовного процесса и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «УдГУ», д-р. юрид. наук, профессор; *Г.А. Решетникова*, канд. юрид. наук, доцент каф. уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «УдГУ»; *В.Г. Ившин*, директор ИПСУБ, канд. юрид. наук, доцент, профессор каф. уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «УдГУ».

Т33 Тенденции уголовной политики России на современном этапе развития общества : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию кафедр уголовного права и криминологии, уголовного процесса и правоохранительной деятельности / науч. ред.: Л.Г. Татьяна, Г.А. Решетникова, В.Г. Ившин. – Ижевск : Удмуртский университет, 2024. – 286 с.

ISBN 978-5-4312-1177-5

DOI 10.35634/978-5-4312-1177-5-2024-1-286

В издание вошли статьи участников Всероссийской научно-практической конференции, проведённой 14, 15 марта 2024 года Институтом права, социального управления и безопасности Удмуртского государственного университета. Авторами рассматриваются вопросы тенденции уголовной политики России на современном этапе развития общества.

УДК 343(063)
ББК 67.515я431

ISBN 978-5-4312-1177-5

© ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет», 2024
© Авторы статей, 2024

О СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ КАФЕДРЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В 1985 году в Ижевск на юридический факультет Удмуртского государственного университета был приглашен профессор Зинур Зинатуллович Зинатуллин из Казанского государственного университета на заведование кафедрой государственного и международного права, с приходом которого на кафедре и факультете в целом произошли существенные изменения в научно-исследовательской работе. И в 1986 году З.З. Зинатуллин стал заведовать новой кафедрой – уголовного права, процесса и криминалистики. Спустя несколько лет, когда на факультет пришёл Марат Константинович Каминский (1991 г.), возникла необходимость выделения направлений криминалистики и судебных экспертиз в отдельную кафедру, и в 1993 году создается кафедра криминалистики и судебных экспертиз во главе с доктором юридических наук Эдуардом Семёновичем Гордоном. Кафедра же уголовного права и уголовного процесса стала отдельной кафедрой и просуществовала в таком виде с 1991 по 1998 год до её разделения на две самостоятельных кафедры. В 1997 году кафедра уголовного права и процесса в полном составе впервые в Удмуртии на университетском уровне была занесена на республиканскую доску почёта. К этому времени в 1998 году практически вся кафедра была остепенённая. Этому способствовало в значительной мере то, что на юридическом факультете работал достаточно плодотворно диссертационный совет (в 1993 г. на факультете была открыта аспирантура и диссертационный совет по защите кандидатских диссертаций по специальности 12.00.09 – уголовный процесс; криминалистика; теория оперативно-розыскной деятельности под председательством профессора З.З. Зинатуллина), в котором защищались представители из разных городов: Москва, Нижний Новгород, Казань и т.д. В 1998 году было принято решение о разделении кафедры уголовного права и уголовного процесса по этим двум направлениям. Кафедру уголовного права возглавила

Татьяна Георгиевна Понятовская, которая защитила диссертацию на соискание учёной степени доктора юридических наук по уголовному праву. После того, как Т.Г. Понятовская уехала в Москву, Валерий Евгеньевич Зварыгин стал заведовать кафедрой уголовного права и криминологии. А кафедрой уголовного процесса и правоохранительной деятельности продолжал заведовать З.З. Зинатуллин до 2018 года. Под его руководством кафедра получила известность по России и выступала в качестве ведущей организации, осуществлялось оппонирование диссертаций. В 2018 году кафедра заслужила право называться школой уголовного процесса УдГУ, т.е. звание научной школы уголовного процесса. В последующем З.З. Зинатуллин стал работником высшей школы Российской Федерации, к этому времени достиг 85-летнего возраста.

Вот как становилась кафедра уголовного процесса и правоохранительной деятельности. Зинур Зинатуллоевич: «Для меня все кафедры родные, я участвовал в создании этих кафедр, но кафедра уголовного процесса и правоохранительной деятельности для меня самая родная кафедра. Думаю, что отдал её в надёжные руки, по крайней мере по тем тенденциям, которые наблюдаю, кафедра, возглавляемая Ларисой Геннадьевной Татьяниной, не позволит уронить честь кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности».

Кафедра уголовного процесса развивается, усиливается, занимается наукой. Об этом свидетельствует и ряд монографических работ, которые появились в последние годы: «Уголовно-процессуальная наука постсоветской России: генезис становления, развития и современные проблемы: общетеоретические доминанты» (Зинатуллин З.З., 2021 г.); «Риски в праве: пути решения» (2020 г.) под руководством Л.Г. Татьяниной; «Судебные действия следственного характера» (Стародумов С.В., 2021 г.); «Усмотрение суда при рассмотрении уголовных дел при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением» (Машинникова Н.О., 2022 г.) и т.д.

*Зинур Зинатуллоевич Зинатуллин,
доктор юридических наук, профессор*

Волосова Нонна Юрьевна,

д.ю.н., доцент, заведующая кафедрой уголовного права
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»,
г. Оренбург

ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЁННЫХ ДЕЙСТВИЙ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ

Запрет определённых действий в УПК РФ появился относительно недавно. Рядом исследователей выделяются несколько причин, способствующих появлению данной меры пресечения:

- необходимость дифференциации применения мер пресечения с учётом личности привлекаемого к уголовной ответственности лица и совершённого им преступления;
- исключение полной изоляции индивида от социума¹;
- восполнение дефицита мер пресечения и востребованность на практике²;
- гуманизация и либерализация уголовного процесса³.

Многие исследователи и практики отмечали положительность введения новой меры пресечения, имели место быть и негативные высказывания на такое решение законодателя, а также вскрыты и проблемы, связанные с её применением, обращено внимание на ряд не урегулированных и не решённых вопросов.

¹ *Халимоненко С.С.* О причинах, способствовавших появлению в уголовном процессе России новой меры пресечения – запрет определенных действий // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIII Межд. науч.-практ. конф. (2–3 апреля 2020 г.) : в 2 ч. / отв. ред. Н.Н. Цуканов. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2020. Ч. 1. С. 111-113.

² *Калиновский К.Б.* Запрет определенных действий как мера пресечения // Уголовный процесс. 2018. № 6. С. 9.

³ *Ромашова М.В.* Применение мер пресечения, не связанных с изоляцией лица от общества, как проявление процесса глобализации и либерализации уголовного процесса // Интеграция науки в условиях глобализации и цифровизации : материалы XIII Межд. науч.-практ. конф. (29 сентября 2021 г.) : в 2-х ч. Ч-1. Ростов-на-Дону : изд-во Южного университета ИУБиП, изд-во ВВМ, 2021. С. 524-528.

Критике был подвергнут вообще подход законодателя к созданию нового института запрета определённых действий. В частности, Е.И. Шигурова и А.В. Шигуров указали, что предусмотренные законодателем нормы ничего нового не внесли в систему мер пресечения. Выделение запрета определённых действий в самостоятельный вид мер пресечения, по мнению авторов, не решает проблемы в целом, поскольку запрет может применяться и при избрании судом домашнего ареста, являясь, по существу, дополнительными мерами к изоляции обвиняемого⁴.

Была подвергнута критике возможность применения запрета определённых действий при избрании домашнего ареста и залога. В этой связи, например, Б.Т. Безлепкин указывает, что по существу законодателем был введён институт двойных мер пресечения⁵. Аналогичная позиция была высказана и другими исследователями⁶.

И.С. Дикарев предложил достаточно радикальное решение. По его мнению, должен остаться только «запрет выходить в определённые периоды за пределы жилого помещения»⁷.

А.Р. Белкин был категорично против отнесения мер, содержащихся в ст. 105.1 УПК РФ, к мерам пресечения и предлагал отнести их к иным мерам процессуального принуждения. Обосновывал свою позицию автор возможностью комплексно применять их друг с другом и с другими мерами пресечения⁸.

⁴ Шигурова Е.И., Шигуров А.В. Теоретические и практические проблемы применения запрета определённых действий в российском уголовном процессе // Пробелы в российском законодательстве. 2021. № 4. С. 319.

⁵ Безлепкин Б.Т. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 15-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2021. С. 160

⁶ См., например: Апостолова Н.Н. Запрет определённых действий в системе мер пресечения // Российская юстиция. 2019. № 3. С. 23-25.; Бондаренко И.П. Особенности применения комбинированных мер пресечения в контексте внедрения в уголовный процесс запрета определённых действий // Российский следователь. 2021. № 1. С. 26-30.

⁷ Дикарев И.С. Запрет определённых действий в системе мер процессуального принуждения // Законность. 2020. № 8. С. 50-52.

⁸ Белкин А.Р. Запрет определённых действий – хорошо ли он определен? // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 2. С. 44.

Нами не разделяется столь категоричное мнение исследователей. Думается, чтобы в полной мере оценить целесообразность такого законодательного решения, потребуется время для более глубокого анализа правоприменительной практики.

В современном мире и не только в Российской Федерации прослеживается общая тенденция, направленная на гуманизацию и либерализацию уголовно-процессуального законодательства.

Гуманизация уголовного судопроизводства была отнесена В.М. Лебедевым к важным направлениям совершенствования правосудия⁹.

Взятый курс на гуманизацию уголовного судопроизводства позволил законодателю сформировать в ст. 105.1 УПК РФ систему запретов. Представленный перечень в настоящей редакции уголовно-процессуального кодекса является закрытым.

Однако практика рассмотрения ходатайств о применении данной меры пресечения позволяет отметить, что судами в качестве запрета применялся запрет выезжать за пределы населённого пункта, запрет менять постоянное место жительства и некоторые другие. То есть судами перечень запретов не ограничивался только содержащимися в ст. 105.1 УПК РФ и расширительно толковался, поскольку были востребованы иные ограничения в отношении подозреваемого и обвиняемого. Суды хотя и весьма осторожно подходят к выходу за рамки положений рассматриваемой нормы, однако не ограничиваются предложенным перечнем, а суды апелляционной инстанции соглашались с такими решениями нижестоящих судов. И если на момент введения данных положений закона суды достаточно осторожно подходили к избранию запрета определённых действий, не предусмотренных нормой, например, в обобщении, проведённом Оренбургским областным судом за период 2017 г. по первое полугодие 2019 г. было отмечено, что практика принятия судом решений о возложении дополнительных запретов (т.е. тех, которые не предусмотрены ст. 105.1 УПК РФ) не распространена в Оренбургской области. Однако такие вариации стали достаточно распространены за последние несколько лет.

⁹ Гуманизация полного цикла // Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации. URL: https://vsrf.ru/press_center/mass_media/30553/

Некоторые исследователи совершенно справедливо указали на то, что развитие научно-технического прогресса будет требовать от законодателя систематического дополнения перечня таких запретов всё новыми и новыми. Это позволило исследователям выдвинуть предложение о необходимости отказаться от постоянного расширения перечня запретов и исключить их перечисление из закона, предоставив суду возможность самостоятельно определять конкретные их виды¹⁰.

Думается, данное предложение заслуживает внимания, поскольку суд не будет связан предписаниями действующего законодательства. Это будет проявлением диспозитивности в самом положительном смысле этого слова, которая позволит суду учитывать и особенности совершённого преступления, и личность обвиняемого, а также иные обстоятельства, влияющие на принимаемое судом решение. Тем более, что судебная практика, как уже было отмечено, идёт именно по такому пути – пути расширения мер, используемых в качестве запрета определённых действий. В этой части такая гибкость и адаптивность правоприменителя только приветствуется, т.к. позволяет подойти к решению вопроса об избрании меры пресечения персонализировано.

Кроме того, развитие правоотношений идёт столь стремительными темпами, что законодатель не успевает своевременно вносить изменения в законодательные предписания. Да и процесс изменения законодательства очень длительный, многоступенчатый. При этом в случае необходимости наложения иного запрета определённых действий, которое не предусмотрено в действующем законодательстве, правоприменитель может остаться без эффективного инструмента воздействия, что потребует применения более суровых мер пресечения.

Нами разделяется мнение Г.Б. Филатова о необходимости предоставить правоприменителю устанавливать необходимые запреты определённых действий, что позволит рассматривать данный

¹⁰ *Филатов Г.Б.* Запрет определенных действий как мера пресечения в уголовном процессе России // *Аграрное и земельное право.* 2021. № 7. С. 115.

перечень открытым. Также поддерживается необходимость установления требований и критериев как основы для избрания данной меры пресечения. В связи с чем ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ дополнить следующим указанием – на подозреваемого и обвиняемого могут быть возложены и иные запреты.

Думается, что такое решение позволит эффективно регулировать избрание в виде меры пресечения запрета определённых действий, индивидуально подходить к её избранию, учитывая все обстоятельства по уголовному делу и личность подозреваемого и обвиняемого. В этом видится подлинное проявление гуманизма уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. Халимоненко С.С. О причинах, способствовавших появлению в уголовном процессе России новой меры пресечения – запрет определенных действий // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIII Межд. науч.-практ. конф. (2–3 апреля 2020 г.) : в 2 ч. / отв. ред. Н.Н. Цуканов. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2020. – Ч. 1. – С. 111-113.

2. Калиновский К.Б. Запрет определенных действий как мера пресечения // Уголовный процесс. – 2018. – № 6. – С. 9.

3. Ромашова М.В. Применение мер пресечения, не связанных с изоляцией лица от общества, как проявление процесса глобализации и либерализации уголовного процесса // Интеграция науки в условиях глобализации и цифровизации : материалы XIII Межд. науч.-практ. конф. (29 сентября 2021 г.) : в 2-х ч. – Ч-1. – Ростов-на-Дону : Изд-во Южного ун-та ИУБиП, изд-во ВВМ, 2021. – С. 524-528.

4. Шигурова Е.И., Шигуров А.В. Теоретические и практические проблемы применения запрета определенных действий в российском уголовном процессе // Пробелы в российском законодательстве. – 2021. – № 4. – С. 318-322.

5. Безлепкин Б.Т. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). – 15-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2021. – 640 с.

6. Апостолова Н.Н. Запрет определенных действий в системе мер пресечения // Российская юстиция. – 2019. – № 3. – С. 23-25.

7. Бондаренко И.П. Особенности применения комбинированных мер пресечения в контексте внедрения в уголовный процесс запрета определенных действий // Российский следователь. – 2021. – № 1. – С. 26-30.

8. Дикарев И.С. Запрет определенных действий в системе мер процессуального принуждения // Законность. – 2020. – № 8. – С. 50-52.

9. Белкин А.Р. Запрет определенных действий – хорошо ли он определен? // Судебная власть и уголовный процесс. – 2019. – № 2. – С. 43-50.

10. Гуманизация полного цикла [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации. – URL: https://vsrf.ru/press_center/mass_media/30553/

11. Филатов Г.Б. Запрет определенных действий как мера пресечения в уголовном процессе России // Аграрное и земельное право. – 2021. – № 7. – С. 113-116.

Гладышева Ольга Владимировна,

*д.ю.н., профессор, заведующая кафедрой уголовного процесса
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
г. Краснодар*

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ДОКАЗЫВАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Уголовно-процессуальное доказывание традиционно рассматривается как основа уголовного судопроизводства. Такого рода значение апробировано временем и имеет под собой вполне надёжные основания законодательного, правоприменительного и научного характера. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) устанавливает приоритет использования доказа-

тельств (фактических сведений, полученных в установленной законом процедуре) для обоснования важных процессуальных решений.

Доказательствам и доказыванию (как специально определённой в законодательстве процедуры собирания, проверки, исследования и оценки доказательств) в науке уголовного процесса уделяется особо пристальное внимание. Подробно исследуются многие неоднозначные вопросы, включая определение понятия «доказательства», выявление его структуры, формы, свойств, видов и др. Не менее актуальными в научном и практическом отношении являются многочисленные исследования процедуры уголовно-процессуального доказывания.

Масштабность проводимых исследований обусловила получение широкого спектра иногда прямо противоположных мнений, взглядов, научных позиций по одним и тем же проблемам, в том числе таким, которые ранее не подвергались ревизии. Результаты анализа исследований свидетельствуют о том, что уголовно-процессуальное доказывание переживает новый виток подъёма научного интереса, вызванного многочисленными проблемами, проявляющимися в практической доказательственной деятельности.

В условиях многочисленных и разноплановых результатов возрастает потребность в их обобщении, выявлении как в научном поле, так и в законодательном регулировании закономерностей, формирующих тенденции современного уголовно-процессуального доказывания. Не имея возможности отразить все имеющиеся результаты законодательного и научного характера в рамках одной работы, приведём лишь те, которые, на наш взгляд, имеют концептуальный характер.

Большой интерес вызывают предписания уголовно-процессуального закона, которые определяют практику доказательственной деятельности и направления научных исследований в этой части правоприменения. Стоит отметить, что законодатель не очень часто (в сравнении с иными уголовно-процессуальными сферами) проводит реформирование уголовно-процессуального доказывания.

В 2006 г. в ст 73 УПК РФ были внесены дополнения в виде нового п. 8¹¹, содержащего правило об обязательном установлении факта преступного происхождения имущества, подлежащего конфискации, а в 2017 г. в части 2 ст. 75 УПК РФ¹² определена недопустимость доказательств, сформированных на основании материалов, входящих в адвокатское производство, и полученных в ходе оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий.

УПК РФ также дополнен ст. 81.1¹³ для более детального регулирования порядка изъятия вещественных доказательств по уголовным делам экономической направленности, с особенностями их изъятия по иным категориям уголовных дел и в случаях их учёта, хранения, передачи для реализации¹⁴.

Уточнён порядок разрешения ходатайств, заявленных о приобщении к уголовному делу доказательств (ч. 2.2 ст. 159 УПК РФ)¹⁵.

Важными для уголовно-процессуального доказывания нововведениями стали процедуры заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и сокращённой формы дознания. В каждом случае законодатель предусмотрел отдельные правила доказывания.

¹¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ (ред. от 21 декабря 2021 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2023 г.) // СЗ РФ. 2006. № 31 (часть 1), ст. 3452.

¹² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ // СЗ РФ. 2017. № 17, ст. 2455.

¹³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 27 (часть II), ст. 4256.

¹⁴ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 28 марта 2017 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 2017. № 14, ст. 2010.

¹⁵ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ // СЗ РФ. 2017. № 17, ст. 2455.

М.А. Баранова отмечает как тенденцию – развитие альтернативных форм доказательственной деятельности, которые, по её мнению, имеют большую приспособляемость к современным условиям, чем традиционные формы доказывания и обеспечивают быстроту установления существенных обстоятельств и вынесение правосудных итоговых процессуальных решений¹⁶.

Если в целом сформировать видение динамики законодательных изменений в уголовно-процессуальном доказывании, то она выглядит не очень высокой, особенно на фоне активного совершенствования других элементов уголовного судопроизводства. Отметим, что наиболее заметными являются альтернативные формы доказывания в сокращенном дознании и в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве.

Изменения, которые внесены в уголовно-процессуальный закон в части совершенствования порядка обращения с вещественными доказательствами, представляют определённый научный интерес. Не затрагивая сути внесённых изменений в указанный порядок, отметим интересную деталь: все они так или иначе касаются собственности, ограничения прав собственника, направлены на решение проблем сохранности имущества, приобщённого к уголовному делу в качестве вещественных доказательств, его реализации, в том числе принудительной.

Как представляется, такой подход законодателя демонстрирует тенденцию, направленную не на совершенствование порядка использования вещественных доказательств для установления фактических обстоятельств уголовного дела, а на оптимизацию взаимоотношений государства (в лице органов досудебного производства и суда, применяющих правоограничительные меры в отношении

¹⁶ Баранова М.А. О современных тенденциях в уголовно-процессуальном доказывании // Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве: история, современность и перспективы развития : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвящённой 95-летию со дня рождения Цили Моисеевны Каз / редкол.: Ю.В. Францифоров [и др.]. Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2020. С. 16–19.

имущества) и собственника имущества. И в этом случае проведённые в УПК РФ изменения вполне определённо можно рассматривать не как показатель формирования тенденции по совершенствованию уголовно-процессуального доказывания, а как вполне определённой и ярко проявляющейся также и в иных случаях тенденции по углублению уголовно-процессуального регулирования отношений с собственником имущества. В этой ситуации мы считаем обоснованным высказать мнение о том, что имеем дело с определённым направлением (тенденцией) совершенствования имущественных прав граждан и юридических лиц в уголовном судопроизводстве.

Изменение правил доказывания при сокращённой форме дознания и при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве имеет вполне отчётливый характер. Однако уместно задаться вопросом: в чём видится тенденция именно для уголовно-процессуального доказывания?

Сокращённая форма дознания имеет существенно изменившееся содержание (в сравнении с общей формой дознания). Для ускорения производства по отдельным категориям уголовных дел было разумно предложить сокращение и упрощение процедур доказательственной деятельности (безотносительно к тому, что со многими из новых правил доказывания автор не согласна). Однако это упрощение имело место однократно и с 2013 г. (более 10 лет) законодатель не предпринимал шагов в этом же направлении по упрощению процедуры доказывания. Дополнительным аргументом для обоснования высказанного мнения видится и тот факт, что сокращение доказывания имеет место не в целом в уголовном судопроизводстве, а разработано целевым образом для одной лишь формы одной его стадии.

При таких обстоятельствах, основываясь только на этом факторе, полагаем, делать вывод о тенденции, направленной на упрощение уголовно-процессуального доказывания, неправильно.

Досудебное соглашение о сотрудничестве и порядок его заключения в принципе является оригинальным механизмом в уголовном судопроизводстве. У него нет аналогов. Изменения в порядке дока-

звания, которые обусловлены его сущностью, не подлежат сопоставлению с какими-либо иными формами доказательственной деятельности. Соответственно, оригинальность самой процессуальной конструкции досудебного соглашения о сотрудничестве, её неповторимость исключают постановку вопроса о её определяющем влиянии на современное уголовно-процессуальное доказывание и формирование на этой основе какой бы то ни было тенденции его развития.

Получается, что для выявления тенденций в доказывании недостаточно использовать результаты анализа изменений уголовно-процессуального законодательства. На этой основе не происходит выявления каких-либо чётких сигналов, свидетельствующих о траектории развития уголовно-процессуального доказывания.

Тем не менее эти сигналы вполне отчётливо прослеживаются в другой сфере.

Отметим здесь наличие ст. 186 УПК РФ – контроль и запись переговоров. Это следственное действие сразу привлекло внимание учёных. Появилось достаточно большое количество исследований, результаты которых соответствовали представлениям авторов о направлении дальнейшего развития именно доказательственного права в уголовном судопроизводстве.

Приведём две точки зрения по рассматриваемому вопросу:

1) результаты контроля и записи телефонных или иных переговоров могут непосредственно использоваться в процессе доказывания в качестве самостоятельного источника доказательств¹⁷;

2) по итогам производства контроля и записи переговоров создаются условия для процессуального оформления и использования полученных сведений в качестве доказательств по уголовному делу¹⁸.

¹⁷ *Попов К.И.* Использование в доказывании результатов контроля и записи переговоров // *Правопорядок: история, теория, практика.* 2014. № 1 (2). С. 139.

¹⁸ *Арунов А.Л.* Анализ следственного действия контроль и запись переговоров // *Судебная реформа в современной России: результаты, проблемы и перспективы* : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящённой 100-летию Кубанского государственного университета / отв. ред. В.А. Семенцов. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2020. С. 18–24.

Учёными не единожды ставится вопрос о близком «соседстве» следственного действия «контроль и запись переговоров» с оперативно-розыскным мероприятием «прослушивание телефонных переговоров»¹⁹. Также актуальна проблема обеспечения прав личности при производстве указанного следственного действия²⁰.

Профессор В.А. Семенцов пишет о пополнении системы следственных действий негласными их видами²¹.

Исходя даже из столь небольшого числа научных мнений, можно сделать вполне закономерный вывод: в уголовном судопроизводстве появилось следственное действие негласного характера, что означает неосведомлённость участников о своём вовлечении в его производство. При этом статус следственного действия для контроля и записи переговоров исключает прохождение каких-либо дополнительных этапов проверки (адаптации) на пути использования полученных сведений в качестве доказательств. Иными словами, результаты этого следственного действия непосредственно формируются как процессуальные доказательства. Это при том, что сам следователь не принимает участия в получении фактических данных, а его участники вообще не осведомлены о его производстве.

Налицо принципиальная разница между процедурой доказывания при производстве традиционных, т.е. гласных следственных действий, и негласных следственных действий. Эти отличия не позволяют результатам негласных следственных действий в полной

¹⁹ Шейфер С.А. О правовой регламентации доказательственной деятельности следователя // Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства в России : материалы науч. конф. М. : Проспект, 2002. С. 22–23; Шишов Е. Контроль и запись переговоров следственное действие или оперативно-розыскное мероприятие // Уголовное право. 2006. № 6. С. 121–125.

²⁰ Купряшина Е.А., Буханцова К.И. Проблема обеспечения прав личности при производстве контроля и записи переговоров в уголовном судопроизводстве // Приднепровский научный вестник. 2023. Т. 5, № 4. С. 154–158.

²¹ Семенцов В.А. К вопросу о пополнении системы следственных действий негласными познавательными приемами // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 4. С. 48–57.

мере соответствовать требованиям, предъявляемым к доказательству, например, их получением следователем. Тем не менее никаких дополнительных правил по их проверке или исследованию уголовно-процессуальное законодательство не устанавливает.

Негласные следственные действия – это «первая ласточка» в формирующейся весьма важной тенденции в уголовно-процессуальном доказывании – вовлечение в доказывание, а значит, и использование при принятии важных в правовом отношении процессуальных решений результатов следственных действий, не отвечающих в должной мере требованиям проверяемости и достоверности.

Следующим шагом в становлении и укреплении этой тенденции выступает проникновение в уголовно-процессуальное доказывание результатов уже чисто оперативно-розыскных мероприятий.

Процесс формирования процессуального доказательства хорошо описал В.Н. Григорьев: «В технологическом процессе формирования доказательства наглядно видно, как происходит преобразование оригинала: происходит трансформация реально существующих объектов и устных сообщений в идеальный объект – некий существующий в сознании субъекта расследования познавательный образ, который в результате выполнения предписанных законом процедур сохраняется путём преобразования его в запись в протоколе или в иную предписанную форму сохранения информации»²². Им также высказывается идея о пригодности результатов оперативно-розыскной деятельности для использования в уголовном процессе без соответствующей их уголовно-процессуальной интерпретации, поскольку «доброкачественность и правовая характеристика результатов ОРД фактически соизмерима с характеристикой уголовно-процессуальных доказательств в связи с тем, что в рамках ОРД также действуют строгие правила оценки полученной информации с точки зрения её относимости, допустимости, достаточности и достоверности»²³.

²² Григорьев В.Н. Некоторые суждения о результатах оперативно-розыскной деятельности // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 49.

²³ Григорьев В.Н. Указ. соч. С. 52.

Соглашаясь в целом с описанием технологии формирования доказательства и не являясь сторонником категорического запрета на использование результатов ОРД в уголовно-процессуальном доказывании, мы всё же видим определённые риски от указанной тенденции современного развития уголовно-процессуального доказывания. Главный риск – это получение в рамках ОРД сведений, которые не являются проверяемыми и в большинстве случаев сомнительны с точки зрения достоверности.

Приведём только один пример, который иллюстрирует возможные трудности в работе судов при увеличении потока сведений, полученных в ходе оперативно-розыскной информации и привлечённых в качестве доказательств по уголовному делу: «В суде с участием присяжных заседателей была исследована цифровая видеозапись беседы оперативных работников МВД с осуждённым, в ходе которой он ответил на вопросы об обстоятельствах его участия в совершении разбойного нападения с другими осуждёнными, и в прениях была использована государственным обвинителем для доказывания вины осуждённых. Вместе с тем доводы жалобы о том, что указанное доказательство являлось недопустимым, было получено с нарушением уголовно-процессуального закона, а в удовлетворении заявленного о его исключении ходатайства стороне защиты было отказано необоснованно, заслуживают внимания, поскольку видеозапись содержала показания подсудимого, не подтверждённые им в судебном заседании»²⁴.

Можно задаться вопросом: почему в привлечении результатов негласных следственных действий мы видим именно тенденцию развития уголовно-процессуального доказывания, но не видим её при развитии альтернативных процессуальных форм (сокращённой формы дознания)?

Нам представляется, что правильным ответом на поставленные вопросы будет указание на концептуальную значимость появ-

²⁴ Верховный Суд Российской Федерации. 2014. Определение по уголовному делу № 69-АПУ14-5СП.

ления в уголовном судопроизводстве негласных следственных действий, устанавливающих не альтернативную форму доказывания, а его принципиально новый вид, приводящий к получению сведений, обладающий новыми качествами и свойствами.

Помимо указанного можно выделить ещё один вектор развития уголовно-процессуального доказывания, пока что находящийся в сфере гипотетического, умозрительного развития – электронные доказательства. Это направление научного поиска²⁵ имеет весьма большие шансы оформиться в реальную (законодательную и практическую) тенденцию, носящую ещё более революционный характер, чем использование результатов ОРД в уголовно-процессуальном доказывании.

Свидетельством серьёзности этого процесса являются нарастающий в геометрической прогрессии объём научных результатов о цифровых технологиях и день ото дня совершенствующиеся качества, увеличение количества полезных для уголовного судопроизводства возможностей, приобретение принципиально новых свойств с неизученным пока потенциалом, что только увеличивает интерес к их исследованию.

Очевидно, что этот процесс будет проходить по возрастающей и в недалёком будущем реализуется в тех или иных формах в уголовно-процессуальном доказывании. Соответственно остро

²⁵ Вехов В.Б. Электронные доказательства: проблемы теории и практики // Правопорядок: теория, история, практика. 2016. № 4. С. 47; Анисифорова М.В., Машугина Е.В., Андреев М.В. Теория и практика применения электронных доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях. М.: Науч.-изд. центр ИНФРА-М, 2020. 120 с.; Джигоев В.Г. О некоторых проблемах теории и практики применения электронных доказательств в арбитражном процессе Российской Федерации // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2022. № 4. С. 113–120; Алиева А.Б. Электронные доказательства в теории и правоприменительной практике процессуального судопроизводства // Проблемы экономики и юридической практики. 2021. Т. 17, № 6. С. 124–129; Количенко А.А. Допустимость электронных доказательств в современном уголовном процессе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 3 (95). С. 80–85.

актуальными становятся как фундаментальные разработки уголовно-процессуального доказывания, позволяющие создать надёжную теоретическую основу для развития электронного доказывания, способные прогнозировать его развитие, так и конструктивные наработки отдельных элементов этого доказывания.

Подводя итог, отметим основные выводы.

1. Современное уголовно-процессуальное доказывание не претерпевает каких-либо масштабных изменений в законодательном регулировании, в связи с чем прямое свидетельство проявляемых тенденций в его развитии, исходя из мер по совершенствованию уголовно-процессуального закона, не прослеживается.

2. Существование негласных следственных действий, практика применения их результатов, расширение сферы вовлечения и непосредственного использования сведений, полученных оперативно-розыскным путём, мы рассматриваем как негативную тенденцию развития уголовно-процессуального доказывания, несущую риски для полноты, достоверности и в целом для обоснованности процессуальных решений.

3. Научное прогнозирование позволяет указать на активно нарастающую тенденцию развития электронного формата уголовно-процессуального доказывания. Принципиально важно вести научный поиск в сфере фундаментальных исследований электронного доказывания, формируя соответствующую теорию, опираясь на общие начала уголовного судопроизводства, его нравственную основу и учитывая не только существующий технический потенциал цифровых способов формирования доказательств, но и их возможности в будущем.

Библиографический список

1. Баранова М.А. О современных тенденциях в уголовно-процессуальном доказывании // Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве: история, современность и перспективы развития : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвящённой 95-летию со дня рождения Цили Моисеевны

Каз / редкол.: Ю.В. Францифоров [и др.]. – Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2020. – С. 16–19.

2. Попов К.И. Использование в доказывании результатов контроля и записи переговоров // Правопорядок: история, теория, практика. – 2014. – № 1 (2). – С. 137–140.

3. Арипов А.Л. Анализ следственного действия контроль и запись переговоров // Судебная реформа в современной России: результаты, проблемы и перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящённой 100-летию Кубанского государственного университета / отв. ред. В.А. Семенцов. – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2020. – С. 18–24.

4. Шейфер С.А. О правовой регламентации доказательственной деятельности следователя // Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства в России : материалы науч. конф. – М. : Проспект, 2002. – С. 22–23.

5. Шишов Е. Контроль и запись переговоров следственное действие или оперативно-розыскное мероприятие // Уголовное право. – 2006. – № 6. – С. 121–125.

6. Купряшина Е.А., Буханцова К.И. Проблема обеспечения прав личности при производстве контроля и записи переговоров в уголовном судопроизводстве // Приднепровский научный вестник. – 2023. – Т. 5, № 4. – С. 154–158.

7. Семенцов В.А. К вопросу о пополнении системы следственных действий негласными познавательными приемами // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 4. – С. 48–57.

8. Григорьев В.Н. Некоторые суждения о результатах оперативно-розыскной деятельности // Судебная власть и уголовный процесс. – 2018. – № 2. – С. 48–52.

9. Вехов В.Б. Электронные доказательства: проблемы теории и практики // Правопорядок: теория, история, практика. – 2016. – № 4. – С. 46–50.

10. Анисифорова М.В., Машугина Е.В., Андреев М.В. Теория и практика применения электронных доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях. – М. : Науч.-изд. центр ИНФРА-М, 2020. – 120 с.

11. Джиоев В.Г. О некоторых проблемах теории и практики применения электронных доказательств в арбитражном процессе Российской Федерации // Вестник Арбитражного суда Московского округа. – 2022. – № 4. – С. 113–120.

12. Алиева А.Б. Электронные доказательства в теории и правоприменительной практике процессуального судопроизводства // Проблемы экономики и юридической практики. – 2021. – Т. 17, № 6. – С. 124–129.

13. Количенко А.А. Допустимость электронных доказательств в современном уголовном процессе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (95). – С. 80–85.

Дьяконова Оксана Геннадьевна,

*д.ю.н., доцент, профессор кафедры судебных экспертиз
ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»,
г. Москва*

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТОЛОГИЯ И УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО: ДИФФУЗИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Прошло более 70 лет с тех пор, как появились первые работы П.И. Тарасова-Родионова, Ю.М. Кубицкого, А.И. Винберга, А.Р. Шляхова, посвящённые вопросу становления новой науки о судебной экспертизе. В 1979 году вышла в свет известная монография А.И. Винберга и Н.Т. Малаховской²⁶, в которой в полной мере зазвучало название новой науки – судебной экспертологии. Первые попытки учёных закрепить за судебной экспертологией право на существование

²⁶ *Винберг А.И., Малаховская Н.Т. Судебная экспертология. Общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз : учеб. пособие / отв. ред. Б.А. Викторов. Волгоград : НИиРИО ВСШ МВД СССР, 1979.*

и подчеркнуть её практическую значимость не увенчались успехом, поскольку на тот момент отсутствовала теоретическая база, достаточная для утверждения о формировании науки. Практическая экспертная деятельность довольствовалась методическими рекомендациями, разработанными для каждого рода и вида существовавших на тот момент экспертиз, опираясь на достижения криминалистической техники.

В последующем в 80-х – начале 90-х гг. XX в., как верно пишет Е.Р. Россинская, «сложились объективные предпосылки формирования новой междисциплинарной теории – общей теории судебной экспертизы и признания её большинством криминалистов»²⁷. Такими предпосылками выступили в том числе накопление большого эмпирического материала, разработка методологических, правовых и организационных основ для различных родов судебных экспертиз, многочисленные теоретические и прикладные работы по проблемам судебной экспертизы, функционирование развитой системы государственных судебно-экспертных учреждений²⁸.

В настоящее время судебная экспертология развивается стремительно. С каждым годом растёт число научных публикаций, монографий, защищённых диссертаций по проблемам теории и практики различных родов и видов судебных экспертиз. Следует подчеркнуть, что проблематика судебной экспертологии разрабатывается в тесной связи с другими областями научного знания. Это обусловлено как синтетическим и междисциплинарным характером данной науки, так и необходимостью многостороннего, комплексного подхода к изучению различных аспектов судебно-экспертной деятельности и деятельности по использованию специальных знаний в целом.

²⁷ Судебная экспертология: история и современность (научная школа, экспертная практика, компетентностный подход) / под ред.: Е.Р. Россинской, Е.И. Галяшиной. М. : Проспект, 2017. С. 21.

²⁸ Судебная экспертология: история и современность... С. 21.

Полагаем, что природа судебной экспертологии, как и опосредованно связь с другими науками, является сложной по своему составу, включая как юридическую составляющую, так и элементы, связи с другими (медициной, химией, физикой и т.д.) науками, что в очередной раз доказывает её синтетический характер. Судебная экспертология как наука весьма тесно связана с другими отраслями научного знания, прежде всего с криминалистикой. Такая многогранная взаимосвязь подчёркивает характер судебной экспертологии. При этом криминалистика и судебная экспертология существуют как отдельные науки, но находятся в тесной взаимосвязи, что обусловлено не только историческим развитием, но и методологией, задачами и целями. В соответствии с этим есть смысл говорить о таком взаимодействии и взаимовлиянии наук, которое способствует их прогрессивному развитию, совершенствованию научной базы. Ранее в литературе звучал термин «диффузия наук», под которым понимался процесс взаимного проникновения одних наук в другие. При этом данный процесс не означает слияние научного знания, но характеризует изучение объекта и предмета с ракурсов различных наук. Так, например, судебная экспертиза исследуется судебной экспертологией и уголовно-процессуальной наукой, но изучению подвергаются различные её аспекты, закономерности. Однако при формулировании выводов о судебной экспертизе в уголовном процессе происходит синтез научного знания, в выводах на основе разработок судебной экспертологии учитывается специфика уголовного процесса. Следовательно, этот термин точнее выражает существо процесса, чем термин «взаимосвязь наук», поскольку проникновение наук вовсе не всегда является взаимным, а взаимосвязь выдвигает на первый план результат взаимодействия, а не его процесс²⁹. Представляется, этот термин может применяться и к характеристике взаимосвязи судебной экспертологии с другими науками.

²⁹ Сичивица О.М. Мобильность науки. Горький, 1975. С. 161.

А.В. Дулов справедливо отмечал, что «наука может считаться вспомогательной только по отношению к практике, которую она обслуживает, а не по отношению к другой науке»³⁰. Действительно, связь судебной экспертологии с различными отраслями наук не является подчинённой, это – взаимосвязь равного характера. Она выражается в том, что судебная экспертология воспринимает отдельные положения, изучаемые, например, криминалистикой, уголовно-процессуальной наукой, медициной, психиатрией, психологией, техническими науками, но при этом не посягает на предмет их изучения, предлагая взамен использовать общие положения теории судебной экспертизы, с тем, чтобы была достигнута цель использования знаний из судебной экспертологии и других отраслей наук для достижения задач судопроизводства или иной юрисдикционной деятельности.

Предметом судебной экспертологии являются теоретические, правовые и организационные закономерности осуществления судебно-экспертной деятельности в целом и деятельности по применению и использованию специальных знаний в других формах в судопроизводстве или иных видах юрисдикционной деятельности; закономерности возникновения, формирования и развития классов, родов и видов судебных экспертиз и их частных теорий на основе единой методологии, унифицированного понятийного аппарата и с учётом постоянного обновления и видоизменения судебно-экспертных знаний, и разрабатываемые на основе познания этих закономерностей единые для всех видов судопроизводства и иных видов юрисдикционной деятельности унифицированные экспертные технологии, стандарты экспертных компетенций и сертифицированных экспертных лабораторий, единое правовое и организационное обеспечение судебно-экспертной деятельности и деятельности по применению и использованию специальных знаний в других

³⁰ Цит. по: Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: Изд-во «НОРМА-ИНФРА-М», 2001.

формах в судопроизводстве или иных видах юрисдикционной деятельности. В приведённой дефиниции предмета судебной экспертологии за основу взято определение предмета этой науки, сформулированное Е.Р. Россинской³¹. Однако расширение предмета науки в приведённом выше определении обусловлено развитием частных теорий в рамках судебной экспертологии, ввиду чего в предмет её исследования можно включить и другие виды использования специальных знаний, помимо судебной экспертизы, поскольку методологические основы различных видов использования специальных знаний весьма тесно переплетаются, а изучение основ участия специалиста в юрисдикционной деятельности обеспечивается за счёт разработки учения о формах применения и использования специальных знаний. Исходя из предмета научного исследования, наука судебная экспертология представляет собой систему научных знаний об указанных закономерностях.

Предмет теории уголовного процесса, по мнению А.В. Смирнова и К.Б. Калиновского, можно определить как «свойства уголовного судопроизводства, его связи, закономерности возникновения, функционирования и развития как социально-правового явления»³². «Предметом теории уголовного процесса являются: внутреннее логическое содержание, структура и система норм уголовно-процессуального права; социальные интересы и потребности, лежащие в основе уголовно-процессуальных норм и институтов; правоотношения, возникающие при производстве по уголовным делам, как форма практической реализации правовых предписаний; возникающие в ходе уголовно-процессуальной деятельности нарушения уголовно-процессуальных норм, их причины и способы устранения; типы, формы, тенденции развития зарубежного уголовного процесса,

³¹ *Россинская Е.Р.* Современная судебная экспертология – наука о судебной экспертизе и судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. 2015. № 4 (40). С. 16.

³² *Смирнов А.В., Калиновский К.Б.* Уголовный процесс : учебник / под общ. ред. А.В. Смирнова. 8-е изд., перераб. М. : Норма, ИНФРА-М, 2023. С. 36.

их достоинства, недостатки и влияние на отечественное процессуальное законодательство; история и направления развития уголовного судопроизводства; история изучения уголовного судопроизводства (историография науки уголовного процесса)»³³. Большинство авторов-процессуалистов сходятся во мнении, что «предметом науки уголовного процесса традиционно выступают само уголовно-процессуальное право (в нормативном выражении) и практика его применения – уголовно-процессуальная деятельность, а также исторический опыт её развития в отечественном и зарубежном правопорядках»³⁴. Объектом уголовно-процессуального права является уголовно-процессуальная деятельность во всех её проявлениях.

Таким образом, соотношение судебной экспертологии с любым, в том числе уголовно-процессуальным, правом можно рассматривать только с точки зрения одноуровневой взаимосвязи: наука «судебная экспертология» – наука «процессуальное право». Предмет их исследования частично пересекается при несовпадении объекта.

Взаимосвязь судебной экспертологии с процессуальным правом отражается в исследовании правового статуса эксперта и специалиста как субъектов правоприменительной и правотворческой деятельности, значимости результатов их процессуальной деятельности, процедурных аспектов назначения и производства судебной экспертизы, привлечения и участия специалиста, а также вопросов международно-правового сотрудничества в области судебной экспертизы.

Деятельность по применению и использованию специальных знаний в других формах в судопроизводстве или иных видах юрисдикционной деятельности является объектом изучения не только судебной экспертологии. Судебная экспертология не занимается изучением процессуальных аспектов реализации различных форм использования специальных знаний, это прерогатива процессуальных наук. Но выводы, полученные в процессе исследования сущности и функционирования различных видов и форм использования

³³ Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Указ. соч. С. 37.

³⁴ Уголовный процесс : учебник / под ред.: А.Д. Прошлякова, В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко. М. : Норма: ИНФРА-М, 2022. С. 26.

специальных знаний, а также использования их результатов, могут быть положены в основу обновления существующего противоречивого правового регулирования, унификации положений правового макроинститута «использование специальных знаний»³⁵. Такое понимание объекта судебной экспертологии с учётом деятельностного подхода, представляется, коррелирует с определением предмета науки судебной экспертологии.

Проявлений взаимодействия различных наук немало, но одним из важнейших является разработка теоретических основ той или иной частной теории в рамках какой-либо науки, которая, как правило, завершается монографической научной работой. Существующее на данный момент нормативное регулирование, посвящённое номенклатуре научных специальностей, относит исследования в области судебной экспертологии к группе научных специальностей 5.1.4. «Уголовно-правовые науки»³⁶. Согласно разъяснениям Минобрнауки России указанная группа научных специальностей полностью соответствует существовавшим ранее специальностям: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (юридические науки); 12.00.09 – Уголовный процесс (юридические науки); 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность (юридические науки)³⁷.

³⁵ Подробнее о макроинституте см.: *Дьяконова О.Г.* Формы реализации макроинститута использования специальных знаний // Судебная экспертиза. 2016. № 3. С. 18-29.

³⁶ Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093 : приказ Минобрнауки России от 24.02.2021 № 118 (ред. от 24.07.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 06.04.2021.

³⁷ О сопряжении научных специальностей номенклатуры, утвержденной приказом Минобрнауки России от 24 февраля 2021 г. № 118, научных специальностей номенклатуры, утвержденной приказом Минобрнауки России от 23 октября 2017 г. № 1027 : рекомендация Президиума

Однако при сравнении содержания паспортов научных специальностей 12.00.12 и 5.1.4 применительно к положениям о судебной экспертологии можно отметить следующее. Во-первых, в паспорте научной специальности 12.00.12 более подробно было изложено содержание специальности – исследование закономерностей формирования и развития судебных экспертиз различных классов, родов и видов, типизации их объектов, задач, методов исследования, а также ситуаций и форм использования этих возможностей в судопроизводстве. Достаточно чётко и подробно были обозначены направления исследования судебно-экспертной деятельности, начиная с истории и современного состояния теории судебной экспертизы, завершая вопросами экспертной профилактики. Важными направлениями выступали проблемы производства судебной экспертизы, компетентности эксперта, участия специалиста в процессуальных действиях и другие. По сути, изложенное в паспорте научной специальности 12.00.12 наиболее соответствовало современной структуре науки судебной экспертологии.

Во-вторых, приведённые в паспорте научной специальности 12.00.12 направления могли разрабатываться в междисциплинарном ракурсе, поскольку проблемы использования специальных знаний существуют в рамках любого вида судопроизводства или иного вида юрисдикционной деятельности. И в паспорте научной специальности 12.00.12 на это указывалось.

В-третьих, направлениям исследования в области судебной экспертологии в паспорте научной специальности 5.1.4 посвящён только один пункт, определяющий в двух строках направления исследований: «Судебная экспертология, её предмет, структура, задачи и функции. Методология судебно-экспертной деятельности и тенденции её развития». К сожалению, нигде в паспорте не указывается на возможность междисциплинарного исследования проблематики в области судебной экспертизы и участия специалиста

в других видах судопроизводства, помимо уголовного. Таким образом, законодатель на сегодняшний день существенно сузил возможности исследований на стыке научного знания в области судебной экспертологии и различных процессуальных наук, помимо уголовно-процессуальной.

В-четвёртых, при анализе и сравнении паспортов научных специальностей 5.1.2 и 5.1.3 выявлено отсутствие каких-либо пересечений, в рамках которых возможно было бы проведение междисциплинарного исследования с применением судебной экспертологии. Соответственно, специфические проблемы использования специальных знаний в гражданском, арбитражном, административном судопроизводстве, производстве по делам об административных правонарушениях, а также конституционном судопроизводстве на данный момент возможно изучать только в рамках указанных научных областей вне связи с судебной экспертологией, в предмет исследования которой как раз и входят теоретические (методологические), правовые и организационные закономерности судебно-экспертной деятельности и использования специальных знаний в различных видах юрисдикционной деятельности. Представляется, что существующее положение будет негативно сказываться на развитии научной мысли, поскольку односторонний подход к изучению форм и видов использования специальных знаний способен привести к выработке ошибочных предложений, рекомендаций, применение которых при формировании нормативного регулирования и на практике приведёт к ещё большим противоречиям и повлечёт ошибки правоприменения.

С одной стороны, можно оценить положительно тот факт, что судебная экспертология включена в группу научных специальностей «Уголовно-правовые науки», а с другой – невключение положений об исследовании использования специальных знаний в ракурсе судебной экспертологии в паспорта других научных специальностей является не совсем обоснованным.

Судебная экспертология, как и уголовно-процессуальное право, и другие процессуальные науки, является самостоятельной

научной отраслью. Судебная экспертология как состоявшаяся наука в сотрудничестве с другими науками разрабатывает рекомендации и разработки, которые могут быть успешно реализованы при формировании нормативного регулирования использования специальных знаний в различных видах юрисдикционной деятельности, включая судопроизводство, что весьма важно для унификации правовых положений. В этой связи очень важно обеспечить надлежащее нормативное регулирование научной деятельности междисциплинарного характера.

Библиографический список

1. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. – М.: Изд-во «НОРМА-ИНФРА-М», 2001. – 240 с.

2. Винберг А.И., Малаховская Н.Т. Судебная экспертология. Общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз: учебное пособие / отв. ред. Б.А. Викторов. – Волгоград: НИиРИО ВСШ МВД СССР, 1979. – 182 с.

3. Дьяконова О.Г. Формы реализации макроинститута использования специальных знаний // Судебная экспертиза. – 2016. – № 3. – С. 18-29.

4. Россинская Е.Р. Современная судебная экспертология – наука о судебной экспертизе и судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. – 2015. – № 4 (40). – С. 10–18.

5. Сичивица О.М. Мобильность науки. – Горький, 1975. – С. 161.

6. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. А.В. Смирнова. – 8-е изд., перераб. – М.: Норма, ИНФРА-М, 2023. – 784 с.

7. Судебная экспертология: история и современность (научная школа, экспертная практика, компетентностный подход) / под ред.: Е.Р. Россинской, Е.И. Галяшиной. – М.: Проспект, 2017. – 272 с.

8. Уголовный процесс: учебник / под ред. А.Д. Прошлякова, В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. – 888 с.

*Зинатуллин Зинур Зинатуллович,
д.ю.н., профессор, Заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации г. Ижевск*

НАСУЩНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Основная проблема сейчас одна, когда будет сконструирован такой Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, который бы отвечал современным требованиям уголовно-процессуального регулирования, поскольку постоянные изменения и дополнения УПК РФ затрудняют работу. Это проблема, которую надо решать сейчас. Необходимо поручить институту законодательства и сравнительного правоведения тщательную проработку УПК РФ, причём как можно скорее к 2025 году, поскольку возникает ряд вопросов, требующих своевременного решения. К примеру, для чего нужна шестая статья УПК РФ «Назначение уголовного судопроизводства»? Это лозунговая статья, она только повторяет содержание статьи второй Конституции РФ и больше ничего, а как вот эти назначения решить? Нет статьи о задачах уголовного судопроизводства, хотя при обсуждении первоначальной редакции кодекса в 2002 году уже было сказано, что обязательно должна быть статья о задачах, стоящих перед уголовным процессом. В своей книге А.А. Давлетов и Н.А. Азаренок тоже опять предлагают обязательное введение статьи, устанавливающей задачи³⁸, при этом мной до этого тоже было предложено введение задач в часть 2 статьи 6, либо сделать отдельно самостоятельную статью, взять УПК РСФСР, где были довольно чётко обозначены те задачи, которые должны решать правоохранительные органы, т.е. задачи раскрытия преступления и т.д.

³⁸ Давлетов А.А., Азаренок Н.А. Уголовный процесс России: исторические корни, современное состояние, перспективы эволюционного развития : монография. Екатеринбург : УрГЮА, 2023.

Необходимо решить вопрос о принципах уголовного процесса: непременно восстановить принцип всестороннего полного и объективного исследования обстоятельств дела. Ни один квалифицированный прокурор не будет утверждать обвинительное заключение, пока не убедится, что все обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, установлены полностью, только тогда он утвердит обвинительное заключение, и материалы будут направлены в суд.

Представляется существенным пересмотреть уголовно-процессуальное законодательство в целом. Уголовный процесс, или производство по уголовным, делам будет иметь место только в том случае, если имеется обвиняемый, без института обвинения – это абсурд. Вопреки мнению Б.Я. Гаврилова, утверждаю, что без обвинения уголовного процесса нет, он же настаивает на том, что можно ставить вопрос о возрождении протокольной формы досудебной подготовки. Однако законодатель по УПК РФ отказался от неё, введя в последующем сокращённую форму дознания, которая мало чем отличается от протокольной формы: как там не было уголовно-процессуального доказывания, так и здесь его нет. Поэтому сокращённую форму дознания давно следует убрать. Не может быть градации преступлений, по которым расследование должно проводиться в форме следствия и в форме дознания. Указанная градация вызывает определённые вопросы. Всё больше прихожу к выводу о том, что может быть отказаться от предварительной формы дознания и формы следствия, т.к. все дела очень важные, и судьба любого человека, которого мы привлекаем к уголовной ответственности, осуждаем, решается. Судьба человека, судьба, возможно, целого поколения этого человека, и поэтому говорить о том, что по каким-то делам должно проводиться дознание, по каким-то делам – следствие, наверное, всё же надо подумать серьёзно.

Следующий момент, упомянутый ранее об обвинении, – без обвинений нет уголовного процесса, но нет уголовного процесса и без уголовного процессуального доказывания. Вот этот стержень, сердцевина уголовного процесса, там, где нет уголовно процессуального доказывания, не может быть и производства по уголовным

делам. В Уголовно-процессуальном кодексе РФ есть целый раздел, посвящённый применению принудительных мер медицинского характера. Есть ли необходимость в сохранении в УПК РФ этой главы о применении принудительных мер медицинского характера, если учесть, что в Уголовном кодексе говорится о том, что субъектом уголовной ответственности может быть только вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, невменяемые лица не могут быть участниками уголовного процесса, к ним надо применять меры принудительного лечения, которые, кстати, в Уголовном кодексе и указаны? А может быть, не только в Уголовном кодексе, может быть, какой-то отдельный законодательный акт предусмотреть? По крайней мере никакого уголовного процессуального доказывания применения этих мер там, по сути дела, нет.

Необходимость существования института освобождения от уголовной ответственности посредством назначения судебного штрафа также ставлю под сомнение. Несмотря на мнения Н.А. Азаренка и А.А. Давлетова, которые считают, что очень правильно законодатель ввёл данную меру уголовно-правового характера, пополняющую казну государства, удивляет почему мы забыли о воспитательно-профилактическом эффекте. Уголовное дело прекращается ввиду деятельного раскаяния (статьи 25–28 УК РФ о прекращении уголовного преследования). Эти статьи как работали, так и работают, а мы пытаемся заменить на такие, где и намёка нет на наличие уголовно-процессуального доказывания, думаю, зря этот институт ввели.

Можно ещё и ряд других вопросов рассмотреть. С удовольствием прочитал статью О.В. Гладышевой, где она поднимает вопрос о предпринимательстве. Сейчас много внимания уделяется предпринимательской деятельности и особенно индивидуальным предпринимателям. В связи с этим пришел к выводу, что необходимо на уровне уголовного процессуального законодательства, может быть, предусмотреть особенности производства по делам о преступности ИП, т.к. сильно участились случаи мошенничества по ст. 198 Уголовного кодекса РФ («Уклонение физического лица

от уплаты налогов, сборов и (или) физического лица – плательщика страховых взносов от уплаты страховых взносов»). Упразднённая Указом Президента РФ в 2003 году налоговая полиция имела возможности оперативно розыскной деятельности, изучать материалы, устанавливать способы неуплаты правонарушителями налогов и т.д. Не нужно ли нам восстанавливать это производство?

Ещё один вопрос, требующий внимания, касается главы 52, статьи 447 УПК РФ, в которой предусмотрена группа лиц, в отношении которых должен быть особый порядок судопроизводства расследования уголовных дел, особый порядок их задержания, производства порядок ареста и т.д. Однако может ли быть особый порядок, который не согласуется с Конституцией РФ? В статье 19 Конституции РФ чётко написано, все равны перед законом и судом, а здесь указывается группа лиц, которая, оказывается, ещё и не подчиняется этой статье 19, она вне этой статьи. Считаю главу 52 УПК РФ надо убрать, иначе мы пишем в статье первой, статье второй одно, и в статье 19 тоже одно, а на самом деле в реальной жизни осуществляем нечто другое.

Вызывает сомнение необходимость существования раздела XIV об исполнении приговора. В УПК РФ целый раздел посвящен регулированию вопросов исполнения приговоров. Однако вопрос исполнения приговора регулируется Уголовно-исполнительным кодексом РФ: как только судебное решение вступило в законную силу, как только приговор вступил в законную силу дальше работает УИК. В Уголовном кодексе РФ также целый раздел посвящен исполнению приговора. Есть ли необходимость в их существовании, если эти вопросы решает УИК РФ?

В завершении хотелось бы сказать о важности прокуратуры. Не утрачивает ли своё значение прокуратура? Какое внимание придавал Пётр I прокуратуре, создавая её, и какие великие величины были генеральными прокурорами в советский период, тот же А.Я. Вышинский и др. Прокуратура должна поднять свою значимость.

Каминский Александр Маратович,

*д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой криминалистики
и судебных экспертиз ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный
университет», г. Ижевск*

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОФАЙЛИНГА В РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Состояние современной преступности в РФ характеризуется изменениями её количественных и, главное, качественных её характеристик. В этой связи перед криминалистикой встают задачи не только конструирования новых технических средств, совершенствования тактических приёмов и методик, но и создания принципиально нового инструментария получения информации о преступнике.

К настоящему моменту в отечественной криминалистике сложился метод криминалистического изучения личности, который «может быть представлен как совокупность приёмов и действий, посредством которых следователь может собирать нужные сведения о личности тех или иных участников уголовного процесса»³⁹. Указанными выше обстоятельствами объясняется и появление в криминалистике направления, изучающего нетрадиционные способы и методы получения информации о преступлении и преступнике. К числу инструментов криминалистического изучения личности можно отнести и профайлинг, отдельные виды которого получили распространение в следственной и оперативной практике, а опыт его применения даёт обнадеживающие результаты и демонстрирует в определённых случаях большую эффективность.

Особенно интересными представляются те ситуации, когда личность преступника неизвестна, не установлена. Конечно, такой индивид не может быть участником уголовного процесса, но этот факт совершенно не исключает возможностей создания его психологического портрета.

³⁹ Криминалистика : учебник для студентов вузов / под ред. А.Ф. Вольнского, В.П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 109.

Однако неясность применяемых методик, сложность технологии применения профайлинга и ряд организационных вопросов практики существенно сдерживают его развитие. «С каждым годом данное направление в криминальной психологии привлекает всё больше и больше внимания к себе, к своим методам и приёмам, но большинство людей не понимают саму сущность этого знания»⁴⁰.

Следует отметить, что в настоящее время во многих сферах социума используются различные виды профайлинга: в сфере информационной безопасности – антитеррористический, используемый для предотвращения террористических угроз путём выявления потенциально опасных участников массовых мероприятий (по этому поводу Роджер Кларк замечал, что профилирование (один из видов профайлинга) – это метод наблюдения за данными, который до сих пор мало изучен, но всё чаще используется как средство создания подозрений или предполагаемых угроз относительно значительной части населения и предусматривает анализ определённых характеристик, обоснованных прошлым с целью дальнейшего поиска данных о лицах, соответствующих эталонному набору характеристик⁴¹); научно-исследовательский профайлинг⁴²; психотехнологический, бизнеспрофайлинг, используемый в процессе бизнес-коммуникаций и др.

Исследованиям содержания и сущности профайлинга, разработке его методик посвящали свои труды зарубежные учёные: Rita Alexandra Brilha Ribeiro, Caroline B. Meyer, Roach K., Wells S. & West A. и другие.

⁴⁰ Васькин Н.С. Психологическая сущность профайлинга и его история // Теоретические и практические проблемы развития современного общества : материалы девятой Междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 2015.

⁴¹ Clark R. Profiling: A Hidden Challenge to the Regulation of Data Surveillance // Journal of Law and Information Science. 1993.

⁴² Специалистам известен психологический профиль А. Гитлера, составленный в конце Второй Мировой войны по заказу американских спецслужб для целей прогнозирования. Образцов В.А., Протасевич А.А. Раскрытие убийств: Нетрадиционные методы, приемы, рекомендации. Иркутск, 1998. 308 с.

Широта и многогранность областей применения профайлинга отражаются во взглядах на его сущность, которых придерживаются западные учёные.

Так, согласно Кембриджскому словарю, профайлинг – это 1) деятельность по сбору информации о ком-то, особенно о преступнике, с целью дать ему характеристику; 2) деятельность по сбору важных и полезных деталей о ком-то или чём-то⁴³.

Более корректным и теоретически важным является мнение нидерландского юриста Мирей Гильдебрандт, которая считает, что профайлинг – это выявление закономерностей, которые представляют знания, позволяющие предсказать будущие события, основанные на том, что произошло в прошлом, с целью анализа или прогнозирования привычек, поведения, предпочтения человека или группы людей.

В настоящей статье речь идет о профайлинге, используемом в деятельности по раскрытию преступлений. Анализ последних исследований в российской научной литературе свидетельствует об интересе к его использованию в этом виде деятельности.

Удачным представляется взгляд на содержание криминального профилирования как форму метода поведенческого анализа, используемую в расследовании по уголовным делам для выявления определённых характеристик преступника, таких как модели поведения и личности, посредством анализа места преступления, способа действий, а также виктимологии⁴⁴.

Анализ содержания и форм профайлинга в расследовании позволяет выделить два основных направления его применения в зависимости от сложившейся ситуации:

– когда фигурант (независимо от его процессуального статуса) известен, его можно наблюдать, беседовать с ним, допрашивать, т.е. исследовать технологиями профайлинга «контактным» способом. В этих ситуациях активно применяются ключевые методы, основан-

⁴³ Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>

⁴⁴ *Исаева Л.М., Нестерова В.В., Прокофьев О.И.* Теория и практика составления психолого-криминалистического портрета : монография. М. : ВНИИ МВД России, 2010.

ные на беседе и визуальном наблюдении. Виды «контактного» профайлинга могут быть с успехом использованы, когда подозреваемое лицо известно, и им совершён хотя бы единичный факт преступления;

– когда лицо, совершившее преступление, неизвестно, и в распоряжении следователей и оперативных работников имеются лишь следовые картины мест совершения преступлений и оперативная информация. В этой ситуации используется «бесконтактный» профайлинг. Достаточно эффективно используются такие виды профайлинга, как географический и психологический. А.А. Бессонов отмечает: «...методика определения наиболее вероятной географической зоны поиска серийного преступника получила название географического профайлинга. Речь идёт о технологии установления наиболее вероятной области проживания серийного преступника на основе анализа данных о характеристиках известных мест совершенных им преступлений»⁴⁵. Развитие криминалистических исследований по применению возможностей искусственного интеллекта закономерно привело к тому, что для установления отдельных составляющих профиля неустановленного преступника предпринимаются попытки использовать специально созданные компьютерные программы.

Ситуации, когда лицо, совершившее преступление, неизвестно, представляют большой интерес для исследования возможностей применения профайлинга, но эффективность его применения обусловлена тем обстоятельством, что, как правило, речь должна идти о серии преступлений, анализ которых позволял бы выдвинуть версию об их совершении одним лицом или группой лиц. Представляется, что информации, содержащейся в следовой картине единичного преступления, в основном недостаточно для эффективного профилирования преступника. Для случаев единичных преступлений (убийств) рекомендуется использовать наработки Л.Г. Видонова⁴⁶.

⁴⁵ Бессонов А.А. Географическое профилирование как метод установления серийных преступников: фантом или реальность? // Эксперт – криминалист. М., 2021. № 4. С. 3–6.

⁴⁶ Видонов Л.Г. Криминалистические характеристики убийств и система типовых версий о лицах, совершивших убийства в отсутствие очевидцев : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 1979. – 22 с.

Именно ситуации серийности нераскрытых преступлений требуют создания психологического портрета, профиля преступника. «Методология криминального профайлинга предполагает работу с материалами уголовного дела и интерпретацию доказательств. Результатом работы профайлера в данном направлении является криминальный профиль, < ... > в котором описаны личность и поведение преступника и жертвы в ключе совершённого преступления или серии преступлений»⁴⁷.

Идея о возможности воссоздания психического и физического облика преступника на базе оставленных им следов на месте происшествия появилась достаточно давно. В 50-е годы XX века состоялся первый опыт использования психологического профайлинга как криминалистического средства поиска неизвестного преступника. Он был описан американским психологом Джеймсом Браселом (1968 г.). В то время в Нью-Йорке было зафиксировано более 30 взрывов. Неизвестный преступник устроил их в общественных местах. Полиция обратилась за помощью к психиатру доктору Джеймсу Браселу. Проанализировав предоставленные в его распоряжение фотоснимки мест взрывов и письма, посланные террористом в газеты, он пришёл к выводу, что неизвестный преступник страдал паранойей, ненавидел отца, испытывал маниакальную любовь к матери и жил в Коннектикуте. Брассел добавил, что следует искать человека нормального телосложения, средних лет (где-то между 40 и 50 годами), родившегося за пределами США, католика, неженатого, проживающего с братом или сестрой (либо незамужней тёткой), и на котором при аресте, скорее всего, будет двубортный пиджак, застёгнутый на все пуговицы.

Вскоре по описанию, предложенному Браселом, был арестован Джордж Метески (Жорж Метесский): человек 50 лет, католик, неженатый, родившийся за границей, живущий в Коннектикуте со своими двумя незамужними сёстрами (данный факт являлся единственным расхождением с составленным портретом) и одетый в двубортный пиджак, застёгнутый на все пуговицы.

⁴⁷ Васькин Н.С. Указ. соч.

Рассматривая вопрос о методологических идеях, лежащих в основе профайлинга, следует отметить то обстоятельство, что в специальной литературе констатируется, что основой работы профайлера является идея динамического стереотипа, плодотворно используемая в криминалистике. Под динамическим стереотипом понимается устойчиво закрепившаяся система условных нервных связей, обеспечивающая определённую интенсивность и последовательность реакций организма на воздействия внешней среды⁴⁸. Так как каждый преступник при совершении преступления руководствуется в своих действиях определённой устойчивой последовательностью реакций на сходные раздражители, соответственно, при изучении преступника необходимо учитывать фактор динамического стереотипа. Установлено, что даже при изошрённости преступлений поведение преступника обнаруживает выраженную стереотипность. Выбор места и времени совершения преступления подчинён определённым закономерностям, которые, в свою очередь, тесно связаны с индивидуальными особенностями самого преступника.

Поскольку технология этого вида профайлинга в открытой литературе не описана, можно сделать предположение, что его основой являются результаты анализа большого массива ранее раскрытых преступлений и, как минимум, выявленные статистические закономерности устойчиво повторяющихся связей между действиями неизвестного преступника и свойствами его личности, характера, места проживания и работы, и т.д.

Однако следует констатировать, что не только закономерности динамического стереотипа составляют естественно-научную методологию профайлинга, и вскрытие этих закономерностей позволит более эффективно развивать исследуемое направление.

Библиографический список

1. Бессонов А.А. Географическое профилирование как метод установления серийных преступников: фантом или реальность? // Эксперт – криминалист. – М., 2021. – № 4. – С. 3–6.

⁴⁸ Павлов И.П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей деятельности (поведения) животных. М., 1973. С. 429.

2. Васькин Н.С. Психологическая сущность профайлинга и его история // Теоретические и практические проблемы развития современного общества : материалы девятой Междунар. науч.-практ. конф. – Красноярск, 2015.

3. Видонов Л.Г. Криминалистические характеристики убийств и система типовых версий о лицах, совершивших убийства в отсутствие очевидцев : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1979. – 22 с.

4. Исаева Л.М., Нестерова В.В., Прокофьев О.И. Теория и практика составления психолого-криминалистического портрета : монография. – М. : ВНИИ МВД России, 2010.

5. Криминалистика : учебник для студентов вузов / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008.

6. Образцов В.А., Протасевич А.А. Раскрытие убийств: Нетрадиционные методы, приемы, рекомендации. – Иркутск, 1998. – 308 с.

7. Павлов И.П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей деятельности (поведения) животных. – М., 1973. – С. 429.

8. Clark R. Profiling: A Hidden Challenge to the Regulation of Data Surveillance // Journal of Law and Information Science. – 1993.

9. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/us/diction-ary/english/profiling>

Малышева Ольга Анатольевна,

д.ю.н., доцент, профессор кафедры уголовно-процессуального права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»,

г. Москва

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДОСУДЕБНОГО УГОЛОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ТЕНДЕНЦИИ И РИСКИ

Цифровизацию в современном мире следует рассматривать как процесс, направленный на повышение эффективности деятельности в различных сферах жизнедеятельности государства и общества. Исключением в данном случае не является уголовное судопроизводство, включающее досудебное производство, в рамках которого формируется правовой фундамент для принятия судом итогового решения по уголовному делу. О значении досудебного уголовного производства схожее мнение высказывает и Н.А. Колоколов, уточняя, что «ход судебного разбирательства полностью предопределен результатами предварительного расследования»⁴⁹.

Цифровизация досудебного производства предполагает расширение видов цифровых технологий, применяемых в данном производстве, более интенсивное использование существующих цифровых технологий, в допустимых пределах программирование принятия властными субъектами процессуальных решений в целях надлежащего обеспечения прав личности, достижения результатов уголовно-процессуальной деятельности с наименьшими ресурсными, кадровыми, временными и др. затратами.

⁴⁹ Колоколов Н.А. Результаты досудебного производства – база судебного разбирательства // Уголовный процесс и криминалистика: правовые основы, теория, практика, дидактика (к 75-летию со дня рождения профессора Б.Я. Гаврилова) : сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 3 ноября 2023 г. : в 2 ч. М., 2023. Ч. 1. С. 208.

Значимой проблемой досудебного производства продолжает оставаться нарушение конституционного права граждан на доступ к правосудию. В частности, на факты нарушения учётно-регистрационной дисциплины в виде отказа в принятии и регистрации заявлений, сообщений о преступлении, неполной регистрации сведений, содержащихся в заявлении о преступлении, занижения общественной опасности противоправного деяния, приводящей к отказу в возбуждении уголовного дела в силу малозначительности указанного в заявлении деяния, обращают внимание В.В. Ткаченко и Э.А. Безуглый⁵⁰. На несоблюдение срока рассмотрения сообщений о преступлении указывают В.Е. Серова, Е.Б. Серова⁵¹. Решению обозначенных проблем могло бы способствовать повсеместное распространение электронной формы подачи заявления о совершённом или подготавливаемом преступлении.

Практический интерес представляет предложение В.В. Ткаченко, Э.А. Безуглого с целью оптимизации порядка обращения лиц с сообщением о преступлении о создании мобильного приложения с адаптацией его под операционные системы смартфонов⁵². Однако в таком случае появляются риски достоверности поступившего сообщения о преступлении, поскольку гаджет может находиться в пользовании любого лица, что осложняет процесс идентификации пользователя как источника информации. Риск возрастает, если в электронно передаваемом заявлении указывается на совершение преступления конкретным лицом.

Кроме обеспечения доступа к правосудию, применение цифровой технологии способно обеспечить распределение служебной

⁵⁰ Ткаченко В.В., Безуглый Э.А. Направления совершенствования учётно-регистрационной дисциплины в органах внутренних дел // Проблемы правоохранительной деятельности. 2020. № 2. С. 22.

⁵¹ Серова В.Е., Серова Е.Б. Способ нарушения учётно-регистрационной дисциплины сотрудниками правоохранительных органов как элемент системы преступления и возможности его выявления прокурором // Юридические науки: проблемы и перспективы : материалы VI Междунар. науч. конф., г. Казань, 20-23 октября 2017 г.). Казань, 2017. С. 92.

⁵² Ткаченко В.В., Безуглый Э.А. Указ. соч. С. 23.

нагрузки между сотрудниками территориальных органов внутренних дел, задействованных в организации проведения доследственных проверок на основе обработки данных, характеризующих не только количество материалов проверок, но и их содержание (способ совершения уголовно наказуемого деяния, о котором поступило заявление, количество эпизодов преступной деятельности, размер причинённого преступлением вреда и др.)⁵³.

Цифровая трансформация способствует упрощению и ускорению доказательственной деятельности, оптимизируя процесс установления местонахождения свидетеля, поиск вещественных доказательств по уголовному делу, фиксации сведений, имеющих отношение к уголовному делу, обеспечения подлинности указанных сведений до момента окончания производства по уголовному делу и др. Интенсивная цифровизация досудебного производства повлечёт изменение процесса доказывания в первую очередь технологически. Это объясняется тем, что основной массив сведений, доказательств по уголовному делу необходимо будет оформлять в электронном виде, которые будут доступны в любой момент времени для изучения не только самому следователю, дознавателю, но и, соответственно, руководителю следственного органа, начальнику подразделения дознания, начальнику органа дознания и надзирающему прокурору⁵⁴.

Несмотря на мнения отдельных процессуалистов о том, что цифровизация не может изменить классический порядок уголовно-процессуального доказывания, следует отметить возрастающую значимость электронных доказательств в современном уголовном судопроизводстве, процесс внедрения и использования которых сопровождается определёнными проблемами. Так, в случае обнаружения имеющей значение для уголовного дела электронной информации на интернет-ресурсе, материальный носитель которой

⁵³ Мальшева О.А. Досудебное производство в уголовном процессе: состояние и перспективы развития : учебник для магистратуры. М., 2023. С. 172-173.

⁵⁴ Мальшева О.А. Указ. соч. С. 88.

расположен на значительном расстоянии от места производства предварительного расследования, а также затруднительного доступа к ней ввиду нахождения такого носителя за пределами Российской Федерации, необходимо разрешить вопрос об её правильном с точки зрения соблюдения процессуальной формы изъятия и приобщении к материалам уголовного дела. В таком случае возникает вопрос: к какому виду информации следует относить содержимое интернет-сайта – цифровая или аналоговая – для определения надлежащего порядка её изъятия и приобщения к материалам уголовного дела? Кроме того, исходя из неоднозначной правовой природы электронной информации, возникают и другие вопросы: о виде такого доказательства, допустимости признания электронной информации самостоятельным источником уголовно-процессуальных доказательств.

Отсутствие единых подходов среди представителей уголовно-процессуальной науки к толкованию источников информации в уголовном процессе, определению дефиниции информации в уголовно-процессуальной сфере и порядка использования отдельных видов информации в уголовно-процессуальном доказывании обуславливает значительные сложности при производстве по уголовному делу. А именно правильное установление следователем, дознавателем достоверности и допустимости рассматриваемого доказательства, вследствие чего в уголовно-процессуальной практике отмечаются нередкие случаи непризнания юридической силы электронного доказательства.

Несмотря на раскрытие рядом ученых (Балашова А.А., Бурганов Р.С., Вехов В.Б., Волынская О.В., Пастухов П.С., Сергеев М.С. и др.) отдельных вопросов по правилам получения, закрепления, оценки электронных доказательств в уголовном судопроизводстве, порядку использования цифровой информации в доказывании по уголовному делу, обоснование ими необходимости расширения системы следственных действий в целях получения с соблюдением закона достоверных электронных доказательств следователем, дознавателем, проблемы практического характера в досудебном

уголовном производстве по-прежнему существуют. Они сопряжены в первую очередь с отсутствием четких критериев допустимости электронных доказательств в уголовном процессе, а также правил оценки электронных доказательств в ходе предварительного расследования. В частности, уголовно-процессуальным законом не закрепляется порядок оценки электронных доказательств с использованием специальных устройств, а также с привлечением лиц, обладающих специальными познаниями. Между тем такой правовой механизм необходим, поскольку к электронным доказательствам необходимо предъявлять более строгие требования ввиду того, что они не являются осязаемыми, и существует высокая вероятность внесения в них изменений.

В качестве одного из средств преодоления обозначенного риска цифровизации уголовно-процессуального доказывания В.Ю. Стельмах предлагает закрепить в УПК РФ такое следственное действие, как электронно-цифровое копирование, предусматривающее получение цифровой информации без изъятия её носителя только в том случае, когда отсутствует потребность в таком изъятии для обеспечения всесторонности, полноты, объективности исследования обстоятельств по уголовному делу⁵⁵. Данное предложение представляется вполне обоснованным.

Положительные стороны применения следователем, дознавателем цифровых технологий в досудебном производстве являются очевидными. В частности, применение системы ВКС позволяет сократить время, во-первых, при удалённом нахождении участника досудебного производства от места производства по уголовному делу (по причине его отпуска, командировки, прохождения лечебно-реабилитационного курса и др.); во-вторых, при отсутствии потребности властному субъекту выезжать к месту нахождения указанного участника уголовного процесса с одновременной возможностью лично провести следственное действие, что обеспечит

⁵⁵ *Стельмах В.Ю.* Система средств доказывания в досудебных стадиях уголовного процесса: проблемы теории, нормативного регулирования и практики : автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. Екатеринбург, 2021. С. 39.

качество такого действия, законность его проведения, исключит формализм, который часто усматривается при исполнении поручения следователя, дознавателя иным должностным лицом органа предварительного расследования.

Но при этом возникают риски соблюдения прав участника следственного действия. Отсутствие обязанности следователя применять систему ВКС только при наличии качественных звука и видеоряда является риском в обеспечении прав участников следственных действий, предусмотренных ст. 189.1 УПК РФ. Предусмотренный ч. 3 ст. 189.1 УПК РФ порядок ознакомления с протоколом такого следственного действия сужает гарантию (возможность) невластного участника следственного действия осознать полноту, правильность, достоверность фиксации данных им показаний.

При интенсивном применении следователем, дознавателем электронной информации следует учитывать риск нарушения конституционного права личности на неприкосновенность частной жизни, а также государственной и иной охраняемой федеральным законом тайны. На данную проблему акцентировала внимание и Л.Г. Татьяна, указывая на некоторую опасность, связанную с получением электронной информации о свидетелях, потерпевших, переводчиках и т.д. при ознакомлении обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела. Отсутствие угроз и иных форм воздействия на потерпевших и свидетелей, по её мнению, не исключает риск их безопасности, в связи с чем возникает вопрос о гарантиях обеспечения защиты свидетелей, потерпевших и других участников⁵⁶. Таким образом, расширение применения цифровых технологий, электронной информации в досудебном производстве требует усиления гарантий сохранения государственной, личной, семейной, врачебной и иной, охраняемой федеральным законом, тайны.

⁵⁶ *Татьянина Л.Г.* Ознакомление с материалами уголовного дела с использованием цифровых технологий : выступление на науч.-практ. конф. с междунар. участием «Цифровизация уголовного судопроизводства: современные технологии и нравственные начала в уголовно-процессуальной деятельности», г. Москва, Университет имени О.Е. Кутафина, 15 апреля 2022 г.

В научной литературе в рамках цифровизации досудебного производства вносится предложение в целях оптимизации прокурорского надзора за процессуальными решениями следователя, дознавателя возложить на следователя, дознавателя обязанность направлять прокурору в электронной форме решения о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела, о приостановлении предварительного расследования и др. сразу после их принятия. Это позволит, как полагает А.А. Попов, предотвратить затягивание ознакомления прокурора с узловыми процессуальными актами досудебного производства. По его мнению, полнота, достоверность информации в процессуальном решении следователя, дознавателя достаточно подтверждается фактом отправки соответствующего письма на электронную почту прокуратуры⁵⁷. Представляется, что в отсутствие подписи субъекта принятия процессуального решения риск неполноты, нечитабельности обозначенного решения минимален, что нельзя утверждать применительно к процессуальным актам, где требуется подпись подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего. Обязывать их получать электронную цифровую подпись без учёта их волеизъявления, уровня цифровой грамотности и др. факторов – необоснованно, а в отдельных случаях – незаконно.

В заключение отметим, что цифровизация досудебного уголовного производства способствует своевременности его осуществления, повышению качества производства по уголовному делу, соблюдению законности. Вместе с тем применение цифровых технологий сопряжено с рисками необоснованного ограничения прав, законных интересов участников досудебного производства. Преодоление таких рисков – важная задача, исключающая принятие быстрого, необдуманного, одностороннего решения.

⁵⁷ *Попов А.А.* Организация прокурорского надзора за исполнением законов при производстве предварительного следствия: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 158.

Библиографический список

1. Колоколов Н.А. Результаты досудебного производства – база судебного разбирательства // Уголовный процесс и криминалистика: правовые основы, теория, практика, дидактика (к 75-летию со дня рождения профессора Б.Я. Гаврилова) : сборник научных статей по материалам Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 3 ноября 2023 г. : в 2 ч. – М. : Академия управления МВД России, 2023. – Ч. 1. – С. 203–208.

2. Ткаченко В.В., Безуглый Э.А. Направления совершенствования учетно-регистрационной дисциплины в органах внутренних дел // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2020. – № 2. – С. 21–23.

3. Серова В.Е., Серова Е.Б. Способ нарушения учетно-регистрационной дисциплины сотрудниками правоохранительных органов как элемент системы преступления и возможности его выявления прокурором // Юридические науки: проблемы и перспективы : материалы VI Междунар. науч. конф., г. Казань, 20-23 октября 2017 г. – Казань : ООО «Бук», 2017. – С. 87–93.

4. Малышева О.А. Досудебное производство в уголовном процессе: состояние и перспективы развития : учебник для магистратуры. – М. : Изд. центр Ун-та им. О.Е. Кутафина, 2023. – 327 с.

5. Стельмах В.Ю. Система средств доказывания в досудебных стадиях уголовного процесса: проблемы теории, нормативного регулирования и практики : автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. – Екатеринбург : УрЮИ МВД России, 2021. – 50 с.

6. Попов А.А. Организация прокурорского надзора за исполнением законов при производстве предварительного следствия : дис. ... канд. юрид. наук. – М. : РГУП, 2020. – 216 с.

Незнамова Зинаида Александровна,

*д.ю.н., профессор, заведующая кафедрой уголовного права
им. М.И. Ковалева ФГБОУ ВО «Уральский государственный
юридический университет им. В.Ф. Яковлева»,
г. Екатеринбург*

СИТУАЦИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КАК ТЕНДЕНЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Уголовно-правовая политика в самом широком смысле слова понимается в уголовном праве как политика по противодействию преступности, как государственная политика в области борьбы с преступностью⁵⁸.

В рамках уголовно-правовой политики следует различать её виды: уголовная (политика в сфере уголовно-правового нормотворчества), уголовно-правоприменительная (политика в сфере применения уголовного законодательства судами), уголовно-исполнительная (политика в сфере исполнения обвинительных приговоров судов), а также криминологическая (в сферах ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и применения иных мер профилактики преступлений)⁵⁹. Есть и другие подходы к определению видов уголовно-правовой политики⁶⁰. Однако все авторы выделяют в структуре уголовно-правовой политики политику в сфере уголовного

⁵⁸ *Галиакбаров Р.М.* Уголовное право. Общая часть. Краснодар, 1999. С. 13; *Побегайло Э.Ф.* Кризис современной уголовной политики // Преступность и уголовное законодательство: реалии, тенденции и взаимовлияние / под ред. Н.А. Лопашенко. Саратов, 2004. С. 87-88; *Бытко Ю.И.* Понятие уголовной политики // Вестник саратовской юридической академии. 2015. № 6 (107). С. 144-147.

⁵⁹ *Бытко Ю.И.* Там же.

⁶⁰ См. например, Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс : в 10 т. Т. 3. Уголовная политика. Уголовная ответственность / под ред. Н.А. Лопашенко. М. : Юрлитинформ, 2016. С. 91-94.

законодательства, или законодательную политику. Именно эта область уголовно-правовой политики применительно к преступлениям в сфере экономики и будет рассмотрена в данной работе.

Законодательная политика имеет основополагающее значение в рамках уголовно-правовой политики в широком смысле слова, поскольку именно в её рамках определяется, какие же деяния являются преступными, какое наказание или иные меры уголовно-правового характера должны быть установлены за данное поведение. По мнению М.М. Бабаева и Ю.Е. Пудовочкина, уголовная политика – это «социально обусловленная, концептуальная реакция государства на существующую совокупность криминальных угроз»⁶¹.

Как нам представляется, именно такой концептуальной и социально обусловленной политики государства в отношении преступлений, предусмотренных главой 22 УК РФ, в настоящий момент не просматривается. Анализ изменений в данной главе УК РФ свидетельствует скорее о противоположной тенденции. Приведем несколько аргументов по этому поводу.

В 2000-х годах страну захватила эпидемия увлечённости азартными играми. Чрезмерное увлечение игровыми автоматами и другими видами азартных игр порождало финансовые проблемы не только у отдельных личностей или их семей, но и у некоторых юридических лиц; семейные и социальные проблемы; вызывало психологическую зависимость, не менее устойчивую и опасную, чем зависимость от наркотических средств или психотропных веществ. Результатом стало принятие Федерального закона «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 29.12.2006 № 244-ФЗ⁶². Данный закон предполагал в основном административные и организационные меры регулирования деятельности по организации

⁶¹ Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы российской уголовной политики. М. : Проспект, 2014. С. 9.

⁶² Собрание законодательства РФ. 01.01.2007. № 1 (1 ч.), ст. 7.

азартных игр, в частности, путем создания игорных зон. Однако эффективность данного ФЗ № 244 была крайне низкой прежде всего по причине отсутствия этих самых легально действующих игорных зон. В азартные игры играли как и ранее до принятия этого закона, только теперь уже нелегально. Это обстоятельство обусловило принятие Федерального закона от 20 июля 2011 г. № 250-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁶³, которым в УК РФ была введена ст. 171.2, устанавливающая уголовную ответственность за незаконные организацию и проведение азартных игр, которая с серьезными изменениями и дополнениями действует до настоящего времени. Введение данной нормы в УК РФ свидетельствует о реакции законодателя на конкретную экономическую и социальную проблему, реакции неоднозначной, поскольку в этой главе есть общая норма ст. 171 УК РФ, устанавливающая ответственность за незаконную предпринимательскую деятельность, коей безусловно является деятельность по организации и проведению азартных игр⁶⁴.

Начавшийся в 2008 г. мировой экономической и финансовый кризис достаточно болезненно отразился и на экономике России. Особенно это затронуло банковский сектор. Как известно, толчком к началу мирового финансового кризиса послужил кризис ипотечного и потребительского кредитования в США. В этих условиях регулятор банковской системы в России Центральный банк РФ ужесточил требования к банкам в части их кредитной политики. Соответственно, банки ужесточили требования как к заёмщикам, так и к условиям выдачи кредитов. Однако потребность в кредитовании населения сохранилась, а в условиях экономического кризиса даже повысилась. С целью решения данной проблемы был принят Федеральный закон от 02.07.2010 № 151-ФЗ «О микрофинансовой

⁶³ Собрание законодательства РФ. 25.07.2011. № 30 (ч. 1), ст. 4598.

⁶⁴ Анализ эффективности введённой нормы не входит в наши задачи в рамках данной работы. См. по этому поводу *Артеменко Н.В., Шимбарева Н.Г.* Об эффективности уголовной ответственности за незаконный игровой бизнес // *Terra Economicus*. 2013. Т. 11, № 1, ч. 2. С. 145-149.

деятельности и микрофинансовых организациях»⁶⁵. Согласно данному закону микрофинансовая деятельность представляет собой деятельность юридических лиц, имеющих статус микрофинансовой организации, а также иных юридических лиц, имеющих право на осуществление микрофинансовой деятельности, по предоставлению микрозаймов (микрофинансирование). Микрозаём определялся в настоящем законе как заём, предоставляемый займодавцем заёмщику на условиях, предусмотренных договором займа, в сумме, не превышающей предельный размер обязательств заёмщика перед займодавцем по основному долгу, установленный настоящим Федеральным законом. При этом микрозаймы, выдаваемые микрофинансовыми организациями, оказались не такими уже микро. Размер таких микрозаймов для физических лиц может составлять 1 млн руб., а для юридических лиц – 3 млн руб.

По оценкам большинства экспертов, Закон № 151-ФЗ оказался чрезвычайно либеральным, чем не преминули воспользоваться аферисты. Закон, задуманный для того, чтобы обеспечить страну, и в первую очередь отдалённые регионы, небольшими, дружественными клиентам финансовыми институтами, оказался весьма привлекательным для мошенников⁶⁶. Страну захлестнула эпидемия финансовых мошенничеств в сфере микрокредитования.

В этих условиях, пытаясь ввести более жёсткое регулирование деятельности по кредитованию граждан, законодатель принимает Федеральный закон «О потребительском кредите (займе)» от 21.12.2013 № 353-ФЗ⁶⁷. Одновременно с этим Федеральным законом от 21.12.2013 № 363-ФЗ⁶⁸ в КоАП РФ была введена ст. 14.56., устанавливающая ответственность за незаконное осуществление профессиональной деятельности по предоставлению потребительских займов юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, не имеющими права на её осуществление.

⁶⁵ Собрание законодательства РФ. 05.07.2010. № 27, ст. 3435.

⁶⁶ Финансовые мошенничества: признаки, виды, способы защиты (выпуск 19) // Редакция «Российской газеты». 2018. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.05.2024).

⁶⁷ Собрание законодательства РФ. 23.12.2013. № 51, ст. 6673.

⁶⁸ Собрание законодательства РФ. 23.12.2013. № 51, ст. 6683.

Однако административная ответственность оказалась малоэффективной, несмотря на то, что данная норма КоАП РФ неоднократно дополнялась и изменялась законодателем в сторону ужесточения ответственности за незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов. Это было признано официально. Как отмечалось в пояснительной записке к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», «В настоящее время законодательство содержит возможности воздействия на нелегальных кредиторов, в частности, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях предусматривает административную ответственность за незаконное осуществление профессиональной деятельности по предоставлению потребительских займов.

Вместе с тем следует учитывать риск ухода организаций с легального рынка потребительского кредитования, что может привести к росту числа нелегальных кредиторов и спросу на их услуги и, как следствие, значительному ухудшению ситуацию в области защиты прав потребителей микрофинансовых услуг.

В то же время выявляется значительное число случаев, когда лицо, незаконно осуществляющее профессиональную деятельность по предоставлению потребительских займов, привлекается к административной ответственности и продолжает осуществлять нелегальную деятельность. Таким образом, существующие меры воздействия не являются достаточными»⁶⁹.

В результате Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 11.06.2021 № 215-ФЗ⁷⁰ УК РФ был дополнен **Статьей 171.5**. «Незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов)»,

⁶⁹ Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/>

⁷⁰ Собрание законодательства РФ. 14.06. 2021. № 24 (ч. I), ст. 4233.

которая устанавливает ответственность за «Осуществление предусмотренной Федеральным законом от 21 декабря 2013 года № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов), в том числе обязательства заёмщика по которым обеспечены ипотекой, не содержащее признаков состава преступления, предусмотренного статьей 172 настоящего Кодекса, и совершенное в крупном размере индивидуальным предпринимателем или лицом, которое в силу своего служебного положения постоянно, временно либо по специальному полномочию исполняет возложенные на него обязанности по руководству организацией, не имеющими права на осуществление указанной деятельности и подвергнутыми административному наказанию за административное правонарушение, предусмотренное частью 2 статьи 14.56 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

Диспозиция данной статьи носит одновременно казуистичный характер, является отсылочной, бланкетной, составом с административной преюдицией, что затрудняет её применение. Кроме того, данная норма порождает проблему разграничения её как со ст. 172 УК РФ, так и со ст. 14.56 КоАП РФ. Заслуживает критики и сам факт принятия данной нормы. Во-первых, в УК РФ существует общая норма, устанавливающая ответственность за незаконную банковскую деятельность – ст. 172 УК РФ. Выдача потребительских кредитов осуществляется согласно указанному законодательству как банковскими, так и небанковскими кредитными организациями, которые могут нести ответственность по данной норме. В том же случае, когда подобного рода деятельность не образует ст. 172, лица вполне могли быть привлечены к уголовной ответственности по ст. 171 УК РФ.

Однако в данном случае дополнение УК РФ новой специальной статьёй является результатом ситуационного регулирования, попыткой решить экономический по своей сути вопрос репрессивными уголовно-правовыми методами.

Еще одним примером такого ситуационного регулирования служит так называемый антиколлекторский закон. Деятельность микрофинансовых организаций, равно как и деятельность некоторых банков по кредитованию населения, привела к тому, что многие заёмщики не смогли или не захотели возвращать полученные кредиты. Ситуация с возвратами кредитов осложнялась продолжающимся экономическим и финансовым кризисом. Количество невозвратных кредитов увеличивалось, как снежный ком. В этой ситуации кредитные организации начали обращаться к коллекторским агентствам с целью оказания помощи в возврате выданных кредитов. Не всегда добросовестные коллекторы пытались заставить заемщиков вернуть кредиты с применением мер, которые заслуживали самостоятельной уголовно-правовой оценки.

В этих условиях законодатель вынужден был с целью защиты прав и законных интересов физических лиц при совершении действий, направленных на возврат просроченной задолженности, принять Федеральный закон от 03.07.2016 № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях»⁷¹.

ФЗ предусматривал, что не допускаются направленные на возврат просроченной задолженности действия кредитора или лица, действующего от его имени и (или) в его интересах, связанные в том числе с применением к должнику и иным лицам физической силы либо угрозой её применения, угрозой убийством или причинения вреда здоровью; уничтожением или повреждением имущества либо угрозой таких уничтожения или повреждения; применением методов, опасных для жизни и здоровья людей; оказанием психологического давления на должника и иных лиц, использованием выражений и совершением иных действий, унижающих честь и достоинство должника и иных лиц.

⁷¹ Собрание законодательства РФ. 04.07.2016. № 27 (Ч. I), ст. 4163.

Однако это не спасло ситуацию, и количество жалоб на незаконную деятельность коллекторов не только не снизилось, а значительно выросло. В результате Федеральным законом от 10.07.2023 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»⁷² в УК РФ была внесена ст. 172.4, устанавливающая ответственность за незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц. Обсуждение вопроса о целесообразности принятия такой и её эффективности также не входит в нашу задачу в рамках данной работы. Этот пример приведён в качестве ещё одного примера того, что изменения в главу 22 УК РФ носят не планомерный, комплексный, системный характер, а являются реакцией законодателя на те или иные практики, представляющие, по мнению законодателя, общественную опасность и нуждающимися в регулировании с помощью именно уголовно-правовых инструментов.

Перечисленные примеры, а также некоторые другие, дают основания говорить о тенденции ситуационного законодательного регулирования экономических преступлений. Безусловно, уголовное право, будучи социальным регулятором общественных отношений, должно своевременно и адекватно реагировать на изменение общественных отношений, появление новых общественно опасных видов деятельности субъектов экономических отношений. Однако данная задача, на наш взгляд, также предполагает наличие концептуальной, системной реакции государства на существующую совокупность криминальных угроз в области экономических преступлений, а не на отдельные проявления этих угроз.

Библиографический список

1. Артеменко Н.В., Шимбарева Н.Г. Об эффективности уголовной ответственности за незаконный игровой бизнес // *Terra Economicus*. – 2013. – Т. 11, № 1, ч. 2. – С. 145–149.

⁷² Собрание законодательства РФ. 17 июля 2023 г. № 29, ст. 5341.

2. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы российской уголовной политики. – М. : Проспект, 2014.
3. Бытко Ю.И. Понятие уголовной политики // Вестник Саратовской юридической академии. – 2015. – № 6 (107). – С. 144–147.
4. Галиакбаров Р.М. Уголовное право. Общая часть. – Краснодар, 1999.
5. Побегайло Э.Ф. Кризис современной уголовной политики // Преступность и уголовное законодательство: реалии, тенденции и взаимовлияние / под ред. Н.А. Лопашенко. – Саратов, 2004. – С. 87–88.
6. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс : в 10 т. Т. 3. Уголовная политика. Уголовная ответственность / под ред. Н.А. Лопашенко. – М. : Юрлитинформ, 2016. – С. 91–94.
7. Финансовые мошенничества: признаки, виды, способы защиты (выпуск 19) // Редакция «Российской газеты». – 2018. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.05.2024).

Рябинина Татьяна Кимовна,

д.ю.н., профессор, заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск

И ВНОВЬ К ВОПРОСУ ОБ АКТИВНОЙ РОЛИ СУДА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ⁷³

Провозглашённые сначала в Концепции судебной реформы в РФ, а затем воплощённые в Конституции РФ и УПК РФ концептуальные положения, ориентированные на построение в России правового государства, явились реальным двигателем реформаторских преобразований во всей правовой системе нашей страны.

⁷³ Публикация подготовлена в рамках государственного задания по теме «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851-2020-0033).

Среди важных направлений осуществления судебной реформы основной следует выделить возрождение и укрепление судебной власти, создание механизмов её реализации во всех сферах правового регулирования общественных отношений, в уголовном судопроизводстве, прежде всего⁷⁴. Только сильный, независимый суд способен в конечном итоге разрешить конфликт между частными и публичными интересами, устранить дисбаланс в отношениях между государством и личностью, восстановить нарушенные права граждан в любой сфере правоотношений, в том числе и уголовно-процессуальной⁷⁵.

Принятие Конституции РФ и Уголовно-процессуального кодекса РФ ознаменовало начало новой эпохи в сфере российского уголовного судопроизводства – на первое место выходит правоохранная направленность производства по уголовному делу, вытесняющая ее репрессивные начала; основным лейтмотивом кодекса является переход к состязательному процессу, проявляющийся в лишении суда многих обвинительных полномочий, столь характерных для прежнего законодательства, наделении основных участников уголовного судопроизводства реальными и равными возможностями для защиты своих интересов.

Суд из органа карающего, бывшего долгие десятилетия советского периода в числе органов государства, ведущих борьбу с преступностью, преобразуется в орган, призванный разрешать социальные конфликты, быть гарантом законности и справедливости в обществе. Столь серьёзные преобразования не могли не повлиять на характер взаимоотношений государства в лице органов, осуществляющих уголовное преследование, и личности, вовлекаемой в правовые отношения в ходе производства по уголовному

⁷⁴ Свиридов М.К. Судебная власть, ее проявление в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 27. С. 86–93.

⁷⁵ Рябинина Т.К. Роль суда в обеспечении баланса частных и публичных интересов в уголовном судопроизводстве // Российское правосудие. 2022. № 2. С. 78–88.

делу. Целью уголовной юстиции становится «...защита общества от преступлений путём реализации уголовного закона, защита прав и законных интересов граждан, попавших в сферу юстиции»⁷⁶.

Несмотря на серьёзные шаги законодателя по изъятию из закона норм, позволявших суду стоять на обвинительных позициях (право возбуждать уголовные дела, оглашение обвинительного заключения, право первого допроса подсудимого, возвращение дела на дополнительное расследование и т.п.), говорить об «излечении» судей от обвинительных установок ещё рано.

Такая ситуация связана в первую очередь с правовым регулированием деятельности судьи по установлению и исследованию обстоятельств совершённого преступления, предоставлением ему полномочий для активного участия в процессе доказывания в условиях состязательного построения судопроизводства, а также с тем, что у суда и стороны обвинения много точек соприкосновения, гораздо больше, чем со стороной защиты. Кроме того, на проявление обвинительного уклона у судей влияют субъективные факторы: их личностные качества, длительный стаж работы, часто приводящий к профессиональной деформации; сомнения в правильности принятия решения по делу; обязательность указаний вышестоящих инстанций; требование единообразия судебной практики; стремление следовать не духу, а букве закона.

Эта проблема имеет и историко-политический аспект. Как верно заметила Н. Радутная, «возложив на суд наряду с правоохранительными органами несвойственную ему функцию борьбы с преступностью, государство превратило судей в проводников уголовной политики, придаток прокуратуры и милиции», что до сего времени отрицательно сказывается на их профессиональном самосознании⁷⁷. С болью в сердце вторит ей М. Краснов: «...неоткуда было взяться нормальной судебной власти после стольких лет тоталитарного

⁷⁶ Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С.А. Пашин. М. : Республика, 1992. С. 19.

⁷⁷ Радутная Н. Покушение на неприкосновенность судьи // Российская юстиция. 2001. № 12. С. 11.

режима, при котором само слово «правосудие» звучало не более чем насмешкой, где так называемые суды были сами встроены в систему подавления и тоталитарного контроля»⁷⁸.

Для того, чтобы сбросить путы прошлого, судьям понадобилось много времени, усилий – и психологических, и моральных, – для осознания своего нового предназначения в обществе, заключающегося в выполнении высокой миссии – отправления правосудия, т.е. в осуществлении деятельности не по поддержанию обвинительных установок органов расследования и прокуратуры, а по справедливому разрешению как основного уголовно-правового вопроса – о виновности или невиновности лица, привлечённого к уголовной ответственности, – так и иных правовых споров и конфликтов, входящих в сферу судебной юрисдикции.

Осложняет освобождение судей от проявления в их деятельности обвинительных начал и тот факт, уголовное судопроизводство в нашей стране имеет смешанный тип, т.е. досудебное производство остаётся обвинительным, и материалы в суд поступают от стороны обвинения с предварительными выводами только стороны обвинения. Знакомясь с материалами уголовного дела в ходе подготовки к судебному заседанию, и далее, в судебном заседании исследуя представленные уже двумя сторонами доказательства, суд тем не менее решает основной вопрос судопроизводства о виновности (невиновности) лица следующим образом – доказано ли, что имело место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый; доказано ли, что это деяние совершил подсудимый, которому предъявлено обвинение, и т.п. Да и общество чаще всего ждёт от суда решения вопроса о том, подтвердилось ли обвинение, выдвинутое стороной обвинения, не напрасны ли и оправданы ли затраты государства, связанные с раскрытием преступления, привлечением лица к уголовной ответственности и в целом направленные на борьбу с преступностью.

⁷⁸ *Краснов М.* У судебной власти есть только один защитник – общество // *Российская юстиция.* 2003. № 6. С. 2.

Таким образом, основной вывод, к которому суд приходит в результате рассмотрения дела, это – подтвердилось ли предъявленное подсудимому обвинение или нет, хотя в силу принципов презумпции невиновности и состязательности уголовного судопроизводства судья должен, оценив все доказательства по делу, решить, смогла ли сторона защиты опровергнуть обвинительный тезис, а сторона обвинения – опровергнуть тезис о презюмировании невиновности подсудимого.

Нельзя упускать из виду и то обстоятельство, что деятельность прокуратуры как органа, осуществляющего уголовное преследование и надзор за деятельностью органов предварительного следствия и дознания, в конечном итоге направлена на обеспечение законности и правопорядка в обществе, соблюдение прав граждан в уголовном процессе, что сближает прокурорскую деятельность с судебной формой защиты прав и законных интересов личности и в чём-то даже дублирует, что также не может не оставить свой отпечаток на деятельности суда, а именно – придать ей в определённой степени обвинительный характер.

Действительно, если проанализировать ст. 2 Конституции РФ, ст. 6 УПК РФ, то станет ясно, что защита прав и законных интересов личности, восстановление её нарушенных прав являются общей целью всех органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, в том числе суда и прокуратуры. Так, прокурор, принимая меры по обеспечению всестороннего, полного и объективного расследования совершённого преступления, тем самым содействует принятию судом правосудного решения, а значит реализации целей уголовного судопроизводства.

В связи с расширением судебных полномочий на досудебном производстве существенно изменилось взаимодействие органов прокуратуры, следствия и суда, но, что важно, это взаимодействие стало более тесным, а что касается следователя и дознавателя, то они теперь вправе непосредственно участвовать в судебных заседаниях по рассмотрению вопросов, требующих судебного разрешения.

Прокурор и судья, действуя каждый в рамках своих полномочий, выполняя каждый свои функции (здесь, конечно, нельзя забывать и об участниках со стороны защиты, которые в споре со стороной обвинения также стремятся к тому, чтобы дело было разрешено по закону и совести), преследуют в принципе единую цель – установить истину по делу, наказать виновного или реабилитировать невиновного.

Ни в коей мере не умаляя роли защиты в уголовном судопроизводстве, тем не менее следует согласиться с тем, что именно в результате высокой эффективности прокурорской и судебной деятельности, при условии создания судом равных возможностей для отстаивания сторонами своих интересов, обеспечения обвиняемому права на защиту, можно говорить об истинном правосудии. Перед защитником стоит одна задача – помочь обвиняемому в отстаивании своих прав и интересов, в первую очередь – защищаться от предъявленного обвинения. Перед прокурором и судом стоит государственная задача – обеспечить гражданам доступ к правосудию, защитить как отдельное лицо, пострадавшее от преступления, так и общество в целом, государство от преступных проявлений, и при этом не допустить незаконного и необоснованного обвинения и осуждения лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Вот в этом публичном интересе и заложена единая, объединяющая суд и прокуратуру, основа их деятельности. Подтверждают это положение и рекомендации Комитета министров Совета Европы от 6 октября 2000 г. «Комитет министров – государствам-членам о роли прокуратуры в системе уголовного правосудия», в которых указано, что прокуроры при исполнении своих обязанностей должны руководствоваться общественным интересом и соблюдать два неотъемлемых требования, касающихся, с одной стороны, прав личности, а с другой – необходимости эффективного действия системы уголовного правосудия, которое прокуроры должны в определённой степени гарантировать.

Однако именно в этой объединяющей роли суда и прокуратуры и кроется основная опасность современного российского уголовного судопроизводства – обвинительный уклон в деятельности

суда, который сам же законодатель поощряет в виде предоставления суду возможности, при состязательном построении процесса, активно участвовать в доказывании⁷⁹.

Так, в соответствии с принципом состязательности процесса именно стороны обвинения и защиты обязаны предоставить суду те или иные доказательства по уголовному делу и на их основе обосновать в судебном заседании свои доводы о доказанности или недоказанности фактических обстоятельств дела, вины подсудимого в инкриминируемом ему деянии; степени и характере его ответственности; обстоятельств, характеризующих личность виновного, и других значимых обстоятельств дела.

Законом установлено, что ни одно из представленных сторонами доказательств не имеет для суда заранее установленной силы (ч. 2 ст. 17 УПК РФ). Однако от суда зависит, будут ли они вообще признаны доказательствами. Суд, осуществляя правосудие по уголовным делам, обязан непосредственно исследовать в судебном заседании каждое из представленных доказательств и их совокупность.

При этом суд достаточно активно участвует в проверке доказательств, представленных сторонами, допрашивая подсудимых, потерпевших, свидетелей, заслушивая заключения экспертов, осматривая вещественные доказательства и оглашая протоколы и документы. Суд наделён также полномочиями собирать новые доказательства по делу, например, путём назначения и по собственной инициативе судебной экспертизы, истребования документов.

Кроме того, когда сторонам необходимо исследовать новые или дополнительные доказательства, то они обращаются к суду. И здесь исключительно от его позиции и активности в этом вопросе зависит то, насколько они будут получены и исследованы в ходе судебного следствия, какое отражение они найдут в протоколе судебного заседания, в аргументах сторон, высказываемых в прениях, наконец, в возможных выводах суда.

⁷⁹ Тетюев С.В. О роли суда в доказывании в состязательном судопроизводстве // Российская юстиция. 2020. № 5. С. 36–39.

Одним из самых дискуссионных вопросов, конечно, остаётся вопрос об институте возвращения уголовного дела прокурору. Законодатель, казалось бы, отказавшись от института доследования и предусмотрев вместо него новый институт – возвращения уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом (ст. 237 УПК РФ), на самом деле оставил суду возможность реагировать на выявленные им обстоятельства, свидетельствующие о недостатках предварительного расследования, в том числе и о существенных нарушениях уголовно-процессуального закона⁸⁰. При этом и Конституционный Суд РФ, и Пленум Верховного Суда РФ отмечают, что суд, принимая решение о возвращении дела прокурору, не должен восполнять неполноту предварительного расследования.

Таким образом, проанализировав роль суда в современном судопроизводстве, в условиях его состязательности, следует констатировать, что законодатель, наделяя суд полномочиями по активному участию в процессе доказывания, с одной стороны, обязывает его создать равные возможности для сторон в отстаивании своих интересов, и в действительности не навязывает ему выполнение обвинительной функции. С другой стороны, и исторически сложившийся смешанный тип российского уголовного судопроизводства, и психологическая установка у судей на поиск истины, и общие цели суда и органов прокуратуры и предварительного расследования предопределяют наличие у суда обвинительного уклона.

Как с этим бороться? Эта тема для серьёзного исследования.

Библиографический список

1. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С.А. Пашин. – М. : Республика, 1992.
2. Краснов М. У судебной власти есть только один защитник – общество // Российская юстиция. – 2003. – № 6.

⁸⁰ *Рябинина Т.К.* Институт возвращения уголовного дела прокурору в системе уголовно-процессуальных средств, обеспечивающих право потерпевшего на защиту от преступлений и доступ к правосудию // *Всероссийский криминологический журнал*. 2020. № 14 (3). С. 512–526.

3. Радутная Н. Покушение на неприкосновенность судьи // Российская юстиция. – 2001. – № 12.

4. Рябина Т.К. Институт возвращения уголовного дела прокурору в системе уголовно-процессуальных средств, обеспечивающих право потерпевшего на защиту от преступлений и доступ к правосудию // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – № 14 (3). – С. 512–526.

5. Рябина Т.К. Роль суда в обеспечении баланса частных и публичных интересов в уголовном судопроизводстве // Российское правосудие. – 2022. – № 2. – С. 78–88.

6. Свиридов М.К. Судебная власть, ее проявление в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2018. – № 27. – С. 86–93.

7. Тетюев С.В. О роли суда в доказывании в состязательном судопроизводстве // Российская юстиция. – 2020. – № 5. – С. 36–39.

Семенцов Владимир Александрович,

д.ю.н., профессор, профессор кафедры уголовного процесса

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,

г. Краснодар

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ

В современном мире широкое распространение получают технологии искусственного интеллекта, реализуемые в разных видах деятельности и сопоставимые с интеллектуальными возможностями человека. Искусственный интеллект является одним из наиболее значимых направлений развития государства, активно применяется в большинстве сфер общественной жизни, включая противодействие преступности, что обуславливает высокий уровень научного интереса к его исследованию.

10 октября 2019 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин утвердил Национальную стратегию развития искусственного интеллекта до 2030 г., где определены не только цели, основные задачи и правовая основа развития искусственного интеллекта, но и сформулировано его понятие как комплекса технологических решений, имитирующих когнитивные возможности человека, в частности: зрение, обработку языка, распознавание и синтез речи, поддержку принятия решений⁸¹. 4 декабря 2023 г. по итогам заседания Совета при Президенте по развитию гражданского общества и правам человека Верховному суду, Генеральной прокуратуре, Следственному комитету, Министерству внутренних дел и Министерству юстиции Российской Федерации поручено до 1 июля 2024 г. проанализировать практику применения технологий искусственного интеллекта при расследовании преступлений и предоставить предложения по их совершенствованию⁸².

Не вызывает сомнения, что применение систем искусственного интеллекта позволяет осуществлять анализ огромного количества информации, традиционно именуемой в литературе большими данными, за невероятно короткое время, выступая важным фактором успешного выявления, раскрытия и расследования преступлений. В частности, искусственный интеллект способен обеспечить улучшение и модернизацию криминалистических учётов, представляющих собой сложную систему с множеством уровней и классификаций информации о разных объектах, с использованием баз данных МВД, ФСБ, ФСИН, СКР, ФНС, Росфинмониторинга и др. С помощью искусственного интеллекта выявляются цифровые следы, оставленных преступником, которые могут содержаться в сетях сотовой связи, компьютерных системах, технических устройствах и др.

⁸¹ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 // СЗ РФ. 2019. № 41, ст. 5700.

⁸² *Уварчев Л.* Путин поручил изучить применение искусственного интеллекта в расследованиях // Коммерсантъ. 2024. 14 января.

Искусственный интеллект успешно применяется при составлении процессуальных документов, осуществлении иной деятельности, обеспечивающей повышение качества и эффективности производства по уголовному делу. Благодаря искусственному интеллекту в 20 залах мировых судей г. Ижевска в 2020 г. прошла пробное тестирование отечественная система стенографирования путём автоматического перевода речи участников процесса в текст протокола судебного заседания⁸³. Думается, что этот опыт может быть полезен и следователям, которые вправе использовать стенографирование при производстве любого следственного действия (ч. 2 ст. 166 УПК РФ) как универсальной технологии фиксации значимой доказательственной информации, но уже с использованием искусственного интеллекта.

К сожалению, действующий УПК РФ не содержит норм об искусственном интеллекте как в целом, так и при производстве следственных действий. Не претендуя на охват всей обсуждаемой учёными и практиками проблематики применения искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве, сделаем акцент в нашем исследовании лишь на допустимости применения указанной технологии в следственных действиях, и здесь потребуются получить ответы как минимум на три вопроса:

1. Возможна ли замена следователя искусственным интеллектом?

2. Как отразится применение искусственного интеллекта на общих и специальных правилах производства следственных действий, а также протоколирования их хода и результатов?

3. Какова роль искусственного интеллекта в оценке доказательственного значения результатов производства следственных действий?

Приступая к анализу ситуации, связанной с заменой следователя, отметим, что в действующем УПК РФ такая возможность уже предусмотрена, когда происходит замена другим следователем

⁸³ Роботов-стенографистов внедрили в мировых судах Ижевска // Коммерсантъ. 2021. 21 января.

при наличии к тому веской причины, например в случае заинтересованности в исходе уголовного дела (чч. 1 и 2 ст. 61 УПК РФ). Что же касается замены следователя искусственным интеллектом, то укажем на наличие двух точек зрения по этому вопросу:

- 1) профессия следователя не имеет будущего, поскольку искусственный интеллект способен в полном объёме заменить следователя;
- 2) искусственный интеллект, упрощая высококвалифицированную юридическую деятельность, все же не способен заменить следователя.

Сторонники радикального подхода полагают, что в условиях автоматизации следственной деятельности с использованием систем искусственного интеллекта профессия следователя уже не нужна.

Так, по мнению С.В. Власовой, вместо следователя, в традиционном смысле, субъектом расследования может быть робот (компьютер), и раскрытие преступлений будет осуществляться не людьми, а техническими интеллектуальными агентами, поскольку у них это лучше получится⁸⁴. Профессор А.С. Александров считает, что «профессия следователя как юриста, чья профессиональная работа состоит в составлении процессуальных документов – протоколов следственных действий – это мёртвая профессия. Его заменит машина»⁸⁵.

В литературе обосновываются и другие, более сдержанные, направления замены человека «интеллектуальным агентом»: от оперативного реагирования на сигнал о преступлении и до подготовки проектов обвинений, судебных решений и др.⁸⁶.

⁸⁴ Власова С.В. К вопросу о приспособливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. 2018. № 1 (36). С. 14–15.

⁸⁵ Александров А.С. Учение о следственных действиях на пороге «цифрового мира» // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3, № 4. С. 80–84.

⁸⁶ Александров А.С., Андреева О.И., Зайцев О.А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 197–207.

И здесь невольно вспоминается высказывание известного писателя-фантаста Дэна Брауна в эпилоге его книги «Происхождение» о том, что к 2050 г. «благодаря технологиям <...> искусственный интеллект возьмёт верх над человеческим интеллектом, и они сольются в единое целое. И когда это случится, <...> все мы, живущие сейчас <...> станем пережитком прошлого»⁸⁷.

Не отрицая потенциала искусственного интеллекта, вряд ли можно согласиться с утверждением о способности указанной технологии заменить квалифицированного следователя, поскольку в условиях цифровой реальности всё же есть такие сложные и нетипичные юридические задачи, которые робот не может и не должен решать, что в полной мере относится к сфере деятельности следователя.

Верным является утверждение о том, что «технологии искусственного интеллекта выступают исключительно вспомогательным инструментом и ни в коем случае не превращаются в «компьютерного следователя или судью»»⁸⁸.

Думается, что совершенствование порядка производства следственных действий должно происходить эволюционным путём, позволяющим избежать реализации радикального предложения об отмирании профессии следователя, имеющей творческий и познавательный характер. Как писал древнеримский политический деятель, блестящий оратор и философ Марк Туллий Цицерон, «знание законов заключается не в том, чтобы понимать их слова, а в том, чтобы постигать их смысл»⁸⁹.

Но это вовсе не означает, что следователь не должен разбираться в инновационных технологиях и отказаться от использования возможностей искусственного интеллекта в следственных

⁸⁷ Браун Дэн. Происхождение : роман / [пер. с англ. И. Большова, М. Литвинова-Комневич]. М. : АСТ, 2022. С. 563.

⁸⁸ Федорович В.Ю., Химичева О.В., Андреев А.В. Внедрение технологии информатизации и искусственного интеллекта как перспективные направления развития современного уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 2. С. 208.

⁸⁹ 20 мудрых изречений Цицерона // Интернет-портал «Российской газеты». 2013. 6 декабря.

действиях. Искусственный интеллект обеспечивает производство следственных действий на качественно новом уровне и в сжатые сроки, что способствует снижению нагрузки следователей и повышению их профессионального мастерства.

Далее перейдем к рассмотрению ранее обозначенного вопроса о влиянии искусственного интеллекта на общие и специальные правила производства и протоколирования следственных действий.

Надо честно признать, что в рамках действующего УПК РФ неоправданно сложны общие и специальные правила производства и протоколирования следственных действий, как наиболее распространенного процессуального механизма отыскания и закрепления сведений, имеющих значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. Как справедливо отмечает профессор О.В. Гладышева, «до настоящего времени тенденция упрощения не коснулась следственных действий»⁹⁰.

Необходимо учитывать, что использование возможностей искусственного интеллекта в следственных действиях не только позволяет осуществлять анализ огромного количества информации, но и обеспечивает высокую точность и полноту фиксации доказательственных материалов.

Незаменимым искусственный интеллект в ходе, например, такого следственного действия, как осмотр документов, цель производства которого сформулирована в ч. 1 ст. 176 УПК РФ, и состоит в обнаружении следов преступления, выяснении других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. В этом случае посредством применения технологии искусственного интеллекта осуществляется обработка текстов документов как в электронном виде, так и печатной форме (при условии их сканирования, фотографирования или видеозаписи). Особенности фиксации хода и результатов осмотра удалённого сетевого информационного ресурса позволили

⁹⁰ Гладышева О.В. Об упрощении уголовного судопроизводства, следственных и иных процессуальных действий // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3, № 4. С. 105.

А.Н. Першину обосновать предложение о дополнении УПК РФ новым видом осмотра – осмотр сетевых информационных ресурсов⁹¹.

Использование программы автозаполнения протокола упрощает и ускоряет работу следователя за счёт автоматического проставления общих реквизитов (например: даты, времени начала и окончания следственного действия, места его проведения), способствует исправлению ошибок и даже стилистических неточностей, не позволяя завершить оформление протокола в случае обнаружения ошибок в нём. На технологии искусственного интеллекта основана программа «Правосудие-онлайн», способная эффективно составлять проекты судебных актов на основе анализа текстов процессуальных обращений и материалов судебных дел⁹², действие которой предлагаем распространить, при соответствующей доработке, на следственные действия в досудебном производстве. Имеет очевидные перспективы внедрения в уголовное судопроизводство технология распознавания и синтеза речи, которая может стать эффективным средством автоматизированного формирования протокола следственного действия благодаря текстовым нейросетевым моделям, с учётом озвучиваемых или аудиопотоколируемых следователем сведений.

Безусловно, прав М.А. Малина, считающий, что искусственный интеллект вполне способен повысить качество следственных действий при получении от виртуальной системы сигнала о нарушении правил их проведения, если, например, следователь не принял дело к своему производству, либо вместо допроса произвёл опрос, выступая своеобразным процессуальным фильтром, предназначенным для отсева недоброкачественной и потенциально недостоверной информации⁹³.

⁹¹ *Першин А.Н.* Осмотр сетевых информационных ресурсов – новый вид следственного действия? // *Российский следователь.* 2020. № 1. С. 13–16.

⁹² *Куликов В.* Суды планируют подключить искусственный интеллект к составлению решений // *Российская газета.* 2023. 25 мая.

⁹³ *Малина М.А.* Цифровизация российского уголовного процесса: искусственный интеллект для следователя или вместо следователя // *Российский следователь.* 2021. № 2. С. 30.

А теперь в завершении исследования определимся в вопросе о роли искусственного интеллекта в оценке доказательственного значения результатов производства следственных действий.

Совершенно очевидно, что искусственному интеллекту неведомо, что такое совесть, и у него нет внутреннего убеждения, основанного на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств (ст. 17 УПК РФ). Искусственному интеллекту абсолютно всё равно, кто перед ним и какое процессуальное положение занимает. Указанные и иные обстоятельства делают невозможным использование искусственного интеллекта в качестве процессуального средства оценки доказательств, поскольку только человек вправе оценивать действия и решения другого человека, тем более в сфере уголовного судопроизводства с присущим ему жёстким механизмом принуждения и реальным ограничением прав человека. Предельно ясно эту позицию изложил В.В. Момотов, отметивший, что «судьба человека не может быть в руках бездушного робота-интеллектуала»⁹⁴.

Тем не менее это вовсе не свидетельствует об исключении искусственного интеллекта из арсенала следователя с учётом его потенциальной полезности служить поисковым инструментом в рамках следственных действий по обнаружению значимой информации, способствуя выдвигению и отработке оптимальных версий, построению других процессуальных и организационных алгоритмов деятельности.

Следует согласиться с высказанным мнением об искусственном интеллекте как справочно-вспомогательном инструменте доказывания, предопределяющем «возможность получения вспомогательных аргументов, доводов, силлогистических посылок, способствующих правильной оценке отдельных доказательств, уяснению вытекающих из них фактов, надлежащему осмыслению накопленного доказательственного материала»⁹⁵.

⁹⁴ Момотов В.В. Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5. С. 190.

⁹⁵ Россинский С.Б., Расулова Н.С. Справочно-вспомогательные средства доказывания в уголовном судопроизводстве // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. № 2 (89). С. 119.

Вместе с тем требует разрешения проблема купирования возможных рисков при использовании искусственного интеллекта даже в качестве вспомогательного средства доказательственной деятельности следователя.

Проиллюстрируем это неоднозначным примером из практики работы с преступлениями прошлых лет. 16 февраля 2023 г. в аэропорту «Домодедово» задержан и позднее арестован по обвинению в трёх убийствах, совершённых в 2003 г., учёный-гидролог института биологии внутренних вод имени И.Д. Папанина А. Цветков. Основанием для задержания и избрания меры пресечения в виде заключения под стражу (на чём настаивают журналисты и правозащитники) послужили данные искусственного интеллекта (камеры видеонаблюдения с функцией считывания лиц), согласно которым фоторобот убийцы (так называемый субъективный портрет преступника), составленный 20 лет назад, на 55 % совпадает с чертами лица А. Цветкова. Несмотря на очевидные нестыковки в уголовном деле следователем не проведена надлежащая проверка алиби А. Цветкова и не дана оценка тому обстоятельству, что в момент совершения преступлений он находился в другом месте. Ситуация, сложившаяся по делу А. Цветкова, приобрела общественный резонанс, и 11 декабря 2023 г. заключение под стражу заменено на запрет определённых действий, хотя предварительное следствие по делу продолжается⁹⁶.

Подводя итог, сформулируем основные выводы.

Применение искусственного интеллекта позволяет осуществлять анализ огромного количества информации за невероятно короткое время, выступая важным фактором успешного выявления, раскрытия и расследования преступлений.

Действующий УПК РФ не содержит норм об искусственном интеллекте как в целом, так и при производстве следственных действий.

Не отрицая потенциала искусственного интеллекта, вряд ли можно согласиться с утверждением о способности указанной технологии заменить квалифицированного следователя.

⁹⁶ После распоряжения Путина, ярославского гидролога, обвиняемого в серии убийств, отпустили из СИЗО // Ярославль. Онлайн. 2023. 11 декабря.

Искусственный интеллект обеспечивает производство следственных действий на качественно новом уровне и в сжатые сроки, что способствует снижению нагрузки следователей и повышению их профессионального мастерства.

Искусственному интеллекту неведомо, что такое совесть, и у него нет внутреннего убеждения, основанного на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, что делает невозможным его использование в качестве процессуального средства оценки доказательств.

Однако искусственный интеллект служит поисковым инструментом в рамках следственных действий по обнаружению значимой информации, способствуя выдвижению и отработке оптимальных версий, построению процессуальных и организационных алгоритмов деятельности следователя.

Библиографический список

1. Власова С.В. К вопросу о приспособливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. – 2018. – № 1 (36). – С. 9–18.
2. Александров А.С. Учение о следственных действиях на пороге «цифрового мира» // Юридический вестник Самарского университета. – 2017. – Т. 3, № 4. – С. 80–84.
3. Александров А.С., Андреева О.И., Зайцев О.А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 448. – С. 197–207.
4. Браун Дэн. Происхождение : роман / [пер. с англ. И. Болычева, М. Литвинова-Комневич]. – М. : АСТ, 2022. – 576 с.
5. Федорович В.Ю., Химичева О.В., Андреев А.В. Внедрение технологии информатизации и искусственного интеллекта как перспективные направления развития современного уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 2. – С. 205–210.
6. Гладышева О.В. Об упрощении уголовного судопроизводства, следственных и иных процессуальных действий // Юридический вестник Самарского университета. – 2017. – Т. 3, № 4. – С. 105–109.

7. Першин А.Н. Осмотр сетевых информационных ресурсов – новый вид следственного действия? // Российский следователь. – 2020. – № 1. – С. 13–16.

8. Малина М.А. Цифровизация российского уголовного процесса: искусственный интеллект для следователя или вместо следователя // Российский следователь. – 2021. – № 2. – С. 29–32.

9. Момотов В.В. Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 5. – С. 188–191.

10. Россинский С.Б., Расулова Н.С. Справочно-вспомогательные средства доказывания в уголовном судопроизводстве // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2023. – № 2 (89). – С. 118–123.

Татьянина Лариса Геннадьевна,

д.ю.н., профессор, заведующая кафедрой уголовного процесса и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВ ОБВИНЯЕМОГО/ ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ЗАКЛЮЧИВШЕГО ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Введение в УПК РФ института досудебного соглашения о сотрудничестве вызвало неоднозначную реакцию. Однако его применение в течение длительного времени показало, с одной стороны, целесообразность его существования, а с другой – позволило выявить недостатки при его применении⁹⁷.

⁹⁷ См.: Тисен О.Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. Оренбург, 2017; Русман Г.С.

Первоначально возникает вопрос о разъяснении обвиняемому или подозреваемому его права заявлять ходатайство прокурору о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве⁹⁸. УПК РФ не устанавливает, кто должен разъяснить указанное право, в полномочиях следователя, руководителя следственного органа, прокурора такая обязанность отсутствует. Более того, в ст. 46 и 47 УПК РФ, регламентирующих права и обязанности соответственно подозреваемого и обвиняемого, отсутствует право знать о возможности заявления ходатайства прокурору о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и заявлять указанное ходатайство. Логично возникает вопрос о том, каким образом подозреваемый/обвиняемый может узнать о том, что у него имеется указанное право.

Досудебное производство о сотрудничестве как средство поощрения: законный интерес или субъективное право // Актуальные проблемы права России и стран СНГ – 2012 год : материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф. с элементами научной школы. Ч. 2 Челябинск : Цицеро. 2012. С. 198–201; *Лошкобанова Я.В.* О проблемах процессуальной регламентации и гарантиях прав участников при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Общество и право. 2013. № 1 (43). С. 180–184; *Федосеева Е.Л.* Досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы правового регулирования и порядка применения : монография. Екатеринбург : Уральский юридический институт МВД России. 2011; *Татьянин Д.В.* Досудебное соглашение о сотрудничестве как обстоятельство, смягчающее уголовную ответственность // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2013. № 1. С. 160–162 и др.

⁹⁸ См.: *Татьянина Л.Г.* Заявление ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: вопросы, оставшиеся без ответа // Бюллетень Уральского отделения Международной ассоциации содействия правосудию. 2010. № 1. С. 98–101; *Лошкобанова Я.В.* Порядок уведомления подозреваемого обвиняемого о праве заключения досудебного соглашения о сотрудничестве // Актуальные проблемы судебной власти, прокурорского надзора, правоохранительной и правозащитной деятельности, уголовного судопроизводства : сб. науч. ст. под общ. и науч. ред. О.В. Гладышевой, В.А. Семенцова. Краснодар : Просвещение-Юг. 2013. С. 132–137; *Федосеева Е.Л.* Ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Актуальные проблемы борьбы с преступностью на современном этапе : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Хабаровск : Дальневосточный юридический институт МВД России. 2012. С. 299–302; *Тисен О.Н.* Особенности разъяснения подозреваемым и обвиняемым права на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве в правоприменительной практике // Уголовное право. 2013. № 4. С. 96–101 и др.

К полномочиям защитника, указанным в ст. 53 УПК РФ, не отнесена обязанность разъяснять своему подзащитному право на заявление досудебного соглашения о сотрудничестве. Более того, исходя из положений ч.1 ст. 317.1 УПК РФ, защитник может быть привлечён после волеизъявления подозреваемого/обвиняемого заключить досудебное соглашение о сотрудничестве, поскольку при отсутствии обязательного основания для участия защитника подозреваемый/обвиняемый вынужден будет согласиться с обязательным участием последнего только после заявления указанного ходатайства. Несмотря на то, что изначально при введении гл. 40.1 УПК РФ говорили о необходимости установить порядок разъяснения подозреваемому/обвиняемому оснований и условий заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, но данный вопрос и до настоящего времени остался неурегулированным.

Анализируя позиции различных авторов о причине отсутствия порядка разъяснения указанного права в УПК РФ, возможно сделать вывод, что, во-первых, порядок подачи заявления о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве установлен ст. 317.1 УПК РФ, в которой указано право подозреваемого/обвиняемого обращаться с ходатайством о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. В пункте 6 ч. 2 ст. 38 УПК РФ предусмотрено, что следователь осуществляет и иные полномочия, предусмотренные УПК РФ, в ст. 46 и 47 УПК РФ предусмотрено право подозреваемого и обвиняемого защищаться иными, не запрещёнными законом способами, к числу которых относится досудебное соглашение о сотрудничестве. Данная позиция представляется сомнительной, поскольку в ч.1 ст. 317.1 УПК РФ отсутствует обязанность следователя разъяснять право на подачу ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, а установлен порядок его рассмотрения, поэтому считать, что таким образом на следователя возлагается обязанность разъяснять указанное право, представляется необоснованным. Тот факт, что досудебное соглашение можно рассматривать как способ осуществления защиты, не говорит о том, что об этом способе подозреваемому/обвиняемому

не нужно разьяснять, что он будет его знать самостоятельно, в связи с чем отсылка на указанные положения представляется необоснованной. Во-вторых, предполагается, что с лицами, доставленными после совершения преступления, первоначально разговаривают оперативные сотрудники, которые разьясняют предполагаемому подозреваемому о возможности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве. Данное мнение не выдерживает критики, поскольку действия оперативных сотрудников могут быть рассмотрены как психические способы воздействия, т.к. они не имеют никакого процессуального отношения к заключению досудебного соглашения о сотрудничестве. В-третьих, высказывается мнение, что подозреваемому изначально предоставляется защитник. Он может от него отказаться, но до принятия решения об отказе защитник должен будет разьяснить подозреваемому его права, в том числе и право на заявление ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Данная позиция представляется необоснованной, поскольку подозреваемый может отказаться изначально от защитника, и даже если это не произойдет, то к полномочиям защитника не относится разьяснение прав подзащитного, в том числе и права на заявление ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Следует учитывать, что защитник, будучи приглашённый соучастниками преступления, незаинтересованными в показаниях задержанного подозреваемого, не станет разьяснять ему целесообразность заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, а, наоборот, сделает всё, чтобы убедить в нецелесообразности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве.

Целесообразно возложить на следователя обязанность разьяснить подозреваемому/обвиняемому право на заявление ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, при этом разьяснение указанного права должно осуществляться следователем независимо от присутствия защитника. Если подозреваемый/обвиняемый откажется разговаривать со следователем без участия защитника, то следователь должен будет разьяснить указанное право в присутствии защитника.

Одним из наиболее сложных моментов является разъяснение указанного права по сложносоставным уголовным делам⁹⁹. Это обусловлено следующими обстоятельствами. При совершении серии преступлений организованной преступной группой не все её члены принимают участие во всех совершённых преступлениях. Кроме того, некоторые принимают участие в совершении преступления в форме пособничества, консультаций и т.п., при этом они хорошо знают состав исполнителей, выполнение каждым конкретных действий, судьбу похищенного и т.д.¹⁰⁰. Часто возникает ситуация, когда член преступной группы проходит по одному уголовному делу в качестве обвиняемого, обладая информацией о совершении другими членами группы иных преступлений, но в указанном случае обвиняемому не предлагают заключить досудебное соглашение о сотрудничестве, поскольку ему не вменяются в вину определённые эпизоды преступной деятельности, а предлагается дать показания в качестве свидетеля, от чего он отказывается. Целесообразно по уголовным делам о преступлениях, совершённых организованными преступными группами, заключать досудебное соглашение о сотрудничестве с обвиняемым, который является членом указанной группы, но привлекается к уголовной ответственности за совершение иных преступлений, обладая при этом бесспорной информацией о преступной деятельности остальных её участников. Обвиняемый покажет таким образом действительное раскаяние в содеянном, поскольку поможет раскрыть преступления, совершённые организованной преступной группой. Предполагать, что он будет давать показания в качестве свидетеля по другим эпизодам

⁹⁹ См.: *Бондаренко А.А.* Производство по сложносоставному уголовному делу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2022. 22 с.; *Хорищенко Е.Г.* Особенности уголовного судопроизводства по делам о взаимосвязанных преступлениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 21 с.

¹⁰⁰ См.: *Тисен О.Н.* Возможно ли заключение досудебного соглашения о сотрудничестве с лицом, способствующим раскрытию преступления, в котором он не принимал участие? // У11 весенние юридические чтения : междунар. науч.-практ. конф. М. : Московский центр правовых исследований. 2014. С. 41–44.

преступной деятельности, беспредметно, поскольку у него не будет гарантий того, что суд учтёт оказание помощи в раскрытии преступлений по другим делам, более того, факт его вхождения в состав преступной группы будет рассматриваться как обстоятельство, отягчающее уголовную ответственность.

Сложная ситуация возникает, когда с ходатайством о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве обращаются несколько обвиняемых, проходящих по одному уголовному делу. В случае если их позиции идентичные, это может быть действительным желанием загладить причинённый вред и получить минимальную меру наказания, чтобы возвратиться к нормальной жизни, уйти из криминального мира, то заключение досудебного соглашения о сотрудничестве с двумя и более лицами возможно. Однако намного сложнее складывается ситуация, когда с ходатайством о заключении досудебного соглашения обращаются несколько обвиняемых, которые проходят по одному уголовному делу, но при этом их позиции различные и противоречивые. Возникает вопрос о целесообразности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве в указанном случае в целом либо о возможности заключения досудебного соглашения с одним или двумя обвиняемыми.

В указанном случае отказ от заключения досудебного соглашения может иметь место, когда у следователя возникают сомнения в предложениях обвиняемых, их честности при даче показаний и действительном желании помочь органам предварительного расследования. При наличии двух и более идентичных показаний и предложений следователь может принять решение о возможности обратиться к прокурору с ходатайством о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве с указанными лицами.

Наиболее сложная ситуация возникает при необходимости защиты прав обвиняемого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, в случае, когда при рассмотрении уголовного дела в отношении его соучастников, с которыми не было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, суд постановляет оправдательный приговор, что приводит к необходимости пере-

смотра уголовного дела в отношении лица, с которым было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве¹⁰¹. Указанная ситуация возможна в связи с тем, что при постановлении в отношении него приговора в порядке гл. 40 УПК РФ доказательства не исследуются, но при рассмотрении уголовного дела в отношении его соучастников происходит исследование доказательств, в том числе приобщение новых доказательств, что может привести к принятию решения в пользу подсудимых даже при рассмотрении уголовного дела профессиональным составом суда. При рассмотрении уголовного дела судом с участием коллегии присяжных заседателей решение будет зависеть от того, как будут представлены доказательства суду, кроме того, следует учитывать, что не всегда присяжные заседатели склонны оценить волеизъявление обвиняемого как искреннее раскаяние, а рассматривают как желание уйти от ответственности. В ситуации, когда при рассмотрении уголовного дела в отношении соучастников постановливают оправдательный приговор, то лицо, с которым было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, оказывается в катастрофическом положении, его фактически признают виновным лицом в совершении преступлений, который пытался ввести в заблуждение органы предварительного расследования и суд, оговорив других лиц в совершении преступления. Таким образом, его желание и действия, направленные на оказание помощи органам предварительного расследования, оцениваются как способ уйти от ответственности, введение в заблуждение органы предварительного расследования и суда в целях привлечения к уголовной ответственности невиновных лиц.

¹⁰¹ См.: Федосеева Е.Л. Пересмотр приговора, вынесенного в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве // Актуальные вопросы научного обеспечения деятельности органов внутренних дел РФ : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург : Уральский юридический институт МВД России. 2013. С. 119–113; Тисен О.Н. Ошибки судей, повлекших отмену или изменение приговоров при рассмотрении уголовных дел в порядке гл. 40.1 УПК РФ // Российский судья. 2015. № 8. С. 31–34; Тисен О.Н. Основания отмены и изменения судебных решений, постановленных в порядке гл. 40.1 УПК РФ // Уголовный процесс. 2016. № 2. С. 22–32 и др.

Соответственно, возникает вопрос о целесообразности обращения с ходатайством о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве обвиняемого, если у него нет гарантий в том, что уголовное дело будет рассмотрено объективно.

Полагаю, что в целях исключения ситуации, связанной с пересмотром приговора в отношении обвиняемого, с которым заключили досудебное соглашение о сотрудничестве, следует первоначально рассмотреть уголовное дело в отношении обвиняемых, с которыми указанного соглашения не было заключено, только после постановления обвинительного приговора в отношении них рассматривать уголовное дело в порядке гл. 40 УПК РФ в отношении обвиняемого, с которым было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве.

Басова Оксана Олеговна,

*к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса
и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО
«Удмуртский государственный университет»,
г. Ижевск*

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ОТПРАВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Стремительное развитие цифровых технологий неизбежно влечёт за собой их внедрение во все сферы жизни общества. На современном этапе государство ставит перед собой задачу стать одним из международных лидеров в развитии и использовании технологий искусственного интеллекта¹⁰². Это ставит перед собой

¹⁰² См. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. М., 11.10.2019. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003?ysclid=lvdydw9cbqe765647411> (дата обращения: 12.03.2024).

вопрос о возможности применения искусственного интеллекта в деятельности судебных органов, в том числе при осуществлении правосудия по уголовным делам. В последнее время данный вопрос является одним из самых обсуждаемых в юридическом сообществе. При этом идеи внедрения искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство имеют как своих сторонников, которые видят в этом большой потенциал и несомненную пользу в повышении эффективности осуществления правосудия, так и противников, полагающих невозможным заменить судью искусственным интеллектом.

Основные опасения среди учёных и практиков вызывает возможная замена судьи системами искусственного интеллекта, что, в свою очередь, поднимает вопрос о необходимости наделения этих систем объёмом полномочий судьи и признания их субъектом права¹⁰³. Противники внедрения искусственного интеллекта указывают на невозможность и нецелесообразность наделения такого участника судопроизводства, как «робот-судья», правами и обязанностями, а также высокую степень вероятности саботажа судебной системы посредством вредоносного программного обеспечения, внедрённого в электронный документооборот.

Однако, полагаем, что во многом опасения относительно использования искусственного интеллекта при осуществлении правосудия по уголовным делам обусловлены различными подходами к пониманию данного явления. В связи с этим полагаем необходимым обратиться к вопросу о том, что же такое искусственный интеллект.

Легальная дефиниция искусственного интеллекта в Российской Федерации впервые появилась в «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года», утвержденной Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», согласно которому под искусственным интеллектом понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции

¹⁰³ См. напр.: *Журавлева М.Д.* К вопросу о внедрении и использовании систем искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2021. № 1 (12). С. 23.

человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

Кроме того, в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта говорится о «технологиях искусственного интеллекта», под которыми понимается совокупность технологий, включающая в себя компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта. То есть технологии искусственного интеллекта представляют собой отдельные элементы искусственного интеллекта, отражающие его свойства. Также в данном документе проводится разграничение между слабым искусственным интеллектом, способным решать только узкоспециализированные задачи, и сильным искусственным интеллектом, способным решать различные задачи, мыслить, взаимодействовать с человеком и адаптироваться к изменяющимся условиям¹⁰⁴.

Таким образом, на законодательном уровне разграничены понятия «искусственный интеллект», «технологии искусственного интеллекта», а также выделяются типы искусственного интеллекта в зависимости от степени сложности задач, которые он способен решать, и способности мыслить и взаимодействовать с человеком. Полагаем, что при рассмотрении вопроса о возможности применения искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве и при осуществлении правосудия, необходимо учитывать данные различия в понятийном аппарате.

¹⁰⁴ Журавлева М.Д. Указ. соч. С. 23.

В юридической литературе также отмечается необходимость различать два типа искусственного интеллекта – «слабый» и «сильный» – неоднородных по своему назначению и функциональным возможностям¹⁰⁵.

Рассматривая вопрос о возможности применения искусственного интеллекта при отправлении правосудия, следует отметить, что процесс интеграции технологий искусственного интеллекта в работу судебной системы Российской Федерации уже запущен. Речь идёт о технологиях «слабого» искусственного интеллекта, который запрограммирован на выполнение узких конкретных задач.

На сегодняшний день в судебной системе используются такие цифровые технологии, как подача документов в электронном виде, возможность ознакомления с материалами электронных дел, возможность получения судебных решений и исполнительных листов в электронном виде; цифровая Система учёта и контроля оплат постановлений (УКОП), предназначенная для ведения и учёта документов на оплату работ адвокатов и переводчиков, назначенных судом; программно-технический комплекс обеспечения информационного взаимодействия ГАС «Правосудие» с другими информационными системами; специальная система автоматизации судопроизводства «Юнисервис», интегрированная с программными изделиями ГАС «Правосудие», позволяющая автоматически сформировать и заполнить судебные извещения сразу по большому количеству дел, подписать их электронной цифровой подписью в пакетном режиме и отправить электронными заказными письмами¹⁰⁶.

Кроме того, по сообщению Виктора Момотова, председателя Совета судей России, к концу 2024 г. планируется запуск суперсервиса «Правосудие онлайн», включающего в себя технологии

¹⁰⁵ См.: *Шундигов К.В.* Искусственный интеллект в Российском правосудии: состояние и перспективы // *Образование и право.* 2023. № 8. С. 318.

¹⁰⁶ Состоялось совещание по вопросам расширения доступа граждан к правосудию с использованием цифровых технологий // *Официальный сайт Верховного Суда РФ.* URL: https://www.vsrp.ru/press_center/news/32662/ (дата обращения: 10.03.2024).

искусственного интеллекта, которые позволят определить подсудность дела, рассчитать и оплатить госпошлину, а также составлять проекты судебных актов на основе анализа текста процессуального обращения и материалов дела¹⁰⁷.

В целом, соглашаясь с авторами, полагающими необходимым отграничивать понятие искусственного интеллекта от цифровых технологий и «информатизации»¹⁰⁸, полагаем, что тем не менее имеющиеся в распоряжении судебной системы на сегодняшний день программные средства свидетельствуют о внедрении технологий искусственного интеллекта в работу судов, поскольку они являются инструментом для решения задач, стоящих перед работниками суда, по хранению, использованию и передаче информации, содержащейся в базах данных.

Представляется, что применение технологий искусственного интеллекта направлено на оптимизацию судебной деятельности, и в наибольшей степени может быть реализовано в части освобождения судей и работников аппарата суда от выполнения типовых и рутинных задач при осуществлении делопроизводства и подготовке дела к судебному разбирательству (в том числе по формированию материалов дела, извещению участников процесса, истребованию необходимых сведений, составлению протоколов судебного заседания и проектов судебных актов и пр.).

¹⁰⁷ Выступление председателя Совета судей Российской Федерации В.В. Момотова на заседании Клуба имени Д.Н. Замятина по теме «Электронное правосудие в Российской Федерации: миф или реальность» // Официальный сайт Совета судей РФ. URL: <http://www.ssrj.ru/news/vystupleniia-interv-iu-publikatsii/42272> (дата обращения: 10.03.2024).

¹⁰⁸ См. напр.: *Рябцева Е.В.* Проблема использования искусственного интеллекта в уголовном правосудии // *Всероссийский криминалистический журнал*. 2023. Т. 17, № 1. С. 75; *Федорович В.Ю., Химичева О.В., Андреев А.В.* Внедрение технологий информатизации и искусственного интеллекта как перспективные направления развития современного уголовного судопроизводства // *Вестник Московского университета МВД России*. 2021. № 2. С. 206.

Потенциал применения технологий искусственного интеллекта непосредственно при отправлении правосудия по уголовным делам видится в расширении возможностей судьи при обработке информации, в том числе материалов уголовного дела. К числу задач, направленных на оказание содействия судье в осуществлении правосудия, которые могут быть переданы искусственному интеллекту, можно отнести: подбор судебной практики, систематизацию доказательств, проверку судебного акта на соответствие обязательным требованиям к его содержанию, в том числе связанным с определением размера наказания, учётом смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств, определением вида исправительного учреждения и т.п. Подобного рода технологии позволили бы повысить эффективность и качество работы судьи, избежать досадных ошибок, зачастую допускаемых судьями при принятии решения и подготовке судебных актов из-за большой загруженности или большого объёма материалов уголовного дела.

При этом следует согласиться с мнением авторов, полагающих, что искусственный интеллект не сможет заменить судью, и ему не могут быть переданы полномочия по анализу доказательств и принятию итогового решения по делу. Безусловно, использование искусственного интеллекта при осуществлении правосудия должно неукоснительно следовать принципу ограниченности и приоритета позиции «человек-судья», а не «судья-бот». Задача искусственного интеллекта лишь содействовать судье в отправлении правосудия по уголовному делу с целью повышения эффективности и качества его работы, исключения возможных ошибок при постановлении приговора и назначении наказания. Его можно рассматривать лишь в качестве незаменимого помощника судьи, а не как его альтернативу. Как справедливо отмечает Н.Н. Апостолова, в судопроизводстве, где и деятельность человека ограничена определёнными формальными правилами, допустимо применение лишь специализированных (вспомогательных) интеллектуальных систем ИИ, способных работать, хотя и самостоятельно,

но под контролем человека¹⁰⁹. Таким образом, считаем допустимым применение в уголовном судопроизводстве, в том числе при отправлении правосудия по уголовным делам, лишь технологий «слабого» искусственного интеллекта. В связи с чем обсуждение проблем, связанных с внедрением «сильного» искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство, видится нецелесообразным.

Вместе с тем внедрение технологий искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство ставит перед собой ряд вопросов.

Так, в юридической науке обсуждается возможность использования технологий искусственного интеллекта с преступной целью – для искажения доказательств, вынесения неправосудных решений. Биометрические данные уже стали предметом подделки, что предоставляет возможность для незаконных действий от имени другого лица. В настоящее время обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства, соблюдение и уважение их прав и законных интересов становится одной из самых актуальных проблем, связанных с внедрением технологий искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство. Данные обстоятельства ставят перед сообществом IT-специалистов ряд задач, разрешить которые возможно, по нашему мнению, только при наличии сбалансированной и адекватной законодательной основы по регулированию отношений в области искусственного интеллекта.

В этой связи представляется вполне целесообразным принятие 26 октября 2021 г. Кодекса этики в сфере искусственного интеллекта, который устанавливает общие этические принципы и стандарты поведения, которыми следует руководствоваться участникам отношений в сфере искусственного интеллекта¹¹⁰. Однако присоединение к Кодексу осуществляется лицами, использующими системы искусственного интеллекта, на добровольной

¹⁰⁹ *Аностолова Н.Н.* Искусственный интеллект в судопроизводстве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 3. С. 139.

¹¹⁰ Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.03.2024).

основе, что не снимает проблем, связанных с отсутствием чёткой законодательной регламентации отношений по использованию технологий искусственного интеллекта. Не решает указанную проблему и закрепление основных принципов развития и использования технологий искусственного интеллекта в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта¹¹¹. В этой связи юридическому сообществу предстоит продолжить работу над разработкой нормативных предписаний, действительно обеспечивающих защиту прав личности при осуществлении правосудия с использованием технологий искусственного интеллекта.

Библиографический список

1. Апостолова Н.Н. Искусственный интеллект в судопроизводстве // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2019. – № 3. – С. 135–141.
2. Журавлева М.Д. К вопросу о внедрении и использовании систем искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве // Гуманитарные и политико-правовые исследования. – 2021. – № 1 (12). – С. 20–28.
3. Рябцева Е.В. Проблема использования искусственного интеллекта в уголовном правосудии // Всероссийский криминалистический журнал. – 2023. Т. 17, № 1. – С. 73–80.
4. Федорович В.Ю., Химичева О.В., Андреев А.В. Внедрение технологий информатизации и искусственного интеллекта как перспективные направления развития современного уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 2. – С. 205–210.
5. Шундииков К.В. Искусственный интеллект в российском правосудии: состояние и перспективы // Образование и право. – 2023. – № 8. – С. 315–321.

¹¹¹ См. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003?ysclid=lvdydw9cbqe765647411> (дата обращения: 12.03.2024).

*Гафурова Эльмира Равиловна,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры теории и истории
государства и права ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет», г. Ижевск*

СОВРЕМЕННАЯ УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА: ГУМАНИЗАЦИЯ И УЖЕСТОЧЕНИЕ НОРМ УК РФ

В современном обществе вопросы уголовной политики играют важную роль, поскольку они напрямую связаны с обеспечением общественной и государственной безопасности. Определение понятия «уголовная политика» включает в себя особую государственную деятельность, которая связана с реализацией принципов уголовного права.

Так, к примеру, А.И. Александров под уголовной политикой понимает «...отношение власти к преступности. Именно власть решает, что является преступлением, а что нет, какое наказание должно быть определено за это или за другое преступление. Именно власть решает, как расследовать преступления и как в суде рассматривать уголовные дела»¹¹².

По мнению А.А. Душкина, уголовная политика является деятельностью государства в сфере борьбы с преступностью. В процессе исследования возможных средств противодействия и уменьшения противоправных проявлений была выявлена необходимость разработки научных основ борьбы с таким отрицательным социальным явлением, как преступность. Результатом этой работы стала выработка научно обоснованной стратегии и эффективной тактики государственных органов в этой сфере, которая получила название «уголовная политика»¹¹³.

¹¹² Александров А.И. Уголовная политика в Российской Федерации. Еще раз о самом главном // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 4. С. 35.

¹¹³ Душкин А.А. Современная уголовная политика как часть государственной политики российского государства // Молодой ученый. 2021. № 37 (379). С. 101.

Н.С. Грудинин считает, что уголовно-правовая политика государства выступает важной составляющей деятельности уполномоченных органов и должностных лиц. Её целью является формирование эффективной нормативной базы, стратегии и тактики противодействия преступности. В рамках этой политики стремятся поддерживать преступность на минимально допустимом уровне, а также принимать меры, направленные на снижение бедности, безработицы и борьбу с социально-негативными явлениями, такими как алкоголизм, наркомания и проституция. Кроме того, осуществляется система комплексных мер по исполнению наказания, предупреждению и профилактике преступного поведения личности в соответствии с приговором суда¹¹⁴.

Таким образом, уголовная политика напрямую связана с преобразованием уполномоченными органами норм уголовного законодательства, как правило, по двум основным направлениям: гуманизация и ужесточение. С течением времени уголовная политика претерпевает изменения, отражающие новые вызовы и потребности общества. В современной России эта тенденция также имеет место быть.

Согласно законодательным изменениям за январь – декабрь 2023 года в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) трансформацию претерпело более 45 статей¹¹⁵.

УК РФ в указанный период был дополнен и изменён в следующей части: статьи 53.1, 57, 58, 63, 76.1, 92, 104.1, 158, 172.4, 189, 198, 199–199.2, 199.4, 205–205.1, 205.4, 207.3, 215.4, 226.1, 234.2, 236, 239, 260.1, 275, 281–281.1, 280.3–280.4, 284.1, 283.2-284.3, 322, 330.3, 360, 361. В особенности законодательные преобразования были направлены на смягчение уголовной ответственности и наказания при наличии смягчающих обстоятельств, а также ужесточение наказания за совершение преступлений против общественной безопасности.

¹¹⁴ Грудинин Н.С. Содержание и основные направления уголовно-правовой политики Российской Федерации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. № 2 (847). 2023. С. 131.

¹¹⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25, ст. 2954.

Гуманизация уголовной политики подразумевает прежде всего устранение жестоких и неэффективных наказаний, а также обеспечение гарантий прав человека и соблюдение принципов справедливости. Вместо строгих наказаний, которые не всегда способны изменить или реабилитировать преступника, своими действиями современная уголовная политика стремится открывать возможности для его положительной реинтеграции в общество. Для этого используются различные методы, такие как альтернативные виды наказания, воспитание, психологическая помощь, образование и трудоустройство. Так, гуманизацию можно наблюдать как на уровне законодательства, так и в сфере практической реализации уголовного права.

Рассматривая последние изменения УК РФ, обратим внимание на Федеральный закон от 12.12.2023 № 591-ФЗ «О внесении изменений в УК РФ»¹¹⁶, вступающий в силу с 10.06.2024. В соответствии с которым в УК РФ внесены изменения, направленные на гуманизацию уголовного законодательства в отношении женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы за совершение преступлений небольшой тяжести и имеющих детей, которые находятся в доме ребёнка исправительного учреждения.

В частности, поправками предусмотрено увеличение с 3 до 4 лет возраста детей, находящихся в доме ребёнка исправительного учреждения, до достижения которого в отношении их матерей могут быть применены условно-досрочное освобождение от отбывания наказания или замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания после отбытия не менее одной четверти срока наказания в виде лишения свободы, назначенного за совершение преступления небольшой тяжести.

А также на Федеральный закон от 14.04.2023 № 116-ФЗ «О внесении изменений в статью 76.1 УК РФ и статью 28.1 Уголов-

¹¹⁶ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 12.12.2023 № 591-ФЗ // Парламентская газета. № 47с. 19.12.2023.

но-процессуального кодекса Российской Федерации»¹¹⁷, на основании которого расширяется круг лиц, впервые совершивших преступление, подлежащих освобождению от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба за счёт распространения действия ч. 2 ст. 76.1 УК РФ.

Таким образом, на основании последних изменений норм УК РФ законодателями были предприняты шаги по реформированию уголовно-правовых отношений в целях усиления гуманизации. Преобразования включают в себя введение альтернативных мер пресечения для малозначительных преступлений, поддержку системы условного осуждения и пропаганду применения принципа презумпции невиновности.

Однако современная уголовная политика также придерживается принципа ужесточения норм УК РФ, чтобы обеспечить общественную безопасность и защиту прав и свобод граждан. Использование жестких наказаний может служить сдерживающим фактором для потенциальных преступников и способствовать снижению уровня преступности в обществе. Ужесточение норм также направлено на борьбу с организованной преступностью, экономическими преступлениями, террористической деятельностью и другими тяжкими видами преступлений.

Например, Федеральный закон от 25.12.2023 № 641-ФЗ «О внесении изменений в УК РФ»¹¹⁸ установил ответственность за дискредитацию добровольческих формирований Росгвардии. Соответствующие дополнения, направленные на обеспечение уголовно-правовой охраны интересов добровольческих формирований, содействующих выполнению задач войск Росгвардии, внесены в ст. 207.3, 280.3 и 284.3 УК РФ.

¹¹⁷ О внесении изменений в статью 76.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 28.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 14.04.2023 № 116-ФЗ // Парламентская газета. № 47с. 19.12.2023.

¹¹⁸ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 25.12.2023 № 641-ФЗ // Парламентская газета. № 1с. 01.01.2024.

Соответствующий закон усилил ответственность за преступления террористической направленности и преступления против основ конституционного строя и безопасности государства.

Так, Федеральным законом от 28.04.2023 № 157-ФЗ «О внесении изменений в УК РФ и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» изменено наказание за террористический акт (ч. 1 ст. 205 УК), на сегодня предусмотрено в виде лишения свободы на срок от 10 до 20 лет (ранее – от 10 до 15 лет). Также усиливается наказание за содействие террористической деятельности, участие в террористическом сообществе, диверсию (ч. 1 ст. 281 УК), нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой, акт международного терроризма.

В дополнение была установлена уголовная ответственность за оказание содействия в исполнении решений международных организаций, в которых Российская Федерация не участвует, или иностранных государственных органов.

Таким образом, можно сделать вывод, что современная уголовная политика в России действительно включает в себя два направления: гуманизация и ужесточение норм УК РФ. Гуманизация заключается в создании более гуманных условий наказания, в учёте личных обстоятельств лица при его осуждении, а также в применении альтернативных мер пресечения. Ужесточение политики направлено на более строгое наказание за серьёзные преступления, что способствует большей безопасности общества и справедливости в деле осуществления уголовной юстиции. Следует отметить, что ужесточение и гуманизация уголовного законодательства требуют постоянного совершенствования и адаптации к новым вызовам и угрозам преступности, чтобы обеспечить справедливость и благополучие в современном обществе.

Библиографический список

1. Александров А.И. Уголовная политика в Российской Федерации. Еще раз о самом главном // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 34–44.

2. Душкин А.А. Современная уголовная политика как часть государственной политики российского государства // Молодой ученый. – 2021. – № 37 (379). – С. 101–103.

3. Грудинин Н.С. Содержание и основные направления уголовно-правовой политики Российской Федерации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2023. – № 2(847). – С. 130–136.

Гейнце Ольга Викторовна,

к.ю.н., судья Третьего кассационного суда общей юрисдикции,

г. Санкт-Петербург

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ДЕЯНИЙ, СВЯЗАННЫХ С УПРАВЛЕНИЕМ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ (ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ)

Одним из распространённых и не имеющих на сегодняшний день однозначного решения вопросов квалификации транспортных преступлений, в частности, предусмотренных ст. 264, 264¹ УК РФ, в теории и практике является определение того или иного средства передвижения в качестве транспортного средства, за управление которым в случае нарушения Правил дорожного движения предусматривается административная или уголовная ответственность.

Согласно п. 2 примечаний к ст. 264 УК РФ для целей этой статьи и ст. 264¹ данного Кодекса лицом, находящимся в состоянии опьянения, признается лицо, управляющее транспортным средством, в случае установления факта употребления этим лицом вызывающих алкогольное опьянение веществ, который определяется наличием абсолютного этилового спирта в концентрации, превышающей возможную суммарную погрешность измерений, установленную законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях, или в случае наличия в организме этого

лица наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, а также лицо, управляющее транспортным средством, не выполнившее законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения в порядке и на основаниях, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

Соответственно, одним из подлежащих обязательному установлению обстоятельств по делам указанной категории является факт управления в состоянии опьянения именно транспортным средством. Не вдаваясь глубоко в юридическое содержание понятий «управление» и «опьянение» – это тема для отдельного обсуждения, по результатам проведённого автором исследования, на основе доктринальных позиций и судебной практики, можно констатировать, что вопрос отнесения того или иного устройства (средства передвижения) к категории транспортных средств также является достаточно проблемным, учитывая их огромное разнообразие и постоянное появление новых технических устройств, однозначно не классифицируемых.

Базовый подход к определению транспортного средства – это, безусловно, уголовный закон, который гласит, что, помимо автомобилей, трамваев, под другими механическими транспортными средствами в ст. 264, 264¹ и 264³ УК РФ понимаются трактора, самоходные дорожно-строительные и иные самоходные машины, а также транспортные средства, на управление которыми в соответствии с законодательством Российской Федерации о безопасности дорожного движения предоставляется специальное право.

Казалось бы, все достаточно прозрачно, однако на сегодняшний день практика сталкивается с такими фактами, как перемещение по автомобильным дорогам общего пользования на различных приспособлениях, например: электросамокатах, мотоблоках, «мотособаках», самоходных машинах, в том числе собранных кустарным способом, однако оснащённых бензиновым или электрическим двигателем, способных развить скорость движения, создающую угрозу

аварийной ситуации и т.п. Не исключены факты передвижения на таких устройствах в нетрезвом виде.

Как показало проведённое изучение судебной практики, суд в обязательном порядке исследует этот вопрос и на основе представленных доказательств делает вывод, относится ли то или иное устройство к категории транспортного средства, на управление которым требуется специальное право.

В отдельных случаях к решению вопроса привлекаются соответствующие специалисты или эксперты, если для разрешения вопроса требуются специальные познания в области автотехники.

Например, Седьмой кассационный суд общей юрисдикции проверил в кассационном порядке уголовное дело, где гражданин был осуждён за управление в состоянии опьянения мотоблоком с прицепом. В указанном деле одним из доказательств виновности осуждённого суды признали показания специалиста об отнесении указанного транспортного средства к двухосным тракторам¹¹⁹.

Аналогичные решения по мотоблокам принимали и другие кассационные суды общей юрисдикции¹²⁰.

Эти и другие судебные акты можно легко обнаружить на официальных сайтах судов в разделе «Судебное делопроизводство, судебные акты» или в справочно-правовых системах, а также в открытом доступе в сети Интернет.

Что касается вопроса относительно правовых, технических позиций, то, как видно из судебных решений, в рассматриваемых случаях суды исходили из требований нормативно-правовых актов в области безопасности дорожного движения и анализа конструктивных особенностей транспортного средства, которым управляли осуждённые лица. Если эти конструктивные особенности позволяли

¹¹⁹ Кассационное постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 10.11.2022 № 77-5123/2022) // СПС «КонсультантПлюс».

¹²⁰ См. определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 21.10.2021 № 77-5044/2021; постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 29.11.2022 № 77-5528/202; постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 19.09.2023 № 77-2229/2023) и др.

классифицировать устройство, например, как самоходную машину, т.е. другое механическое транспортное средство, то за его управление в состоянии опьянения наступала ответственность. При этом государственная регистрация в органах государственного технического надзора не является обязательным условием для вывода о наличии у самоходной машины статуса транспортного средства.

Такие ситуации, когда суду приходится самостоятельно решать, является ли то или иное средство передвижения транспортным средством, в практике возникают постоянно.

Относительно же мотоблоков, снегоходов, электросамокатов, то, как показало проведённое исследование, они не всегда подпадают под категорию транспортных средств, в основном это зависит от их технических характеристик, мощности двигателя и других параметров, отличающих «транспортное средство» от так называемых «средств индивидуальной мобильности». К числу последних относятся также гироскутеры, сигвеи, моноколесо и другие подобного рода устройства.

Значительная часть судебных споров изначально решается на уровне административного законодательства, в рамках административного производства, по результатам которого гражданин может быть привлечён к административной ответственности за управление в состоянии опьянения механическим транспортным средством. И только в случае повторного управления в течение срока, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию, может наступить уголовная ответственность.

В тех же случаях, когда так называемый «мотоблок» при движении на нем по автомобильным дорогам определяется как самоходная машина или иное механическое транспортное средство, для управления которым необходимо специальное право, то на лицо, управляющее им, распространяются требования, предъявляемые к водителю транспортного средства.

Например, согласно Коллегии Евразийской экономической комиссии от 12 февраля 2019 года № 25 «О классификации мотоблока (мотокультиватора) в соответствии с единой Товарной номен-

клатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» мотоблок (мотокультиватор) классифицируется как трактор одноосный.

В соответствии с п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» под транспортными средствами в главе 12 КоАП РФ понимаются в том числе трактора, самоходные дорожно-строительные и иные самоходные машины.

Что касается понятия «повторности» нарушений Правил дорожного движения, то ст. 264¹ УК РФ устанавливает ответственность именно за управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость, т.е. предусматривается ответственность за управление любым транспортным средством, необязательно тем же самым или аналогичным.

Эта уголовно-правовая норма относится к числу так называемых «преступлений с административной преюдицией», т.е. конструкция состава преступления подразумевает, что деяние признаётся преступным, если до момента его совершения лицо установленное количество раз в течение определённого законом времени ранее привлекалось к административной ответственности за совершение тождественного деяния¹²¹.

Ответственность по ст. 264.1 УК РФ наступает при условии, если на момент управления транспортным средством в состоянии опьянения водитель является лицом, подвергнутым административ-

¹²¹ О преступлениях с административной преюдицией и дискуссии о необходимости их закрепления в УК РФ см.: *Пудовочкин Ю.Е.* Проблемы квалификации преступлений с административной преюдицией (судебная практика). М. : Юрлитинформ, 2022. 205 с.; *Степанов П.П.* Сто кошек все еще не стали тигром: к вопросу об административной преюдиции в современном уголовном праве России // Вестник Московского Университета. Сер. 11. Право. 2022. № 6. С. 42-57 и др.

ному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения, либо имеет судимость за совершение в состоянии опьянения преступления, предусмотренного чч. 2, 4 или 6 ст. 264 или ст. 264.1 УК РФ.

При этом лицо, привлекаемое к ответственности, может отвечать как одному из указанных условий, так и их совокупности.

Вместе с тем, на наш взгляд, определенный законодательный пробел в установлении границ понятия «транспортное средство» на сегодняшний день имеет место быть и может быть устранён путём соответствующей корректировки нормативно-правовой базы либо путём дачи общего разъяснения на уровне Пленума Верховного Суда РФ в целях формирования единообразной уголовной политики и правоприменительной практики. Применительно к электросамокатам на сегодняшний день имеется соответствующая практика Верховного Суда РФ по конкретному делу, где высказана аналогичная правовая позиция, о возможности признания электросамоката транспортным средством в зависимости от технических характеристик¹²².

Библиографический список

1. Пудовочкин Ю.Е. Проблемы квалификации преступлений с административной преюдицией (судебная практика). – М. : Юрлитинформ, 2022. – 205 с.

2. Степанов П.П. Сто кошек все еще не стали тигром: к вопросу об административной преюдиции в современном уголовном праве России // Вестник Московского Университета. Сер. 11. Право. – 2022. – № 6. – С. 42–57.

¹²² См. ВС РФ: «Вопрос о признании электросамоката транспортным средством зависит от его технических характеристик». URL: <https://www.garant.ru/news/1540667/> (дата обращения: 01.02.2024).

Гордей (Жданова) Яна Владимировна,

к.ю.н., доцент кафедры уголовного права и процесса

ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва

ГУМАНИЗАЦИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ДОМАШНЕГО АРЕСТА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ ПРИВЕДЕТ К ПОДМЕНЕ ИЛИ УТРАТЕ ЕГО НАЗНАЧЕНИЯ

Существование института процессуального принуждения при производстве по уголовным делам обуславливается объективной необходимостью и неизбежностью его применения в рамках уголовного дела и предполагает не только ограничение прав и свобод уголовно-преследуемого лица, но и лишение его права на свободу передвижения на определенный установленный уголовно-процессуальным законом срок. Такие уголовно-процессуальные мероприятия носят обязательный и неизбежный характер и обуславливаются целью уголовного производства.

В системе мер процессуального принуждения, предусмотренных Разделом IV УПК РФ¹²³, важное место занимают меры пресечения, закреплённые в гл. 13 УПК РФ. Применение мер пресечения органами по предварительному расследованию судом к обвиняемому/подозреваемому реализует достижение цели их избрания по предупреждению, предотвращению противодействия, ограничению свобод, лишению прав преследуемого лица через его полную или частичную изоляцию от общества в формате контроля над его поведением, в том числе о запрете совершать определённые действия.

¹²³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.12.2023) // СЗ РФ, 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 15.02.2024).

Для эффективного и беспрепятственного производства по уголовным делам целесообразно и законно – допустимо – в отношении подозреваемых, обвиняемых лиц применение альтернативной и строгой меры пресечения – домашний арест.

Современные тенденции порядка применения домашнего ареста определяются либерализацией и гуманизацией уголовного и уголовно-процессуального законодательства и практики их применения с учётом требований международных стандартов. Так, введение и применение домашнего ареста в уголовном процессе РФ было необходимым в целях реализации международных стандартов в сфере защиты прав и интересов обвиняемых по уголовным делам при решении вопросов об изоляции обвиняемых от общества. Массовые обращения обвиняемых и их защитников в Международный суд по правам человека о незаконности и необоснованности избрания заключения под стражу обосновало появление домашнего ареста в современной теории и практике уголовного процесса РФ (жалоба в ЕСПЧ от 10.01.2012 «Ананьев и другие против России»)¹²⁴.

В Уголовно-процессуальном кодексе РФ домашний арест является санкционированной мерой пресечения, т.е. мерой пресечения, избираемой только по судебному решению с учётом особенностей, предусмотренных ст. 107 УПК РФ. Практика применения вышеуказанных законодательных положений о применении домашнего ареста регулируется постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2013 № 41¹²⁵.

Следует отметить, что ретроспективный взгляд на эволюцию введения в процессуальную деятельность по уголовным делам домаш-

¹²⁴ Постановление Европейского Суда по правам человека от 10 января 2012 г. Дело «Ананьев и другие против России» [Ananyev and Others v. Russia] (жалобы № 42525/07 и 60800/08) (I Секция). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70114844/> (дата обращения: 15.02.2024).

¹²⁵ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/ (дата обращения: 15.02.2024).

него ареста позволяет проследить не только становление, развитие и действенность его правоприменения, а также позволяет сформировать правовое и научное мнение о порядке и целесообразности его избрания в рамках законности, актуальности и реальной современной необходимости его применения в уголовном судопроизводстве РФ.

Институт домашнего ареста прошёл свой исторический путь становления и развития¹²⁶. Первым правовым актом, закрепляющим домашний арест, в российском праве выступил Свод законов 1832 г., в котором данная мера пресечения заключалась в том, что арестованный должен был находиться дома вместе с полицейским или жандармом. Уголовно-процессуальный закон РСФСР от 1922 г. предусматривал домашний арест как заключение на дому под стражей и без таковой. Действительно, в УПК РСФСР 1960 г. домашнего ареста как меры пресечения не было, и только в принятом в 2001 г. УПК РФ была введена норма о домашнем аресте в целях реализации государственной концепции по гуманизации отношений в сфере уголовного процесса РФ.

Глава государства РФ В.В. Путин в своём очередном ежегодном послании к Федеральному Собранию ещё в 2015 г. выразил своё мнение по этому поводу и тем самым определил современные тенденции внесения изменений и дополнений в соответствующие статьи УПК РФ, регулирующие порядок избрания и её применения по сей день. Смысл современной тенденции применения мер пресечения сводится к тому, что в ходе расследования и судебного разбирательства по уголовным делам в сфере экономики следует изолировать обвиняемых, заключая их под стражу, в случае крайней необходимости. Целесообразным считать применение залога, подписки о невыезде и домашнего ареста¹²⁷.

¹²⁶ *Шевчук В.Б.* Реформирование судебной системы России во второй половине XIX – начале XX в. (историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 57; *Овчинников Ю.Г.* Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе : науч.-метод. пособие. М., 2006. С. 27–28.

¹²⁷ Послание Президента к Федеральному Собранию от 03.12.2015. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.02.2024).

Весной 2023 г. Совет по правам человека при Президенте РФ и Верховный Суд РФ в лице его председателя В. Лебедева обсудили с Президентом РФ В.В. Путиным положения – предложения по гуманизации применения меры пресечения – заключения под стражу, что однозначно, повлияет на актуальность применения домашнего ареста, как альтернатива заключению под стражу.

Во исполнение п. 17 перечня поручений Президента РФ от 12 января 2023 г. № Пр-19 на гуманизацию законодательства РФ, в обсуждаемом законопроекте от Верховного Суда РФ предлагается применять заключение под стражу в отношении лиц, совершивших насильственные преступления средней тяжести, а также не применять за совершение преступлений небольшой и средней тяжести женщиной, имеющей малолетнего ребенка, и в отношении несовершеннолетних лиц, за исключением совершения ими преступлений насильственного характера. Кроме этого, применение заключения под стражу не применимо и в отношении лица, если оно страдает тяжёлым заболеванием, которое подтверждено медицинским заключением¹²⁸.

Изучение судебной практики назначения домашнего ареста при производстве по уголовным делам на современном этапе развития России позволяет отметить всё же умеренную практику её применения и привести следующие данные.

Согласно официальным данным Судебного Департамента при Верховном Суде РФ домашний арест стали применять только в 2012 г. Так, например, за 2017 г. было избрано порядка 13 100 мер пресечения в виде домашнего ареста. По состоянию на 2018 г. было подано ходатайств на избрание домашнего ареста в количестве 7 170, из них было отклонено 742, таким образом, 88,3 % ходатайств подлежало удовлетворению. Однако избрание заключения

¹²⁸ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, направленных на ограничение применения меры пресечения в виде заключения под стражу к подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений ненасильственного характера, женщинам, имеющим малолетних детей, и лицам, страдающим тяжёлыми заболеваниями : законопроект № 381316-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/381316-8> (дата обращения: 15.02.2024).

под стражу в этом году составило 11 425, доля удовлетворенных ходатайств составила 89,4 %, что позволяет констатировать о не конкуренции этой меры пресечения по отношению к заключению под стражу. На очередном ежегодном совещании судей всей страны (11–12 февраля 2020 г.) посредством видео-конференц-связи были подведены итоги деятельности судов за 2019 г., по которым избрание домашнего ареста остаётся стабильным и составило 13 000. За 2022 г. судами был избран домашний арест только в 7 789 случаев, когда как заключение под стражу – в 87 687 случаях. В 2023 г. в СИЗО было заключено почти 62 тысячи лиц, что на 6 % меньше, чем за аналогичный период 2022 г. Численность лиц, в отношении которых судом применена мера пресечения в виде домашнего ареста, возросла на 14 %¹²⁹.

Домашний арест применялся и применяется редко прежде всего из-за невозможности его исполнения по материально-организационным причинам, а также по причине недолжного концептуального правового регулирования и отсутствия единого понимания порядка применения домашнего ареста в уголовно-процессуальной практике органов предварительного расследования и суда в РФ.

По результатам проведённого автором глубокого исследования за рамками настоящей статьи сделаны следующие выводы – положения:

1. В науке уголовного процесса активно обсуждается вопрос по разработке очень сомнительного программного обеспечения домашнего ареста «Зелёный коридор», согласно которому подозреваемому/обвиняемому, находящемуся под домашним арестом, позволено передвижение в определённые временные промежутки в определённые места (продуктовый магазин, прогулка, место работы или учёбы, больница, аптека и т.д.) и по определённым маршрутам, которые персонально и индивидуально будут проложены для доступа в такие места.

¹²⁹ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/?id=37> (дата обращения: 10.02.2024).

Мониторинг в виде исследования положений главы 13 УПК РФ, изучения прокурорского надзора за порядком исполнения домашнего ареста уголовно-исполнительными органами, а также изучения основной, апелляционной и кассационной судебной практики по применению домашнего ареста позволяет констатировать¹³⁰, что не следует подменять меры пресечения и строго следовать цели введения каждой из мер пресечения.

Судебная практика РФ в этом вопросе очень неоднозначна и противоречива, отсутствует единообразный подход к пониманию природы домашнего ареста как меры пресечения.

Домашний арест является строгой мерой пресечения, стоящей по степени принудительной силы и строгости перед заключением под стражу, но при этом является гуманной мерой пресечения по сравнению с заключением под стражу, где имеет место полная изоляция от общества и нахождение в специальном государственном учреждении (СИЗО) без жизненных удовольствий.

Таким образом, домашний арест относится к щадяще-изоляционной и при этом менее строгой мере пресечения, тем самым изолируя уголовно преследуемого лица от обычной для него среды (которая находится за пределами его жилья, лечебного места) на определённый судом срок, который ещё и засчитывается в срок содержания под стражей, что в последующем засчитывается в срок отбывания наказания по приговору с лишением свободы.

Применение программы «зелёного коридора» возможно и допустимо при такой мере пресечения, как запрет определённых действий.

¹³⁰ Напр., см. апелляционные постановления: Амурского областного суда от 27 августа 2020 г. № 22-К1600/2020 по делу № 3/12-148/20; Московского городского суда от 12 февраля 2019 г. по делу № 10-2361/2019; Верховного суда Республики Крым от 25 декабря 2019 г. № 22-К3778/2019 по делу № 3/12-191/19; Верховного суда Республики Адыгея от 19 декабря 2019 г. № 22К-933/2019 по делу № 3/3-23/19; Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики от 27 августа 2020 г. № 22К-690/2020 по делу № 3/14-60/20; Ставропольского краевого суда от 25 декабря 2019 г. № 22К-6846/2019 по делу № 3/1-142/19; Ивановского областного суда от 24 декабря 2019 г. № 22К-2521/2019 по делу № 3/4-30/19. URL: URL://<https://sudact.ru/>

Действительно, положения ст. 105.1 УПК РФ, закрепляющие порядок избрания меры пресечения в виде запрета определенных действий, и предусматривают частичную изоляцию подозреваемого (обвиняемого) от общества с возложением ряда ограничений.

В связи с этим в рамках социальной справедливости и правовой природы меры пресечения в виде домашнего ареста, он должен заключаться в полной изоляции лица от общества, в противном случае разграничить положения ст. 105.1 УПК РФ и ст. 107 УПК РФ будет невозможно.

Автор статьи предлагает изложить часть 1 статьи 107 УПК РФ в следующей редакции:

«1. Домашний арест в качестве меры пресечения избирается по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения и заключается в полной изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, с возложением запретов и осуществлением за ним контроля. С учётом состояния здоровья обвиняемого и подозреваемого местом его содержания под домашним арестом может быть определено лечебное учреждение. Требование пребывания в полной изоляции от общества не действует на время, в течение которого возникает необходимость госпитализации по состоянию здоровья или необходимости задержания или заключения под стражу по другому уголовному делу».

Библиографический список

1. Овчинников Ю.Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе : науч.-метод. пособие. – М., 2006. – С. 27–28.
2. Шевчук В.Б. Реформирование судебной системы России во второй половине XIX – начале XX в. (историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2004. – С. 57.

Золотухина Елена Анатольевна,

мировой судья, соискатель кафедры уголовного процесса

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,

г. Краснодар

РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ЧАСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ

Имущественные интересы в правовой сфере весьма разнообразны, равно как средства их защиты. Законодатель озабочен созданием устойчивой правовой основы для обеспечения стабильности имущественных отношений в государстве. Поэтому существуют многочисленные законодательные и иные правовые акты, направленные на регулирование имущественных отношений, защиту интересов имущественного характера физических и юридических лиц, органов государственной власти, муниципальных органов, общественных организаций, иных субъектов.

Объектом регулирования уголовно-процессуального права выступают общественные отношения, непосредственно не связанные с защитой имущественных интересов. Его предназначение – решение принципиально иных вопросов, основным из которых выступает установление виновности или констатация невиновности лица в совершении преступления. Однако и уголовное судопроизводство не является полностью свободным от разрешения вопросов, имеющих имущественный характер, играя важную роль в защите имущественных интересов широкого круга их обладателей.

Нам представляется важным обеспечить информационную базу для расширения научных представлений о векторе развития уголовно-процессуального законодательства в части обеспечения имущественных интересов. Поэтому представим обзор основных изменений в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве, затрагивающих имущественные интересы, и сформируем собственное видение тенденций его развития в указанном направлении.

В первоначальной редакции УПК РФ 2001 года был предусмотрен достаточно традиционный комплекс правовых положений, в значительной части воспроизводивший правила, существовавшие в УПК РСФСР 1960 г. Так, в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ характер и размер ущерба, причинённого преступлением, подлежит доказыванию в обязательном порядке по каждому уголовному делу, а в ст. 106 УПК РФ указана мера пресечения в виде залога, которая имеет имущественный характер. В ст. 115 УПК РФ определяется порядок применения наложения ареста на имущество в качестве меры процессуального принуждения, ограничивающего право пользования и распоряжения имуществом. В ст. 131 УПК РФ установлены правила определения и порядок взыскания процессуальных издержек (10 позиций). Согласно ч. 6 ст. 182 УПК РФ при производстве обыска следователь должен избегать повреждения имущества, не вызываемого необходимостью.

Предусмотрены и иные положения, затрагивающие имущественные интересы участников уголовного судопроизводства. Например, в соответствии со ст. 42 и 44 УПК РФ для возмещения имущественного ущерба, причинённого преступлением, заинтересованные лица вправе заявить гражданский иск, а согласно ст. 131, 132 УПК РФ предусмотрено возмещение расходов, понесённых в связи с участием в уголовном судопроизводстве.

Из числа дополнений УПК РФ, уточняющих правовое регулирование имущественных отношений, отметим следующие:

– пункт 3.1 ч. 2 ст. 29 УПК РФ, введённый законодателем 1 июля 2010 г.¹³¹, установил исключительную компетенцию суда по принятию решения о возмещении имущественного вреда. Этот пункт интересен тем, что расположен в части 2, которая определяет компетенцию суда в *досудебном производстве*. Соответственно, считаем закономерным вывод о возможности принятия судом решения о возмещении имущественного вреда не только в ходе

¹³¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 1 июля 2010 г. № 144-ФЗ // СЗ РФ. 2010. № 27, ст. 3428.

судебного производства, но также и на этапах досудебного производства. В развитие положений этого пункта статьей 29 УПК РФ были внесены изменения также в ст. 137 УПК РФ о порядке обжалования решений о производстве выплат и возврате имущества;

– пункт 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ¹³² предусматривает имущество как самостоятельный объект уголовно-процессуального доказывания;

– 29 июня 2015 г.¹³³ законодатель уделил повышенное внимание совершенствованию правового регулирования имущественных отношений в уголовном судопроизводстве, когда были введены новые, а также существенно скорректированы действовавшие ранее положения, касающиеся сразу нескольких аспектов этих отношений. Прежде всего, ст. 5 УПК РФ дополнена пунктом 13.1, где содержится теперь определение имущества, к которому отнесены не только конкретные объекты, обладающие какой-либо ценностью, но и имущественные права, включая права требования и исключительные права. Этим же федеральным законом в УПК РФ внесена ч. 3.2 ст. 6.1, регламентирующая разумный срок наложения ареста на имущество; произошло законодательное усиление требований к принятию судебного решения о наложении ареста на имущество, выразившееся в дополнении ч. 3 ст. 115 УПК РФ правилом об установлении судом конкретных, фактических обстоятельств, на основании которых он принял такое решение. Существенно скорректирована ч. 9 ст. 115 УПК РФ, предусматривающая в новой редакции правила ареста безналичных денежных средств, принадлежащих лицам, не вовлеченным в уголовное судопроизводство. Введена ст. 115.1 УПК РФ, устанавливающая порядок определения срока

¹³² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ (ред. от 21 декабря 2021 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2023 г.) // СЗ РФ. 2006. № 31 (часть 1), ст. 3452.

¹³³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 190-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 27, ст. 3981.

ареста на имущество, а ч. 1 ст. 209 УПК РФ дополнена указанием на право лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства, на имущество которых наложен арест о приостановлении производства по уголовному делу;

– 3 июля 2016 г. предусмотрено ч. 1 ст. 81.1 УПК РФ¹³⁴, в соответствии с которой имущество становится признаком преступления, определяющим категорию уголовных дел, по которым предприниматели приобретают особый процессуальный статус;

– 27 декабря 2018 г. в ст. 160.1 УПК РФ впервые законодателем оформлено требование о соразмерности (сопоставимости) ценности имущества¹³⁵, на которое обращаются ограничительные меры;

– 7 октября 2022 г. правило об ограничении срока поворота к худшему распространено на решения о возмещении реабилитированному имущественного вреда¹³⁶;

– часть 2 ст. 99 УПК РФ, появившаяся в отечественном уголовно-процессуальном законе 13 июня 2023 г.¹³⁷, определила необходимость учитывать при избрании меры пресечения такое обстоятельство, как продолжение предпринимательской деятельности и (или) управление принадлежащим подозреваемому, обвиняемому имуществом, либо деятельности по осуществлению полномочий

¹³⁴ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 27 (часть II), ст. 4256; О внесении изменений в статьи 81.1 и 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 24 марта 2021 г. № 57-ФЗ // СЗ РФ. 2021 № 13 (часть I), ст. 2143.

¹³⁵ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 530-ФЗ // СЗ РФ. 2018. № 53 (часть I), ст. 8456.

¹³⁶ О внесении изменений в статью 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 7 октября 2022 г. № 384-ФЗ // СЗ РФ. 2022. № 41, ст. 6946.

¹³⁷ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 2023 г. № 217-ФЗ // СЗ РФ. 2023. № 25, ст. 4406.

по управлению организацией, либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности, и обеспечивающая стабилизацию экономической деятельности в случае вовлечения гражданина в производство по уголовному делу. Этим же законом внесены изменения в порядок разрешения судом гражданского иска. Теперь суд, признавая за гражданским истцом право на удовлетворение гражданского иска и передавая вопрос о размере возмещения для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства, прекращает арест, наложенный для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска на имущество лица, не являющегося подсудимым или лицом, несущим по закону материальную ответственность за действия подсудимого;

– 10 июля 2023 г. введена новая ст. 313.1 в УПК РФ, устанавливающая основания и порядок применения мер по обеспечению сохранности имущества на время отбывания осуждённым назначенного ему наказания¹³⁸.

Перечисленные нововведения в уголовно-процессуальном законе позволяют выявить общую тенденцию его совершенствования в части регулирования защиты имущественных интересов. На наш взгляд, эта тенденция выражается в двух аспектах:

- 1) расширение сферы правовых отношений имущественного характера, регулируемых уголовно-процессуальными нормами;
- 2) увеличение объёма компетенции и полномочий суда по обеспечению имущественных интересов.

Научный и практический интерес представляют отдельные детали проявления этих тенденций. Так, в уголовном судопроизводстве защищаются имущественные интересы, причём не только принадлежащие его официальным участникам, но и физическим либо юридическим лицам, не имеющим процессуального статуса, не отвечающим по гражданским обязательствам, возникающим вследствие преступных действий подозреваемого, обвиняемого и подсудимого.

¹³⁸ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 10 июля 2023 г. № 320-ФЗ // СЗ РФ. 2023. № 29, ст. 5338.

Исключительная компетенция суда по принятию решения о возмещении имущественного вреда представляет собой достаточно важный, но также весьма дискуссионный элемент средств уголовно-процессуальной защиты имущественных интересов в уголовном судопроизводстве.

Усиление требований к совокупности обстоятельств, подлежащих установлению судом при принятии решения по ходатайству следователя о наложении ареста на имущество в части сопоставимости (соразмерности) стоимости имущества и цены возможных исковых требований или суммы возмещения ущерба, а также решения о возмещении имущественного ущерба судом, ставит новые задачи. Их решение требует более тщательного изучения представляемых органами досудебного производства материалов, их исследования в судебном заседании. При этом отметим отсутствие достаточных процессуальных средств для эффективного решения этой задачи, а равно и то, что нарушение правила соразмерности достаточно часто имеет место в судебной практике¹³⁹.

Не менее существенными видятся правила наложения ареста на имущество, указанные в ч. 2 ст. 99 УПК РФ, которые не выполняются в отдельных решениях суда¹⁴⁰.

Несмотря на возникновение новых аспектов в сфере уголовно-процессуального регулирования имущественных отношений и проявление нетипичных проблем в практической судебной деятельности, научные исследования проводятся по достаточно традиционной

¹³⁹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 4 июня 2019 г. № 41-КГ19-13. Суд отменил апелляционное определение и направил дело о возмещении имущественного вреда, причиненного преступлением, на новое апелляционное рассмотрение, поскольку размер ущерба определен судом в значительно (в 10 раз) меньшем размере, чем в приговорах по уголовным делам, при этом судебная экспертиза по гражданскому делу не проводилась несмотря на то, что в данном случае требуются специальные познания в области финансов, бухгалтерского учета и аудита. URL: <https://legalacts.ru/>

¹⁴⁰ Апелляционное постановление Тамбовского областного суда от 4 июня 2015 г. по делу № 22К-721/2015 // ИПО «Гарант».

проблематике, касающейся мер принуждения имущественного характера¹⁴¹, прав потерпевшего на заявление гражданского иска¹⁴², возмещение ущерба.

Наличие указанных, а также иных проблем требует проведения отдельного монографического исследования по вопросам полномочий суда в связи с возмещением имущественного ущерба.

В итоге сформулируем основные выводы.

1. Имущественные интересы граждан и юридических лиц являются важной составной частью их процессуального статуса и нуждаются в эффективной и полномасштабной защите от неправомерного воздействия, а в случае нарушения – в столь же действенных средствах их восстановления.

2. Развитие отечественного уголовно-процессуального законодательства демонстрирует поступательное и постоянное движение в направлении расширения сферы правового регулирования имущественных интересов: уточняется терминологический аппарат, вводятся новые требования к совокупности подлежащих установлению обстоятельств для принятия обеспечительных мер (наложение ареста на имущество) и о возмещении ущерба и многое другое.

3. Суд в уголовном процессе становится основным уполномоченным субъектом принимать решения по всем принципиально значимым вопросам, связанным с имущественными интересами, включая определение факта причинения имущественного ущерба, размера возмещения и др. Соответственно, суду должны быть предоставлены средства, которые позволят надлежащим образом выполнять свою функцию в указанном направлении.

¹⁴¹ *Тутынин И.Б.* Принципы процессуального принуждения имущественного характера в уголовном судопроизводстве // Вектор науки ТГУ. Сер. «Юридические науки». 2015. № 1 (20). С. 40–42. С. 41.

¹⁴² *Сабирзянова А.А.* Практические проблемы наложения ареста на имущество в рамках уголовного судопроизводства // Евразийская адвокатура. 2020. № 6 (49). С. 59–63; *Михайлова Е.В.* Гражданский иск в уголовном процессе: вопросы теории и практики // Российский судья. 2021. № 12. С. 7–11.

Библиографический список

1. Тутынин И.Б. Принципы процессуального принуждения имущественного характера в уголовном судопроизводстве // Вектор науки ТГУ. Сер. «Юридические науки». – 2015. – № 1 (20). – С. 40–42.
2. Сабирзянова А.А. Практические проблемы наложения ареста на имущество в рамках уголовного судопроизводства // Евразийская адвокатура. – 2020. – № 6 (49). – С. 59–63.
3. Михайлова Е.В. Гражданский иск в уголовном процессе: вопросы теории и практики // Российский судья. – 2021. – № 12. – С. 7–11.

Ившин Владимир Георгиевич,

*к.ю.н., доцент, профессор кафедры уголовного права
и криминологии Удмуртского государственного университета,
Кондаков Алексей Сергеевич,
старший преподаватель кафедры уголовного права
и криминологии Удмуртского государственного университета,
г. Ижевск*

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИКИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОММЕРЧЕСКИЙ ПОДКУП

Действующее законодательство под коммерческим подкупом понимает незаконную передачу одним лицом другому денежных средств, любого другого имущества и т.д. Кроме того, составом коммерческого подкупа охватываются действия, выражающиеся в предоставлении другому лицу услуг материального плана за совершение конкретных действий либо за воздержание от совершения действий. При этом лицо, которому передаются материальные ценности либо оказываются услуги, должно осуществлять функции управления и руководства коммерческой организацией либо организацией иной правовой формы, а совершаемые действия должны быть исполнены в интересах лица, предоставляющего материальные ценности либо оказывающего услугу.

Понятие коррупционного преступления, в том числе коммерческого подкупа, содержится, помимо Уголовного кодекса РФ, в Федеральном законе «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ. Отдельные вопросы правоприменительной практики судов раскрываются в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»¹⁴³.

Рассматриваемое в настоящей статье преступление посягает на общественные отношения, возникающие в сфере предпринимательской деятельности. Лицо, виновное в совершении коммерческого подкупа, извлекает для себя либо для иных лиц выгоду, передавая лицу, обладающему полномочиями на совершение определённых действий либо бездействия в интересах виновного, денежное вознаграждение или материальные ценности.

Подобные деяния могут быть квалифицированы по соответствующей части ст. 204 УК РФ независимо от момента совершения действий в интересах лица, передавшего предмет коммерческого подкупа, и момента получения вознаграждения за это. Вместе с тем доктринально предлагается изменить название ст. 204 УК РФ, исключив из него понятие «подкуп». Указанная позиция не может быть в полной мере реализована на практике, поскольку более значимым является не само название статьи Особенной части УК РФ, а описание объективной стороны соответствующего преступного деяния.

В сложившейся ситуации законодателю будет целесообразным обратить внимание на конкретизацию дефиниций «коммерческая деятельность» и «экономическая деятельность», поскольку непривлечение к уголовной ответственности лица, принявшего предмет коммерческого подкупа и осуществляющего трудовые функции в некоммерческой организации, вряд ли будет соответствовать целям уголовного закона и улучшению криминогенной ситуации в обществе.

¹⁴³ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 // СПС «Консультант Плюс».

Переходя к конкретным проблемам привлечения к уголовной ответственности за коммерческий подкуп, необходимо установить круг лиц, подлежащих уголовной ответственности, и по иному критерию. Так, субъектом преступления, предусмотренного ст. 204 УК РФ, может быть лицо, выполняющее функции управления и распоряжения в коммерческой или иной организации (управленческие функции). К ним относятся лица, которые по своим функциональным обязанностям выполняют роль единоличного исполнительного органа указанной организации, члена попечительского совета или совета директоров, иного коллегиального либо же единоличного органа управления организацией.

При этом в целом к организационно-распорядительным функциям можно отнести: общее руководство деятельностью организации, отдельными подразделениями или отделами, участками, а также и отдельными сотрудниками данной организации; ведение кадровой работы и подбор персонала; организацию трудового процесса; контроль производственных и технологических процедур; привлечение работников к ответственности; контроль рабочего режима, труда и отдыха, и т.д.¹⁴⁴

Уголовный кодекс РФ предусматривает возможность привлечения к уголовной ответственности за несколько взаимосвязанных деяний. Так, ст. 204 УК РФ к уголовно-наказуемым действиям относит как незаконную передачу лицу, исполняющему функции контроля и управления в коммерческой организации либо организации иной формы, любого вознаграждения материального и имущественного характера за совершение действий либо бездействия в интересах лица, передающего деньги либо иные материальные объекты, так и за получение лицом подобного поощрения (ч. 5 ст. 204 УК РФ).

Предметом коммерческого подкупа могут служить любые законные средства платежей в валюте любого государства, ценные бумаги, акции, облигации и т.д. Кроме того, к предмету названного

¹⁴⁴ *Гаврилов С.Т., Буданов С.А., Покаместова Е.Ю.* История становления норм, предусматривающих ответственность за деяния, совершаемые служащими коммерческих и иных организаций, в российском уголовном праве // *Территория науки*. 2013. № 1. С. 117.

преступления можно отнести любое другое имущество (товары промышленного производства, продукты питания, недвижимость), а равно и услуги материального характера (оплата отдыха, досуговых мероприятий, удовлетворение бытовых потребностей).

Объективная сторона коммерческого подкупа реализуется через такие действия, как незаконная передача лицу, выполняющему распорядительно-управленческую функцию в коммерческой или другой организации, материальных благ и денежных средств; предоставление данному лицу услуг материального характера, иных материальных благ и выгод, имущественных прав и возможностей.

Уголовный закон рассматривает коммерческий подкуп в качестве метода противоправного общественно-опасного вмешательства в деятельность коммерческих и иных организаций и их структурных подразделений, в процедуры управления имуществом таких организаций, в кадровые процессы. Общественную опасность представляет также внеправовое влияние на процедуру принятия управленческих решений сотрудниками коммерческих и иных организаций, предприятий, учреждений.

Состав изучаемого преступления по своей правовой природе является формальным. Преступление будет окончено в тот момент, когда лицо, осуществляющее управленческую деятельность в коммерческой либо иной организации, получит хоть даже часть предназначенного ему вознаграждения.

Так, действующее уголовное законодательство под посредничеством в коммерческом подкупе подразумевает оказание помощи в заключении противоправного соглашения о получении либо передаче материальных ценностей, денежных средств, любого иного предмета коммерческого подкупа по поручению того лица, который передает названный предмет сотруднику, осуществляющему управленческие и распорядительные функции в коммерческой организации, либо прямую передачу предмета коммерческого подкупа заинтересованному лицу¹⁴⁵.

¹⁴⁵ Долгова А.И. Криминологические проблемы изучения видов преступности и взаимосвязей между ними // Преступность, ее виды и проблемы борьбы с ней. М., 2019. С. 98.

Статья 204.1 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за несколько самостоятельных составов преступлений, в том числе за непосредственное оказание содействия в передаче предмета коммерческого подкупа, за любую другую помощь заинтересованным лицам в достижении договоренностей по передаче предмета коммерческого подкупа, а также за обещание или предложение помощи посредника в коммерческом подкупе.

В теории уголовного права имеется два противоположно диаметральных взгляда на квалификацию содеянного в том случае, если стоимость переданного или полученного предмета коммерческого подкупа не достигает размера, установленного в ч. 1 ст. 204.2 УК РФ (в настоящее время это 10 тыс. руб.). Доктринально утверждается, что в случае если стоимость переданного или полученного предмета коммерческого подкупа не превысила 10 тыс. руб., то привлечение такого лица к уголовной ответственности невозможно исходя из принципа буквального толкования нормы статьи уголовного закона. Согласно иной точке зрения, привлечение к уголовной ответственности возможно с последующим прекращением уголовного преследования по нереабилитирующему основанию в связи с малозначительностью деяния.

Представляется возможным, что законодатель, разграничивая составы преступлений, предусмотренных ст. 204.1 и 204.2 УК РФ, принял решение усилить уголовную ответственность лица, совершившего коммерческий подкуп в более крупном размере, по сравнению с лицом, передавшим или принявшим предмет коммерческого подкупа стоимостью от 10 тыс. руб. В такой ситуации количественный показатель совершенного преступного деяния (стоимость предмета коммерческого подкупа) определяет характер и степень общественной опасности совершенного преступления и влияет на размер потенциального наказания за содеянное.

В определённых случаях подобное разграничение составов преступления может порождать правоприменительные проблемы в деятельности правоохранительных органов.

Так, при решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности за коммерческий подкуп группы лиц следует иметь в виду, что посредник, помимо непосредственных действий в виде помощи при передаче и принятии предмета подкупа, может исполнять и иные роли, например подстрекательство к совершению данного преступления. В этом случае содеянное лицом следует квалифицировать как совокупность преступлений, предусмотренных ст. 204, 204.1, 204.2 УК РФ со ссылкой на соответствующие части ст. 33 УК РФ¹⁴⁶.

Определённые правоприменительные проблемы в части квалификации содеянного возникают в ситуации так называемого мнимого пособничества. В этом случае лицо, осуществляя принятие либо передачу предмета коммерческого подкупа лицу, исполняющему управленческие функции в коммерческой либо иной организации, заранее достоверно знает о том, что указанное лицо не обладает полномочиями по совершению действий в интересах лица, осуществляющего передачу предмета коммерческого подкупа, следовательно, содеянное первым лицом подлежит квалификации как мошенничество в соответствии с надлежащей нормой Особенной части УК РФ. Напротив, в случае когда пособник в коммерческом подкупе не был поставлен в известность относительно имеющихся у лица, принимающего предмет коммерческого подкупа, намерений не совершать каких-либо действий в интересах лица, передающего предмет коммерческого подкупа, то действия данного лица должны быть квалифицированы либо как оконченный коммерческий подкуп (если фактическая передача предмета в действительности состоялась), либо как покушение на коммерческий подкуп.

Коммерческий подкуп по своим уголовно-правовым признакам имеет сходство с такими составами преступлений, как дача и получение взятки. Вместе с этим разграничение составов этих преступлений необходимо производить по объектам преступного

¹⁴⁶ *Завьялова И.С.* К вопросу о законности и способах ее обеспечения в государственно-управленческой деятельности России (на примере ФСИН России) // Территория науки. 2013. № 5. С. 120.

посягательства. Так, объектом коррупционного должностного преступления являются общественные отношения, которые обеспечиваются установленным законным порядком функционирования органов государственной власти и управления, органов местного самоуправления и их должностных лиц, муниципальных и государственных предприятий, учреждений и организаций. Объектом коммерческого подкупа являются общественные отношения, возникающие в сфере установленного порядка функционирования коммерческих организаций и иных юридических лиц прочих организационно-правовых форм, кроме государственных и муниципальных. Нахождение рассмотренных статей УК РФ в различных главах нормативно-правового акта также указывает на их дифференциацию по объекту преступного посягательства¹⁴⁷.

Уголовный кодекс РФ единственным образом характеризует коммерческий подкуп, как через объективную сторону преступления в виде деяния, а именно путём совершения активного действия по передаче предмета подкупа¹⁴⁸.

Практический интерес представляет собой возможность передачи предмета коммерческого подкупа без ведома лица, осуществляющего функции управления в коммерческих либо иных организациях. Это может произойти посредством зачисления безналичных денежных средств на расчётный счёт потерпевшего, также подбрасывания денежных средств или предметов в одежду или транспортное средство такого лица. С учётом сложившейся судебной практики, коммерческий подкуп считается оконченным в момент фактической передачи материальных ценностей либо оказания услуг материального характера лицу, исполняющему функции управления в коммерческих либо иных организациях, или же вопреки возражениям данного лица принять передаваемые ценности или оказанные услуги.

¹⁴⁷ *Кривенда Е.А.* Проблема коррупции в современной России // Территория науки. 2015. № 2. С. 189.

¹⁴⁸ Уголовное право. Общая и Особенная части : учебник для вузов / под ред. Н.Г. Кадникова. М. : Городец, 2017. С. 156.

Значимым в таких обстоятельствах является сравнительно-правовой анализ ст. 304 УК РФ и положений закона, регламентирующих ответственность за провокацию преступного действия. Положения ст. 304 УК РФ не предусматривают наличие провокации преступления в самом однозначном смысле этого понятия, поскольку речь идёт в рассматриваемой статье о вероятной фальсификации материалов уголовного дела и доказательств по нему. Для провокации преступного поведения необходимо получить согласие лица, исполняющего функции управления в коммерческих либо иных организациях, на получение и принятие предмета коммерческого подкупа с последующей целью сообщить о случившемся в правоохранительные органы с подробным описанием произошедшего. В том случае, если в качестве провокации рассматривается симуляция получения противозаконного вознаграждения, то при получении явного согласия сотрудника коммерческой либо иной организации на получение и принятие предмета коммерческого подкупа можно сделать предварительный вывод о виновности сотрудника коммерческой организации, он считается совершившим преступление, предусмотренное соответствующей статьей УК РФ.

Таким образом, на основании проведённого исследования уголовно-правовых и криминологических вопросов привлечения к ответственности за коммерческий подкуп, были выявлены проблемы правоприменительной практики, рассмотрена дифференциация составов изучаемого преступления и высказаны предложения по совершенствованию законодательства в целях корректировки практики применения ст. 204 УК РФ.

Библиографический список

1. Гаврилов С.Т., Буданов С.А., Покаместова Е.Ю. История становления норм, предусматривающих ответственность за деяния, совершаемые служащими коммерческих и иных организаций, в российском уголовном праве // Территория науки. – 2013. – № 1.
2. Долгова А.И. Криминологические проблемы изучения видов преступности и взаимосвязей между ними // Преступность, её виды и проблемы борьбы с ней. – М., 2019.

3. Завьялова И.С. К вопросу о законности и способах её обеспечения в государственно-управленческой деятельности России (на примере ФСИН России) // Территория науки. – 2013. – № 5.

4. Кривенда Е.А. Проблема коррупции в современной России // Территория науки. – 2015. – № 2.

5. Уголовное право. Общая и Особенная части : учебник для вузов / под ред. Н.Г. Кадникова. – М. : Городец, 2017.

Ишимов Павел Леонидович,

*к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности Удмуртского государственного университета,
г. Ижевск*

ИСТЕЧЕНИЕ СРОКОВ ДАВНОСТИ КАК ОСНОВАНИЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ: НОВЫЕ АСПЕКТЫ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ

В уголовно-процессуальном законодательстве РФ содержатся такие основания, которые позволяют при определённых в законе специальных условиях принять решение об отказе в возбуждении уголовного дела либо о прекращении уже возбуждённого уголовного дела.

В соответствии с ч. 1 ст. 24 УПК РФ одним из оснований прекращения уголовного дела является «истечение сроков давности уголовного преследования».

Условия, при которых возможно прекращение уголовного дела за истечением сроков давности уголовного преследования, изложены в положениях ст. 78 УК РФ.

К ним относится исчисление сроков по категориям совершённых преступлений: если со дня совершения преступления небольшой тяжести прошло два года; со дня совершения преступления средней тяжести прошло шесть лет; со дня совершения тяжкого преступления прошло десять лет; со дня совершения особо тяжкого преступления прошло пятнадцать лет.

Исчисление сроков давности начинается со дня совершения преступления и оканчивается вступлением приговора в законную силу.

До настоящего времени процессуальный порядок применения исследуемого в статье основания прекращения уголовного дела регламентировался нормами УПК РФ и постановлением Пленума ВС РФ № 19 от 27.06.2013 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности».

Так, прекращение уголовного дела за истечением сроков давности с соблюдением условий, предусмотренных ст. 78 УК РФ, автоматически влечет за собой прекращение уголовного преследования в отношении всех подозреваемых (обвиняемых), проходящих по данному уголовному делу.

Такое обстоятельство указывает на то, что государство в лице органов предварительного расследования и суда отказывается от полного уголовного преследования лиц, совершивших преступления, а также от их осуждения и наказания.

День совершения преступления, с которого должны исчисляться сроки давности, предполагает совершение именно действия либо бездействие вне зависимости от наступивших вредных последствий.

Днём окончания исчисления сроков давности считается не только вынесение вступившего в законную силу приговора по уголовному делу, но и любого другого итогового судебного решения.

Истечение сроков давности как основание прекращения уголовного дела не исключает само по себе в деянии лица признаков состава преступления. Поэтому данное основание прекращения уголовного дела отнесено к нереабилитирующему основанию.

Соответственно, применение данного основания прекращения конкретного уголовного дела было возможно только с согласия на то лица, которое совершило преступление, если от него поступало возражение на прекращение, то производство по уголовному делу продолжалось в обычном порядке.

Однако в настоящее время существующий процессуальный порядок прекращения уголовного дела по основанию – истечение

сроков давности уголовной ответственности – существенно претерпел изменения как в применении данного основания, так и в понимании его характера.

Этому послужило постановление Конституционного Суда РФ от 19.05.2022 № 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 части первой статьи 24 и части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.В. Новкунского», а в последующем и Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 13.06.2023 № 220-ФЗ.

Так, вышеуказанным ФЗ от 13.06.2023 № 220-ФЗ статья 27 УПК РФ была дополнена новой частью 2.2 следующего содержания: «Если производство по уголовному делу продолжено в обычном порядке в связи с наличием возражений подозреваемого или обвиняемого против прекращения уголовного преследования по основанию, указанному в пункте 3 части первой статьи 24 настоящего Кодекса, и уголовное дело не передано в суд или не прекращено по иному основанию в порядке, установленном настоящим Кодексом, уголовное преследование подлежит прекращению по основанию, предусмотренному пунктом 1 части первой настоящей статьи, по истечении двух месяцев производства предварительного расследования с момента истечения сроков давности уголовного преследования в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести, трех месяцев – в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести, 12 месяцев – в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления».

Таким образом, в случае не направления уголовного дела в суд, при возражении подозреваемого (обвиняемого) против его прекращения, окончанным предварительным расследованием, в зависимости от категории тяжести и по истечении определенного в законе времени, уголовное дело подлежит прекращению за непричастностью подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления, т.е. по реабилитирующему основанию прекращения уголовного дела.

Сроки такого прекращения исчисляются с момента истечения сроков исковой давности уголовного преследования вне зависимости от общего срока производства предварительного расследования по уголовному делу.

В связи с внесёнными в ст. 27 УПК РФ изменениями, на практике возник ряд неразрешённых вопросов.

Во-первых, должно ли влиять возражение подозреваемого или обвиняемого против прекращения уголовного дела по истечении сроков давности уголовного преследования на характер (реабилитирующий или нереабилитирующий) такого основания прекращения?

Во-вторых, как будет решаться вопрос, если уголовное дело направлено в суд для осуществления судебного разбирательства по нему? В результате рассмотрения уголовного дела судья принимает решение о возвращении уголовного дела прокурору для производства дополнительного расследования, по которому уже истекли сроки давности в суде, и обвиняемый представил в суде возражение на прекращение уголовного дела по данному основанию.

Отсюда возникает некоторая неопределённость в решении следующих вопросов. Будет ли применяться положение ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ по уголовному делу, направленному из суда, при возобновлении предварительного расследования по настоящему делу в отношении обвиняемого, ранее возражавшего на такое прекращение? Приобретёт ли такой обвиняемый право на реабилитацию? Нужно ли органам предварительного расследования при возобновлении производства предварительного следствия или дознания по уголовному делу вновь выяснять у обвиняемого согласие на прекращение уголовного дела за истечением сроков давности уголовного преследования?

Из проведённого структурного анализа положения, предусмотренного ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ, полагаю, что истечение сроков давности уголовного преследования на стадии предварительного расследования должно применяться как к уголовным делам, ещё не направленным в суд для производства судебного разбирательства, так и к уголовным делам, возвращённым из суда для производства дополнительного расследования.

Кроме того, с учётом позиции Конституционного суда РФ о том, что: «Прекращение уголовного дела по нереабилитирующему основанию возможно лишь в том случае, если будут обеспечены гарантируемые Конституцией Российской Федерации права участников уголовного судопроизводства, что предполагает, в частности, необходимость получения согласия подозреваемого (обвиняемого) на прекращение уголовного дела: в силу принципа состязательности, на основе которого осуществляется уголовное судопроизводство (статья 123, часть 3 Конституции Российской Федерации), предполагается, что стороны самостоятельно и по собственному усмотрению определяют свою позицию по делу, в том числе в связи с вопросом об уголовной ответственности, следовательно, нет оснований считать нарушенными права и законные интересы подозреваемого (обвиняемого) решением о прекращении уголовного дела (при условии его достаточной обоснованности), если он не возражает против прекращения уголовного преследования по данному основанию.

Соглашаясь с таким нереабилитирующим основанием прекращения уголовного дела (уголовного преследования), как истечение срока давности, лицо осознанно принимает возможные связанные с этим неблагоприятные последствия, например, запрет поступления на отдельные виды государственной службы, формирование дополнительной доказательственной базы для взыскания с него ущерба в гражданско-правовом порядке, наличие, при соблюдении условий, предусмотренных законодательством (с учётом постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 7 марта 2017 г. № 5-П), оснований для прекращения права собственности на законно принадлежащее ему имущество, признанное вещественным доказательством в качестве орудия преступления или иного средства его совершения, а также возможное восприятие в обществе такого лица как, вероятно, причастного к совершению преступления».

С учётом вышеизложенного полагаю, что по каждому уголовному делу, направленному из суда для производства дополнительного расследования, с истёкшим сроком давности, вне зависимости от ранее высказанного обвиняемым отношения к прекращению

уголовного дела по основанию – истечение сроков давности уголовного преследования, должностные лица, производящие возобновлённое предварительное расследование, обязаны вновь выяснить согласие обвиняемого на прекращение уголовного дела по данному основанию.

Свое согласие или возражение на прекращение уголовного дела обвиняемый должен изложить в письменной форме в виде заявления или ходатайства, приобщённого к материалам уголовного дела.

В связи с решением вопросов, касающихся применения нормы, закреплённой в ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ, к уголовным делам, возвращённым по решению суда прокурору для устранения нарушений и производства предварительного расследования по нему, может возникнуть ряд разногласий. С одной стороны, можно утверждать, что по возвращённому уголовному делу уже ранее велось предварительное расследование, а вышеуказанная норма применяется лишь к уголовным делам, по которым впервые производится предварительное следствие или дознание.

Однако, полагаю, что с учётом гуманности уголовно-процессуального права по отношению к обвиняемым, положение, закреплённое в ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ, должно распространяться и на случаи возвращения уголовного дела из суда в связи с производством дополнительного расследования по нему. Так как, во-первых, в указанной норме не содержится прямых указаний на то, в отношении какого уголовного дела в случае истечения сроков давности уголовного преследования оно может быть прекращено по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, т.е. по реабилитирующему основанию. Во-вторых, по такому уголовному делу сроки давности могут истечь как на судебных стадиях производства по нему, так и на стадии предварительного расследования после его возвращения из суда и возобновления следствия или дознания по нему.

Коротаева Наталья Геннадьевна,
*обучающаяся магистратуры по направлению: «Уголовный процесс, криминалистика и теория ОРД» ФГБОУ ВО «УдГУ»,
юрист Управления культуры, спорта и молодёжной политики
Администрации МО «Город Можга», г. Можга
Научный руководитель: Епихин Александр Юрьевич,
д.ю.н., профессор ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет», г. Казань*

ЛИЧНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ОБВИНЯЕМОГО

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации отдельной главой установлен порядок производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних¹⁴⁹. В части 1 статьи 421 действующего УПК РФ закреплены дополнительные обстоятельства, подлежащие доказыванию при рассмотрении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего, среди которых – условия жизни и воспитания несовершеннолетнего и влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц¹⁵⁰.

Проблема преступности несовершеннолетних и посягательств на них на протяжении ряда десятилетий является в нашей стране одной из самых серьёзных в силу её комплексности, масштабности и характера негативных социальных и криминологических последствий.

Стоит отметить, что преступность несовершеннолетних возникла одновременно с преступностью взрослых, а наказание несовершеннолетних в дореволюционное время было наравне со взрослыми: смертная казнь, применение пыток, битьё кнутом и т.д.

¹⁴⁹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.12.2023), глава 50 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.12.2023).

¹⁵⁰ Статья 421 УПК РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.12.2023).

Поводом к введению в законодательство уголовной ответственности несовершеннолетних стало дело об убийстве двух детей, совершенное четырнадцатилетней крестьянкой Прасковьей Федоровой¹⁵¹.

Действующее тогда Уложение 1649 г. не содержало точного указания с какого возраста по тяжким преступлениям возможно применение пыток и наказания в виде смертной казни. 23 августа 1742 года Сенатом был издан Указ, который в дальнейшем был одобрен и подписан Его Императорским Величеством, где впервые нормативно было закреплено положение, согласно которому малолетними обоих полов надлежит считать детей от рождения и до достижения ими семнадцатилетнего возраста¹⁵². Указ не отменил наказание для несовершеннолетних преступников, а заменил – на более щадящее.

Главным источником российского уголовного законодательства в отношении несовершеннолетних стало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (1845–1903 гг.). Именно в нём впервые в истории российского законодательства разрешались вопросы ответственности несовершеннолетних. Так, лица, не достигшие 17 лет, были разделены на три категории: 1) от рождения до 10 лет (не могли быть переданы суду и подвергнуты наказанию); 2) от 10 до 14 лет для преступлений большой важности и от 10 до 15 лет для преступлений меньшей важности; 3) от 14 до 17 лет для преступлений большой важности и от 15 до 17 лет для преступлений меньшей важности.

Для двух последних возрастных категорий суд у подсудимого должен был выяснить, действовало ли лицо с «разумением» или нет. При положительном ответе к малолетнему применялись обыкновенные уголовные наказания, но менее суровые, чем для взрослых, в этом же Уложении «повелевалось при расследовании преступле-

¹⁵¹ Шишков С.Н., Макушкин Е.В., Дозорцева Е.Г., Бадмаева В.Д., Борисенко Е.В. Российское законодательство XI–XVIII веков об уголовной ответственности несовершеннолетних // Психология и право. 2020. Т. 10, № 4. С. 237.

¹⁵² Федотова М.М. История российского уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних // Полицейская и следственная деятельность. 2022. № 1. С. 41.

ний, совершённых несовершеннолетними, причины совершения ими преступления и взрослых подстрекателей»¹⁵³.

Уголовное законодательство России изменялось, но требования об установлении дополнительных обстоятельств в отношении несовершеннолетних преступников только укоренялись. Особой значимостью в обеспечении качества предварительного расследования дел о преступлениях, совершённых несовершеннолетними, являются вопросы влияния на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц, а также условия жизни и воспитания несовершеннолетнего.

На сегодняшний день мы имеем установленные особенности судопроизводства, которые опираются на специфику возрастного развития, и иные особенности данной категории лиц.

Определение «несовершеннолетний» закреплено в ст. 1 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об Основах системы профилактики, безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», согласно которому несовершеннолетний – лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет¹⁵⁴.

Пояснения, кто является несовершеннолетним, имеются и в Трудовом кодексе РФ¹⁵⁵, и в Гражданском кодексе РФ¹⁵⁶, где законодатель чётко указал, что это лица до восемнадцати лет.

Таким образом, несовершеннолетний преступник – это лицо, совершившее преступление, которое не достигло ни физиологической, ни психической зрелости, а значит, это лицо, которое не владеет достаточным опытом в принятии решений в сложных ситуациях и может быть легко подвергнуто влиянию со стороны (угворам, «на спор», через угрозы и т.д.).

¹⁵³ Гончаров Д.Ю. Становление российской уголовно-правовой науки и уголовного законодательства в первой трети XIX в. // Научная сеть «Современное право». М., 2015. С. 150.

¹⁵⁴ Статья 1 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.12.2023).

¹⁵⁵ Глава 42 Трудового кодекса Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.12.2023).

¹⁵⁶ Статьи 21 и 26 Гражданского кодекса Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.12.2023).

Рассмотрим показатели подростковой преступности в г. Можге и Можгинском районе УР за три года (см. табл. 1).

Таблица 1.

	2021 год	2022 год	2023 год (по ноябрь 2023 г.)
Всего совершено преступлений несовершеннолетними	28	34	35
Количество несовершеннолетних, принявших участие в совершении преступлений	26	16	24
Общественно-опасные деяния, совершённые несовершеннолетними	18 (в осн. по ст. 158 УК РФ)	27 (в осн. по ст. 158 УК РФ)	

Формирование личности несовершеннолетнего преступника является сложным и многогранным процессом, который подразумевает воздействие различных факторов¹⁵⁷.

Основными факторами, влияющими на формирование личности несовершеннолетнего преступника, являются:

1. На поведение детей большое влияние оказывает родительский пример. Большая часть преступлений, совершённых несовершеннолетними, это показатель воспитания и условия жизни самого подростка, т.е. «всё идёт из семьи». Семейная среда играет важную роль в формировании личности подростка. При воспитании ребёнка в преступной среде весьма вероятно, что у него выработается делинквентное поведение. Отсутствие внимания и заботы о подростке со стороны родителей влечёт в основном негативное развитие личности подростка. Стоит отметить, что внимание должны привлекать не только семьи, находящиеся в социально-опасном положении, ведущие асоциальный образ жизни, но и благополучные семьи, в которых родители своё присутствие в жизни детей заменяют денежной компенсацией. В таких семьях, как правило, у подростков нет контроля за расходованием денежных средств, у подростка появляется чувство вседозволенности.

¹⁵⁷ Филиппова Е.О. Личность несовершеннолетнего преступника // Российский судья. 2023. № 9. С. 28.

Из таблицы мы видим, что большое количество подростков совершают общественно-опасные деяния, но в силу своего возраста они не подлежат привлечению ни к административной ответственности, ни к уголовной, а потому остаются безнаказанными. Что способствует дальнейшему не только формированию, но и укреплению асоциального поведения.

Комиссией по делам несовершеннолетних был рассмотрен случай, когда тринадцатилетний подросток из благополучной семьи на уроке курил электронную сигарету. Родители в Комиссии пояснили: «Что к таким поступкам нужно относиться с современной точки зрения, «по-молодёжному», а лучше ввести в школьную программу дополнительный урок о вреде курения». Ни своей вины, ни вины сына родители не понимали. Из ситуации можно сделать вывод, что родители переложили ответственность, а самое главное – процесс воспитания на образовательное учреждение, в проступке сына они не увидели противоправных действий. Соответственно, подросток не осознал своей вины, выводы о своём неправомерном поведении он не сделал, от родителей нет соответствующей реакции, а значит, для него этот проступок прошёл безнаказанно. Именно в такие моменты у подростка начинает формироваться противоправное поведение.

2. Занятость подростка: в Российской Федерации гарантируются общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях (ст. 43 Конституции РФ). Однако досуговые занятия и кружки не всегда доступны каждому, а то, что безвозмездно предоставляется муниципальными учреждениями – не каждому подростку интересно. Переход к рыночным отношениям серьёзно затруднил организацию доступного досуга несовершеннолетних в вечерний и каникулярный периоды. Незанятые после основных уроков подростки самостоятельно стали организовывать свой досуг.

Желание легкого «заработка» послужило основанием для привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних в 2023 г.

за совершенные ими преступления, наказание за которые предусмотрено ст. 159 УК РФ (мошенничество). Подростки обманным путём завладели и воспользовались чужими банковскими картами.

Основная масса преступлений по ст. 158 УК РФ (кража) совершается подростками в свободное от основной учёбы время, когда родители на работе, а у подростков уже закончились занятия в образовательном учреждении.

Таким образом, подростки, которые заняты в дополнительных, развивающих занятиях, реже вовлекаются в преступную деятельность, и наоборот, подросток, который бесконтролен в свободное время, как правило, легче подвержен деформации нравственной и правовой ориентации, его ценности легко смещаются в направлении сиюминутных удовольствий.

3. Друзья и окружение подростка оказывают прямое влияние на формирование его личности.

Если это окружение асоциальное, то подросток такой образ жизни будет считать нормальным. Нормальными для несовершеннолетнего будут ситуации несправедливой грубости как в отношении самого подростка, так и по отношению к другим лицам.

Доказано, что малыш, убивающий ради забавы кошек и собак, со временем вполне может переключиться и на себе подобных. Так, по статистике института им. В.П. Сербского свыше 85 % преступников, совершивших тяжкие преступления в отношении людей, ранее жестоко относились к животным¹⁵⁸.

Стоит отметить и роль сети Интернет, социальных сетей, видеоигр в формировании личности подростка. Несовершеннолетние с легкостью начинают подражать такому поведению, которое им легче всего дается, независимо от того, где они это увидели: в сети Интернет, видеоиграх или в фильмах. Обилие сцен насилия, которыми пестрят экраны телевизоров, или «реки» крови, проливающиеся в компьютерных играх, указывают на то, что такие чувства,

¹⁵⁸ Назарова Ю.С., Кошелева Д.В., Инкин А.А. Социально-психологические причины совершения подростками правонарушений // Законность и правопорядок в современном обществе. 2014. № 17. С. 28.

как жалость, сострадание, помощь более слабым – это не что иное, как проявление слабости. Исследование Мичиганского Университета показало, что насилие на экране оказывает на подростка действие подобное никотину. Механизм его действия схож с действием сигареты: чем больше насилия видит подросток, тем оно ему больше нравится... Если подросток некоторое время лишён подобных зрелищ, то он начинает испытывать дискомфорт¹⁵⁹.

Так, в 2023 г. несовершеннолетний вместе со старшим взрослым братом совершили ряд преступлений. Братья в ночное время суток разбивали окна в автомобилях и забирали находящееся там имущество. Всего ими было совершено 13 эпизодов. Для подростка это было захватывающее приключение, страха ответственности не было, поскольку соучастником был наглядный пример – старший взрослый брат.

Агрессивное и грубое окружение подростка порождает в нём развитие и укоренение цинизма, грубости, ожесточения, склонности к насилию.

4. Психофизические факторы: несовершеннолетние, имеющие психологические расстройства или физические особенности, например: низкая самооценка, эмоциональная неустойчивость, агрессивное поведение, интеллектуальные или психофизические дефекты, которые возникли в период внутриутробного развития плода, родов, а также в раннем детском возрасте; более подвергаются вовлечению в преступную деятельность.

Такие подростки чаще подвергаются моральным истязаниям со стороны сверстников, а иногда и физическим (буллинг). При отсутствии должной реакции от администрации образовательного учреждения, а также при отсутствии поддержки со стороны родителей (ограничение в общении со сверстниками, оказывающее моральное давление на подростка, перевод на домашнее обучение, обращение за помощью к психологам и пр.) имеется большая вероятность того, что у подростка будут закрепляться мысли и желание о мести, причём мести не аналогичной давлению на подростка, а более жестокой.

¹⁵⁹ Назарова Ю.С., Кошелева Д.В., Инкин А.А. Указ. соч. С. 30.

В 2022 году в городе пятнадцатилетним несовершеннолетним было совершено преступление по ст. 105 УК РФ (убийство). Такова была реакция подростка на очередные пьяные «нравоучения» отца.

Резюмируя изложенное, стоит отметить, что одним из основных факторов, непосредственно влияющих на совершение подростком преступления, является его окружение (семья, друзья) и психологический климат в нем.

При противоправном поведении взрослых, при отсутствии семейных ценностей и нездоровом психическом климате в семье невозможно воспитать высокоинтеллектуального адекватного человека. И наоборот, равнодушие к другим людям, заинтересованность в личностном развитии будут воспитывать сильного, уверенного и успешного человека.

Р.Б. Бжиев в своей работе указал: «Негативное отношение к учёбе связано не столько с умственным развитием таких детей, сколько с отсутствием соответствующего воспитания в духе должного отношения к знаниям. Вследствие чего, по мере укоренения утраты интереса к учёбе как черты личности, этот фактор начинает оказывать всё большее влияние по принципу обратной связи на избирательность и характер действий несовершеннолетнего»¹⁶⁰.

Федеральным законом от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» в ст. 12.1. установлены общие требования к организации воспитания обучающихся¹⁶¹. Однако стоит понимать, что образовательное учреждение – это не камера хранения, куда передаются воспитанные и высококультурные подростки для временного пребывания. Основная цель образовательного учреждения – это обучение, а в части воспитания – это совместная работа родителей (семьи) и образовательного учреждения, где второе играет всё-таки второстепенную роль.

¹⁶⁰ Бжиев Р.Б. Корыстно-насильственные преступления, совершаемые несовершеннолетними: криминологическая характеристика и их предупреждение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 14.

¹⁶¹ Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.12.2023).

Подросток никогда не воспримет положительно информацию или поучительный урок в образовательном учреждении, если в семье имеет место обсуждение педагогов, осуждение действий администрации образовательного учреждения, негативное высказывание о воспитательных классных часах и дополнительных уроках. Если в окружении подростка нет соответствующей направленности, нет поддержки и содействия родителей с образовательным учреждением, то смысла от воспитательных программ для подростка не будет.

Не вызывает сомнений, что совместная воспитательная работа и положительный пример для подростка в семье – основа составляющей в предупреждении совершения противоправных деяний несовершеннолетним.

Библиографический список

1. Филиппова Е.О. Личность несовершеннолетнего преступника // Российский судья. – 2023. – № 9 – С. 28–33.

2. Назарова Ю.С., Кошелева Д.В., Инкин А.А. Социально-психологические причины совершения подростками правонарушений // Законность и правопорядок в современном обществе. 2014. – № 17 – С. 26–32.

3. Бжиев Р.Б. Корыстно-насильственные преступления, совершаемые несовершеннолетними: криминологическая характеристика и их предупреждение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2007. – 25 с.

4. Гончаров Д.Ю. Становление российской уголовно-правовой науки и уголовного законодательства в первой трети XIX в. // Научная сеть «Современное право». – М., 2015. – С. 150–156.

5. Шишков С.Н., Макушкин Е.В., Дозорцева Е.Г., Бадмаева В.Д., Борисенко Е.В. Российское законодательство XI-XVIII веков об уголовной ответственности несовершеннолетних // Психология и право. – 2020. – № 4. – С. 231–244.

6. Федотова М.М. История российского уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних // Полицейская и следственная деятельность. – 2022. – № 1. – С. 40–47.

Кротова Любовь Анатольевна

к.ю.н, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии
ФБГОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,

г. Ижевск

МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТЬ ДЕЯНИЯ: ВОПРОСЫ УНИФИКАЦИИ УГОЛОВНОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Анализ уголовного и административного законодательства и практики применения свидетельствует о значительном взаимном проникновении норм административного и уголовного права, что ставит перед современной уголовной политикой задачу активного поиска оптимальной модели соотношения уголовно-правовых и административно-правовых мер борьбы с правонарушениями¹⁶². Кроме того, наличие общих понятий в указанных публично-правовых отраслях объективно предполагает необходимость согласования как их содержания, так и практики применения.

Малозначительность деяния (ч. 2 ст. 14 УК РФ) и малозначительность административного правонарушения (ст. 2.9 КоАП РФ) следует рассматривать как межотраслевой правовой институт с единым пониманием сущности, природы, правовых последствий малозначительности¹⁶³, а потому её содержание не может трактоваться различно в зависимости от того, в каком отраслевом деянии она воплотилась¹⁶⁴. Тем не менее на законодательном и доктринальном

¹⁶² Взаимодействие уголовного и административно-деликтного права : монография / Н.И. Пикуров, Ю.Е. Пудовочкин, А.А. Толкаченко [и др.] / под. ред.: Ю.Е. Пудовочкина, Н.И. Пикурова. М. : РГУП. 2017. С. 5.

¹⁶³ В общетеоретических исследованиях малозначительность правонарушения определяется именно как межотраслевой правовой институт. См.: Степанов В.В. Малозначительность правонарушения в российском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 9. Более того, оценка деяния как малозначительного влияет и на развитие правоотношений дисциплинарной ответственности.

¹⁶⁴ Рожнов А.П. Понятие малозначительности нуждается в унификации // Юридические науки. 2017. № 6. С. 84.

уровнях единого подхода к рассматриваемому понятию до сих пор нет, хотя тенденция к его формированию имеет место. И проявляется эта тенденция, главным образом, в характеристике сущности малозначительного деяния (правонарушения) и в первую очередь через признание наличия в административном правонарушении признака общественной опасности. Это первый вопрос, решение которого является необходимым условием для согласования понимания малозначительности в публичных отраслях российского права.

Если преступление, в соответствие с ч. 1 ст. 14 УК РФ, определяется как виновно совершенное противоправное и *общественно опасное деяние*, то законодатель, формулируя легальное понятие административного правонарушения как противоправного, виновного действия (бездействия) физического или юридического лица, за которое настоящим Кодексом или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность (ст. 2.1 КоАП РФ), ограничивается констатацией лишь формальных его признаков.

Однако в доктрине административно-деликтного права не находит абсолютной поддержки вывод о том, что общественная опасность – признак исключительно преступления. Как справедливо отмечается, «соотношение преступления и административного правонарушения – это вопрос не наличия или отсутствия общественной опасности, а вопрос о её характере и степени»¹⁶⁵. Такое понимание сущности административного правонарушения основывается в том числе и на позиции Конституционного Суда РФ, согласно которой

¹⁶⁵ Соловей Ю.П. О законодательном определении понятия малозначительного правонарушения // Теория и практика административного права и процесса : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Ростов-на-Дону, 2012. С. 33–34. URL: <http://kizilov-inc.ru/>; см. также: Попов А.В., Фомина И.А. Понятие и критерии малозначительности совершенного административного правонарушения // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20, № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/>; Дербина О.В., Купеева Л.Ч. Проблемные вопросы определения признаков малозначительности административного правонарушения // Пенитенциарная наука. 2017. Вып. 37. URL: <http://cyberleninka.ru/> и др.

«...административные правонарушения <...> в отличие от преступлений, влекущих наступление уголовной ответственности, представляют собой меньшую общественную опасность»¹⁶⁶. Таким образом, признавая, что признак общественной опасности присущ и административным правонарушениям, сущностную характеристику его малозначительности также надлежит увязывать с этим свойством.

Второй вопрос, не менее значимый, касается понимания уровня общественной опасности в малозначительном деянии. В теории уголовного права выделяют два вида малозначительности: 1) когда общественная опасность отсутствует полностью, абсолютно¹⁶⁷; 2) когда общественная опасность недостаточна для признания конкретного деяния преступным.

По мнению В. Мальцева, первый вид малозначительного деяния в практике применения уголовного закона встречается редко и в силу очевидности обычно не вызывает затруднений в уяснении, в то время как второй – сравнительно распространён и довольно труден для понимания¹⁶⁸. Соответственно, и практика применения ч. 2 ст. 14 УК РФ преимущественно представлена второй его разновидностью¹⁶⁹.

¹⁶⁶ По делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 1 статьи 1070 и абзаца третьего статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М.Ю. Карелина, В.К. Рогожкина и М.В. Филандрова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2009 г. № 9-П // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2024).

¹⁶⁷ *Винокуров В.Н.* Малозначительность деяния в уголовном праве: признаки и формы // Журнал российского права. 2014. № 4. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2024).

¹⁶⁸ Мальцев В. Малозначительность деяния в уголовном праве // Законность. 1999. № 1. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2024).

¹⁶⁹ О чём свидетельствуют, в частности, результаты обобщения судебной практики применения ч. 2 ст. 14 УК РФ, приводимые Д.Ю. Краевым. См.: *Краев Д.Ю.* Малозначительность деяния (ч. 2 ст. 14 Уголовного

В теории административно-деликтного права варианты решения вопроса относительно уровня общественной опасности малозначительного правонарушения аналогичны. Либо утверждается, что понятием малозначительности «охватываются такие деяния, которые не являются ни преступлением, ни административным правонарушением»¹⁷⁰, либо особенность малозначительного административного правонарушения усматривается «в крайне низкой степени общественной опасности»¹⁷¹.

Но если результаты научных исследований свидетельствуют об общности подходов к пониманию сущности малозначительности в рассматриваемых отраслях публичного права, его правовая природа законодателем определяется по-разному. Это третий вопрос, остающийся дискуссионным до настоящего времени.

Малозначительность деяния исключает уголовную ответственность, а процессуальным основанием прекращения преследования является отсутствие состава преступления, причём лицо, в действиях которого формально содержатся все признаки преступления, имеет право на реабилитацию. В то же время при признании малозначительным совершенного административного правонарушения ответственность не исключается, но соответствующие компетентные органы и должностные лица могут освободить лицо, его совершившее, от административной ответственности и ограничиться устным замечанием (ст. 2.9 КоАП РФ).

В итоге возникла любопытная ситуация: признание деяния, формально содержащего признаки преступления, малозначительным предоставляет лицу, его совершившему, большие преференции в сравнении с последствиями, имеющими место в случае аналогичной оценки нарушения административно-правового запрета. И это

кодекса Российской Федерации): вопросы правоприменения // Сибирское юридическое обозрение. 2022. Т. 9, вып. 3. С. 294–309.

¹⁷⁰ Даровских С.М. К вопросу о малозначительности административного правонарушения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. «Право». 2012. № 7. С. 96.

¹⁷¹ Дербина О.В., Купеева Л.Ч. Указ. соч. С. 33.

несмотря на существенно различный уровень общественной опасности преступления и административного правонарушения. Решение об освобождении от административной ответственности не констатирует отсутствие соответствующего деликта, более того, фактически означает признание как его наличия, так и нецелесообразность применения мер карательного (штрафного) воздействия.

При этом компетентные органы и лица, указанные в ст. 2.9 КоАП РФ, освобождая лицо, совершившее административное правонарушение от административной ответственности в связи с малозначительностью, ограничиваются устным замечанием. Принимая во внимание, что в теории права, так и в отраслевых науках, юридическая ответственность определяется как сложное структурное образование, характеризующееся комплексом признаков, причём не только реальным претерпеванием неблагоприятных последствий самого разнообразного характера, но и отрицательной правовой оценкой поведения правонарушителя от имени государства¹⁷², представляется, что устное замечание следует рассматривать как одну из форм реализации административной ответственности, свидетельствующей о неотвратимости реагирования государства на каждое, в том числе и малозначительное, административное правонарушение.

Парадоксальность ситуации состоит в том, что, в отличие от практики применения ст. 2.9 КоАП РФ¹⁷³, государство в лице правоохранительных органов, признавая уголовно-противоправное деяние малозначительным и разъяняя лицу право на реабилитацию, не только не даёт отрицательную оценку факту пренебрежительного отношения к уголовному закону и установленным им

¹⁷² Уголовное право России. Общая часть / под ред. А.И. Рапога. 3-е изд., с изм. и доп. М. : Эксмо, 2009. С. 62; *Бакарджиев Я.В.* Теория государства и права. 2018. URL: https://studme.org/297453/pravo/yuridicheskaya_otvetstvennost

¹⁷³ В административно-деликтном праве освобождение от административной ответственности в связи с малозначительностью деяния признаётся мерой воспитательного воздействия, направленной на осознание лицом противоправности своего поведения, и в конечном итоге служит задаче предупреждения административных правонарушений (ст. 1.2 КоАП РФ).

правовым запретам, но, исходя из содержания главы 18 УПК РФ, фактически оправдывает соответствующие поведенческие акты. Предупредительное воздействие подобного решения вызывает весьма серьёзные сомнения, чем, представляется, во многом и обусловлено обсуждение вопроса, касающегося природы малозначительности деяния (правонарушения) в публичных отраслях права.

В теории права и отраслевых науках единая правовая природа малозначительности анализируемого явления, как правило, не вызывает сомнения, чего нельзя сказать о вариантах её унификации. Так, В.В. Степанов указывает на необходимость отнесения данного правового явления к основаниям освобождения от юридической ответственности¹⁷⁴.

Иначе понимает правовую природу малозначительности А.П. Рожнов, утверждая, что «малозначительность деяния не освобождает от уголовной ответственности, а влечёт ненаступление таковой, абсолютно исключает по причине отсутствия её основания – факта совершения правонарушения»¹⁷⁵.

Таким образом, по мнению указанного автора, согласование, безусловно, межотраслевого института малозначительности деяния (правонарушения) надлежит проводить на основе законодательного опыта в сфере уголовно-правового регулирования, что представляется далеко не бесспорным.

Вызывает возражения главный из выдвинутых доводов: отсутствие основания уголовной ответственности при малозначительности деяния. В уголовно-правовой науке обращается внимание на противоречивость решения о прекращении дела в связи с малозначительностью деяния.

С одной стороны, прекращение уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления подразумевает отсутствие одной из составляющих состава преступления: объекта, объективной стороны, субъекта, субъективной стороны.

¹⁷⁴ Степанов В.В. Указ. соч. С. 8–9.

¹⁷⁵ Рожнов А.П. Указ. соч. С. 85.

С другой стороны, прекращая уголовное дело по данному основанию с указанием на ч. 2 ст. 14 УК РФ, суды в решении «указывают на наличие в деянии, совершённом подсудимым, признаков преступления, на то, что деяние не причинило существенного вреда и т.д., т.е. фактически констатируют совершение преступления, причинение вреда»¹⁷⁶.

Необходимо иметь в виду, что в законодательстве и теории уголовного права термин «деяние» употребляется в двух значениях: широком и узком. В широком значении деяние отождествляется с преступлением и посягательством в целом. В узком значении – представляет собой обязательный признак лишь объективной стороны состава преступления (действие и бездействие)¹⁷⁷. Деяние как признак объективной стороны характеризуется следующими свойствами: противоправность, общественная опасность, осознанность и добровольность. Только такое деяние имеет уголовно-правовое значение.

Полагаем, что именно многозначностью употребления в уголовном законодательстве и теории уголовного права термина «деяние» во многом обуславливается дискуссионность вопроса относительно правовой природы малозначительности. Сторонники признания малозначительности как обстоятельства, исключающего уголовную ответственность, фактически отождествляют общественную опасность деяния и общественную опасность преступления.

Более продуктивным представляется иной подход, согласно которому объективно присущее деянию свойство – общественная опасность – неравнозначно общественной опасности преступления в целом, ибо общественная опасность преступления – свойство совокупности всех его объективных и субъективных признаков¹⁷⁸.

¹⁷⁶ Великая Е.В. К вопросу о прекращении уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности в связи с малозначительностью деяния // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 1. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2024).

¹⁷⁷ Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М. : АО «Центр ЮрИнфор», 2003. С. 89–90.

¹⁷⁸ Курс советского уголовного права (Часть Общая) / отв. ред. проф. Н.А. Беляев, проф. М.Д. Шаргородский. Л. : Изд-во ЛГУ, 1968. Т. 1. С. 318.

Такая позиция отражена и в практике Верховного Суда РФ. Так, разъясняя нижестоящим судам, какие обстоятельства необходимо учитывать при решении вопроса о том, является ли деяние, предусмотренных частью первой или четвертой статьи 222 УК РФ, малозначительным, Верховный Суд РФ указал на такую их совокупность, как количественные характеристики (хранение нескольких патронов) и качественные показатели предмета, мотив и цель, которыми руководствовалось лицо, поведение, предшествующее совершению деяния и (или) в период совершения деяния»¹⁷⁹.

Таким образом, невозможно констатировать наличие в содеянном всех признаков состава преступления, если деянию, как одному из них, не присуще свойство общественной опасности. В подобном случае нет абсолютно никакой необходимости обращаться к категории малозначительности, поскольку имеет место типичная ситуация отсутствия основания уголовной ответственности – состава преступления в целом.

Отсюда признание деяния формально содержащим признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности; может и должно служить основанием не исключения уголовной ответственности, а освобождением от неё, что требует дополнения главы 11 УК РФ следующей статьёй: «Статья 76.3. «Освобождение от уголовной ответственности в связи с малозначительностью деяния».

Именно такое решение рассматриваемого вопроса можно признать справедливым, соответствующим принципу неотвратимости ответственности, задаче предупреждения преступлений со стороны граждан, допускающих различные виды отклоняющегося поведения.

¹⁷⁹ Пункт 22.1. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 (ред. от 11.06.2019) «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2024).

Библиографический список

1. Бакарджиев Я.В. Теория государства и права [Электрон. ресурс]. – 2018. – URL: https://studme.org/297453/pravo/yuridicheskaya_otvetstvennost (дата обращения: 20.03.2024).
2. Великая Е.В. К вопросу о прекращении уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности в связи с малозначительностью деяния // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2023. – № 1. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2024).
3. Взаимодействие уголовного и административно-деликтного права : монография / Н.И. Пикуров, Ю.Е. Пудовочкин, А.А. Толкаченко [и др.] ; под. ред.: Ю.Е. Пудовочкина, Н.И. Пикурова. – М. : РГУП, 2017. – 480 с.
4. Винокуров В.Н. Малозначительность деяния в уголовном праве: признаки и формы // Журнал российского права. – 2014. – № 4. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2024).
5. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. – М. : АО «Центр ЮрИнфор», 2003. – 448 с.
6. Даровских С.М. К вопросу о малозначительности административного правонарушения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. «Право». – 2012. – № 7. – С. 96–98.
7. Дербина О.В., Купеева Л.Ч. Проблемные вопросы определения признаков малозначительности административного правонарушения [Электрон. ресурс] // Пенитенциарная наука. – 2017. – Вып. 37. – URL: <http://cyberleninka.ru/>
8. Краев Д.Ю. Малозначительность деяния (ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации): вопросы правоприменения // Сибирское юридическое обозрение. – 2022. – Т. 9, вып. 3. – С. 294–309.
9. Курс советского уголовного права (Часть Общая) / отв. проф. ред. Н.А. Беляев, проф. М.Д. Шаргородский. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1968. – Т. 1. – 646 с.
10. Мальцев В. Малозначительность деяния в уголовном праве // Законность. – 1999. – № 1. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2024).

11. Попов А.В., Фомина И.А. Понятие и критерии малозначительности совершенного административного правонарушения [Электрон. ресурс] // Сибирское юридическое обозрение. – 2023. – Т. 20, № 2. – С. 132–143. – URL: <https://cyberleninka.ru/>

12. Рожнов А.П. Понятие малозначительности нуждается в унификации // Юридические науки. – 2017. – № 6. – С. 81–88.

13. Соловей Ю.П. О законодательном определении понятия малозначительного правонарушения [Электрон. ресурс] // Теория и практика административного права и процесса : материалы Всероссий. науч.-практ. конф. – Ростов-на-Дону, 2012. – С. 33–34. – URL:<http://kizilovinc.ru/>

14. Степанов В.В. Малозначительность правонарушения в российском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – 27 с.

15. Уголовное право России. Общая часть / под ред. А.И. Рарога. – 3-е изд., с изм. и доп. – М. : Эксмо, 2009. – 496 с.

Лагодина Елена Ивановна,

*к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного процесса
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
г. Краснодар*

ДОПРОС НОТАРИУСА В КАЧЕСТВЕ СВИДЕТЕЛЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Нотариус в рамках осуществления своей профессиональной деятельности обеспечивает реализацию конституционного права на квалифицированную юридическую помощь, в том числе по уголовному делу. Особого внимания заслуживает сфера вовлечения нотариуса в производство следственных действий, включая допрос.

В соответствии с ч. 3 ст. 56 УПК РФ нотариус может быть допрошен в качестве свидетеля с предупреждением на общих основаниях об ответственности за отказ от дачи показаний или дачу заведомо ложных показаний (ст. 307, 308 УК РФ), поскольку не отнесён законодателем к числу лиц, не подлежащих допросу в качестве

свидетеля по поводу совершённых им нотариальных действий. Кроме того, в ч. 2 ст. 29 УПК РФ не предусматривается правомочие суда принимать решение об освобождении нотариуса от обязанности продолжать хранить в тайне сведения, составляющие предмет нотариальной тайны, но имеющие отношение к уголовному делу.

Дело в том, что допрос нотариуса об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с совершением нотариального действия, выступает одной из процессуальных форм предоставления сведений, хотя и составляющих нотариальную тайну, но значимых для уголовного дела, особенно в ситуации, когда других свидетелей просто нет.

Однако с позиций этики и профессиональной ответственности, а также опираясь на предписания ч. 2 ст. 16 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате¹⁸⁰, есть основание предполагать, что:

1) нотариус не вправе давать показания без предварительного освобождения от обязанности сохранения тайны как на этапе расследования уголовного дела, так в ходе рассмотрения уголовного дела судом по существу;

2) только суд вправе освободить нотариуса от обязанности сохранения тайны;

3) опять же суд может принять такое решение в случае возбуждения уголовного дела против нотариуса в связи с совершением нотариального действия.

В литературе справедливо отмечается, что «если первые два условия применимы к порядку допроса нотариуса в качестве свидетеля, то при наличии третьего условия (возбуждения уголовного дела в отношении нотариуса) нотариус приобретает статус подозреваемого, а после вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого становится обвиняемым со всеми присущими указанному лицу правами и обязанностями. В частности, <...> вправе отказаться от дачи показаний»¹⁸¹.

¹⁸⁰ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (ред. от 24 июля 2023 г.) // Российская газета. 1993. 13 марта.

¹⁸¹ Нотариат и нотариальная деятельность : учебное пособие для курсов повышения квалификации нотариусов / *Б.М. Гонгало* [и др.] ; под ред.

Для того, чтобы узаконить право нотариуса не давать показания в качестве свидетеля по уголовному делу, О.М. Сычев предлагает дополнить ч. 3 ст. 56 УПК РФ указанием на то, что не подлежат допросу в качестве свидетелей не только те лица, что перечислены в действующей редакции этой нормы, но и «нотариусы, об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с выполнением нотариальной деятельности»¹⁸².

А вот по мнению И.Т. Белова, «если у следствия имеются достаточные основания полагать, что деятельность нотариуса тем или иным образом затронула правоотношения, повлекшие за собой совершение преступления, то следователь не только должен истребовать или изъять у нотариуса необходимые документы, но и допросить последнего в качестве свидетеля по всем обстоятельствам, имеющим значение для разрешения уголовного дела»¹⁸³.

Позиция о возможности допроса нотариуса в качестве свидетеля основана на том, что уголовно-процессуальная деятельность носит публичный характер, а должностные лица, её осуществляющие, наделяются властными полномочиями, и их решения и требования обязательны к исполнению (ч. 4 ст. 21 УПК РФ). Необходимо учитывать и то обстоятельство, что порядок уголовного судопроизводства устанавливается УПК РФ, основанным на Конституции Российской Федерации (ч. 1 ст. 1 УПК РФ), когда иные федеральные законы должны соответствовать УПК РФ, а если они ему противоречат, то должностные лица досудебного производства, прокурор и суд не вправе их применять (чч. 1 и 2 ст. 7 УПК РФ).

В.В. Яркова, Н.Ю. Рассказовой; Центр нотариальных исслед. Федеральной нотариальной палаты, Ин-т нотариата юридического фак. Санкт-Петербургского гос. ун-та. М. : Волтерс Клувер, 2009. С. 375.

¹⁸² *Сычев О.М.* Выемка нотариальных документов и допрос нотариуса // ЭЖ «Юрист». 2010. 28 января.

¹⁸³ *Белов И.Т.* Подготовка допроса нотариуса в ходе расследования мошенничества в сфере оборота жилья // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2010. № 3 (13). С. 90.

Более того, законодатель, кодифицируя нормы, регулирующие производство по уголовным делам, вправе установить приоритет УПК РФ перед иными федеральными законами в сфере уголовного судопроизводства¹⁸⁴. Но этот приоритет не является безусловным, поскольку в иных, помимо УПК РФ, законодательных актах могут устанавливаться дополнительные гарантии прав и законных интересов отдельных категорий лиц, обусловленные в том числе их особым правовым статусом¹⁸⁵.

«Во время проведения допроса, – пишет О.В. Моисеева, – нотариус вправе использовать любые документы, озвучивать содержащуюся в них информацию, относящуюся к делу, предъявлять указанные документы на обозрение <...> приобщать их к материалам уголовного дела. Если нотариус пожелает внести дополнения или уточнения в протокол допроса, то его ходатайство подлежит обязательному удовлетворению»¹⁸⁶.

Думается, что процедура допроса нотариуса должна осуществляться с учётом общих правил производства следственных действий (недопустимость применения насилия, угроз и иных незаконных мер, прямой запрет задавать наводящие вопросы и др.). В то же время допрос в качестве свидетеля именно нотариуса может быть произведён с учётом особенностей его профессиональной деятельности и только в связи с исполнением нотариальной функции.

¹⁸⁴ По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П // СЗ РФ. 2004. № 27, ст. 2804.

¹⁸⁵ По жалобе граждан С.В. Бородин, В.Н. Буробина, А.В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2005 г. № 439-О // Российская газета. 2006. 31 января.

¹⁸⁶ *Моисеева О.В.* Особенности правового взаимодействия нотариата и органов уголовной юстиции // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 7. С. 17.

Немаловажен при допросе и аспект конфиденциальности деятельности нотариуса, которую он не может раскрывать, если она не имеет отношения к делу. Указом Президента Российской Федерации от 6 марта 1997 г. № 188 (ред. от 13 июля 2015 г.)¹⁸⁷ определён перечень сведений конфиденциального характера, связанных с профессиональной деятельностью, доступ к которым ограничен, в числе которых те, что составляют нотариальную тайну.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ «обязанность нотариуса хранить в тайне сведения, которые стали ему известны в связи с осуществлением им профессиональной деятельности, направлена на реализацию конституционных гарантий неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны»¹⁸⁸.

В пункте 7 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 12 декабря 2023 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» сформулировано понятие конфиденциальности информации как обязательного для выполнения лицом, получившим доступ к определённой информации; требования не передавать такую информацию третьим лицам без согласия её обладателя, а в ч. 2 ст. 9 того же закона указывается на обязательность соблюдения конфиденциальности информации, доступ к которой ограничен федеральными законами¹⁸⁹.

Термин «конфиденциально» четырежды используется в тексте УПК РФ: 1) в п. 3 ч. 4 ст. 46 при изложении прав подозреваемого; 2) в п. 9 ч. 4 ст. 47, где предусмотрены права обвиняемого;

¹⁸⁷ Указ Президента РФ от 6 марта 1997 г. № 188 (ред. от 13 июля 2015 г.) «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера» // СЗ РФ. 1997. № 10, ст. 1127.

¹⁸⁸ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ф.И.О. на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 16 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате : определение Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2010 г. № 474-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸⁹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 12 декабря 2023 г.) // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I), ст. 3448.

3) в ч. 4 ст. 92 – в случае свидания подозреваемого с защитником;
4) в ч. 9 ст. 241 – об обеспечении защитнику возможности беспрепятственного общения с подсудимым, содержащимся под стражей и участвующим в судебном заседании путём использования систем видео-конференц-связи.

Как видно из изложенного, в отношении профессиональной деятельности нотариуса требование конфиденциальности в УПК РФ не нашло закрепления, хотя и гарантировано, как справедливо отмечает профессор В.А. Семенцов, судье, присяжному заседателю, адвокату, защитнику, священнослужителю, члену Совета Федерации, депутату Государственной Думы, и даже должностным лицам налогового органа и арбитру (третейскому судье)¹⁹⁰.

При допросе нотариуса ему может быть дано право возражать против вопросов, не имеющих отношения к делу, а также против вопросов, на которые он не имеет права отвечать, если речь идёт о сведениях, полученных в ходе нотариальных действий, которые являются охраняемой законом тайной. Если же нотариус согласен ответить на подобного рода вопросы (например, лицо, совершившее нотариальное действие, ходатайствует об оглашении тех или иных сведений), то это согласие должно быть отражено в протоколе следственного действия.

В соответствии со ст. 48 Конституции Российской Федерации и подп. 6 п. 4 ст. 56 УПК РФ нотариус, участвуя в уголовном деле в качестве свидетеля, имеет право явиться на допрос с адвокатом, приглашенным им для оказания юридической помощи, который обладает необходимыми для этого полномочиями (ч. 2 ст. 53 и ч. 5 ст. 189 УПК РФ).

¹⁹⁰ Семенцов В.А. Правовой режим конспиративности, конфиденциальности, тайности и секретности следственных действий // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности : материалы Всероссий. науч.-практ. симпозиума с междунар. участием / отв. ред. В.А. Семенцов. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2019. С. 127.

Библиографический список

1. Нотариат и нотариальная деятельность : учебное пособие для курсов повышения квалификации нотариусов / Б.М. Гонгало [и др.] ; под ред. В.В. Яркова, Н.Ю. Расказовой ; Центр нотариальных исслед. Федеральной нотариальной палаты, Ин-т нотариата юридического фак. Санкт-Петербургского гос. ун-та. – М. : Волтерс Клувер, 2009. – 636 с.

2. Сычев О.М. Выемка нотариальных документов и допрос нотариуса // ЭЖ «Юрист». – 2010. – 28 января.

3. Белов И.Т. Подготовка допроса нотариуса в ходе расследования мошенничества в сфере оборота жилья // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2010. – № 3 (13). – С. 87–92.

4. Моисеева О.В. Особенности правового взаимодействия нотариата и органов уголовной юстиции // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 7. – С. 14–18.

5. Семенцов В.А. Правовой режим конспиративности, конфиденциальности, тайности и секретности следственных действий // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности : материалы Всерос. науч.-практ. симпозиума с междунар. участием / отв. ред. В.А. Семенцов. – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2019. – С. 125–130.

*Липинский Александр Павлович,
инспектор отделения лицензионно-разрешительной работы
г. Стерлитамака Управление Росгвардии по Республике
Башкортостан, г. Стерлитамак*

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Одним из важнейших принципов уголовного процесса является состязательность сторон, а в соответствии с ч. 2 ст. 15 УПК РФ «Функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо». Однако законодатель отнёс к стороне обвинения не только непосредственных участников уголовно-правового конфликта, защищающих свой интерес и интерес представляемых лиц, но и прокурора, следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, начальника подразделения дознания и начальника органа дознания, которые действуют от имени государства в пределах предоставленных им полномочий и обеспечивают достижение уголовного судопроизводства, при этом в ходе досудебного производства принимают самостоятельные решения.

Уголовно-процессуальное право России имеет смешанный характер, т.к. на континентальную систему уголовно-процессуальных правоотношений была наложена англосаксонская правовая система. В УПК РСФСР принцип состязательности отсутствовал. В то же время можно сказать, что на основе состязательности построено всё уголовно-процессуальное законодательство США. В связи с чем получилась сложная ситуация, в которой органы предварительного расследования и прокуратуры должны, с одной стороны, обеспечивать качественное и беспристрастное расследование по уголовному делу и привлечение виновного лица к установленной законом ответственности (или оправдания невиновного лица, не совершавшего преступления), а с другой стороны, априори

должны выступать органами, представляющими позицию обвинения. В данной ситуации вести речь о беспристрастном рассмотрении уголовных дел является по меньшей мере не совсем корректно.

Таким образом, независимо от введения принципа состязательности в уголовный процесс Российской Федерации, он носит смешанный характер, поскольку в досудебном производстве органы предварительного расследования и прокуратура осуществляют правоохранительную, правозащитную, правовосстановительную деятельность¹⁹¹, обеспечивая соблюдение законности при производстве по уголовному делу и защиту прав и законных интересов всех участников уголовно-правового конфликта в целях установления фактических обстоятельств произошедшего события. Органы предварительного расследования в ходе досудебного производства осуществляют функцию предварительного расследования, в процессе которой они должны объективно установить все обстоятельства произошедшего¹⁹².

Возникает вопрос о возможности реализации состязательности в досудебном производстве. М.С. Строгович отмечал, что состязательность – это такое построение судебного разбирательства,

¹⁹¹ См.: *Самойлова Т.Н.* Проблемные аспекты правозащитной деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2009. С. 16–28; *Татьянина Л.Г.* Место прокурора в системе участников уголовного процесса // 300 лет на страже законности, защиты прав и свобод человека и гражданина : сб. ст. Министерство науки и высшего образования РФ Прокуратура Удмуртской Республики ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», ИПСУБ. 2021. С. 55–61 и др.

¹⁹² См.: *Ларин А.М.* Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М., 1986. 160 с.; *Аникеев Р.С.* расследование преступлений как самостоятельная функция следователя в российском уголовном процессе // Молодой ученый. 2015. Апрель. № 8 (88). С. 707–709; *Францифоров Ю.В., Ванин Д.В.* Функциональное назначение деятельности следователя и его полномочия в состязательном уголовном процессе. М. : Юрлитинформ, 2013; *Азаров В.А., Ревенко Н.И., Кузембаева М.М.* Функции предварительного расследования в истории и практике уголовного процесса России. Омск : ОмГУ, 2006. 650 с.; *Стародубова Г.В.* Процессуальная функция следователя и ее отражение в основных решениях по уголовному делу // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5, № 4. С. 86–90 и др.

в котором обвинение отделено от суда, решающего дело, и в котором обвинение и защита осуществляются сторонами, наделёнными равными правами для отстаивания своих утверждений и оспаривания утверждений противной стороны, причём обвиняемый (подсудимый) является стороной, пользующейся правом на защиту; суду же принадлежит руководство процессом, активное исследование обстоятельств дела и решение самого дела¹⁹³.

Бесспорно, что состязательность в досудебном производстве может иметь место, однако необходимо учитывать, что состязательность может быть среди представителей противоположных сторон, которые обладают равными правами. Естественно, что не может в досудебном производстве быть состязательности между следователем и защитником, прокурором и представителем потерпевшего и т.п. Органы предварительного расследования и прокуратура не являются участниками уголовно-правового конфликта и они не имеют интереса в конкретном его разрешении. Обладая властными полномочиями, они осуществляют свою деятельность в целях установления обстоятельств произошедшего. Участники уголовно-правового конфликта и их представители имеют свой личный интерес в его разрешении. Они не обладают властными полномочиями и практически имеют единый комплекс прав, которые реализуют в процессе производства по уголовному делу. Таким образом, следует признать, что стороны – участники уголовно-правового конфликта – и их представители в ходе досудебного производства, обладая равными правами и возможностями, могут состязаться при отстаивании своих интересов. При этом органы предварительного расследования, принимая самостоятельные решения, связанные с производством предварительного расследования по уголовному делу, уведомляют и/или знакомят о них своевременно стороны, которые по своему усмотрению могут оспорить совершённые действия и принятие решения. Одновременно органы предварительного расследования не вправе принимать решения или свершать действия в пользу той или иной стороны.

¹⁹³ См.: *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса: Основные положения науки советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968. 470 с.

Состязательность в досудебных стадиях наиболее полно находит своё отражение при рассмотрении некоторых дел особого производства, а именно при рассмотрении жалоб в порядке статей 125 и 125.1 УПК РФ. Однако в указанном случае не решается уголовно-правовой спор, а оспаривается законность действий органов предварительного расследования, которая влияет на последующее движение по уголовному делу. В данной ситуации с одной стороны выступает орган предварительного расследования, чьи действия или решения оспариваются стороной – участницей уголовно-правового конфликта. Здесь можно говорить о разрешении уголовно-процессуального конфликта, возникшего в процессе производства предварительного расследования между следователем, дознавателем, сотрудником органа дознания и представителем одной из сторон, который оспаривает правильность совершенного действия или принятого решения. Обе спорящие стороны обладают равными правами, вопросов о реализации властных полномочий представителями органа предварительного расследования не возникает.

Следует отметить, что в настоящее время следователь ознакамливает со всеми собранными в отношении обвиняемого доказательствами при окончании предварительного расследования. В то же время вызывает озабоченность тот факт, что защитник не обязан предоставлять все материалы, которые он собрал в ходе досудебного производства. Он может предоставлять данные материалы только в суде, что ставит под сомнение состязательность конфликтующих сторон в ходе досудебного производства, учитывая, что потерпевшая сторона редко пользуется услугами представителя, защищает свои интересы самостоятельно, часто зависит от качества работы органов предварительного расследования.

В досудебном производстве состязаются представители конфликтующих сторон (потерпевший, обвиняемый, защитник, гражданский истец, гражданский ответчик, их представители), они обладают равными правами и получают ту информацию, которая позволит им обеспечить защиту своих прав и законных интересов, не разглашая при этом познannую ими информацию. Органы предварительного расследования, которые юридически являются стороной

обвинения, но фактически реализуют свои государственные полномочия посредством осуществления предварительного расследования, не могут состязаться с участниками уголовно-правового конфликта, поскольку они не обладают равными правами, осуществляют властные полномочия, принимают решение по уголовному делу в досудебных стадиях уголовного процесса.

В целях обеспечения состязательности сторон в досудебном производстве полагаю, что следует ввести обязанность конфликтующих сторон представлять имеющиеся доказательства в ходе досудебного производства, чтобы исключить неоправданную волокиту и возможную фальсификацию доказательств.

*Ложкина Лариса Владимировна,
к.ю.н, доцент кафедры уголовного права и криминологии
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
г. Ижевск*

К ВОПРОСУ О ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРОБАЦИИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ФСИН

Институт пробации введен в России Федеральным законом № 10 от 06.02.2023 «О пробации в Российской Федерации», а ст. 38 данного нормативно-правового акта определила порядок его вступления в силу – с 01.01.2024 года, а для ряда нормативных предписаний – с 01.01.2025 года.

Пробация представлена п. 1 ч. 1 ст. 5 ФЗ № 10 в виде «совокупности мер, применяемых в отношении осуждённых лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, и лиц, освобождённых из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, которые оказались в трудной жизненной ситуации, в том числе ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация, защита прав и законных интересов указанных лиц».

Исходя из фиксированного круга лиц, к которым могут быть адресованы меры, входящие в пробацию, можно выделить осуждённых к различным видам наказания; лиц, отбывающих иные меры уголовно-правового характера, а также лиц, освобождённых из исправительных учреждений и исправительных центров, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Таким образом, законодатель установил три вида пробации: исполнительная, пенитенциарная и постпенитенциарная.

Пенитенциарная пробация определена как «применяемая в отношении осуждённых в учреждениях, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, представляющая собой совокупность мер, направленных на исправление осуждённых, а также на подготовку осуждённых, отбывающих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, к освобождению из указанных учреждений».

Основные цели пенитенциарной пробации связаны с коррекцией социального поведения, ресоциализацией, социальной адаптацией и социальной реабилитацией осуждённых, отбывающих наказание в виде лишения свободы или принудительных работ, а также с превентивным воздействием, направленным на предотвращение совершения новых преступлений.

Под ресоциализацией в п. 5 ч. 1 ст. 5 ФЗ № 10 понимается «комплекс мер социально-экономического, педагогического, правового характера, осуществляемых субъектами профилактики правонарушений в соответствии с их компетенцией и лицами, участвующими в профилактике правонарушений, в целях реинтеграции в общество лиц, освобождённых из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, и (или) лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера».

Сущность социальной адаптации представлена в виде «комплекса мероприятий, направленных на оказание лицам, в отношении которых применяется пробация, содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также иной помощи в целях стимулирования правоопослушного поведения», а социальной реабилитации – как «комплекса

мероприятий по восстановлению утраченных социальных связей и функций лицами, в отношении которых применяется пробация».

Меры, входящие в содержание ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, должны базироваться на принципах, закреплённых ст. 3 ФЗ № 10:

- 1) приоритет прав и законных интересов человека и гражданина;
- 2) гуманизм;
- 3) соблюдение законности;
- 4) рациональность применения мер принуждения, мер исправительного, социального и иного характера и мер стимулирования правопослушного поведения;
- 5) учёт индивидуальных особенностей, обстоятельств и потребностей;
- 6) открытость (прозрачность);
- 7) преемственность, непрерывность, добровольность при применении пробации.

Перечень данных принципов в большей части совпадает с принципами, стоящими перед уголовно-исполнительным законом, что не удивительно, поскольку пенитенциарная пробация и уголовно-исполнительное законодательство объединены субъектным составом и родственностью общественных отношений: пенитенциарная пробация реализуется в процессе исполнения наказания, когда осуждённый пребывает в соответствующем учреждении ФСИН.

Возможность оказания помощи осуждённому в рамках пробации увязана с трудной жизненной ситуацией, в которой пребывает субъект. Пункт 9 ст. 5 ФЗ № 10 к трудной жизненной ситуации относит «обстоятельство или обстоятельства, которые ухудшают условия жизнедеятельности лиц, в отношении которых применяется пробация, и последствия которых они не могут преодолеть самостоятельно». Изданный в ноябре 2023 года приказ Министерства юстиции определяет индивидуальные критерии нуждаемости, оценка которых должна позволить администрации учреждений уголовно-исполнительной системы решить вопрос о нахождении

или ненахождении осужденного в трудной жизненной ситуации. К указанным критериям относятся:

- 1) «необходимость формирования, восстановления либо укрепления семейных и социальных связей;
- 2) необходимость консультирования по социальным и правовым вопросам;
- 3) необходимость получения психологической помощи;
- 4) нуждаемость в содействии в получении документов, необходимых для реализации своих прав;
- 5) необходимость содействия в трудоустройстве;
- 6) необходимость содействия в получении общего образования, среднего профессионального образования, прохождении профессионального обучения, повышении квалификации, прохождении обучения по программам профессиональной переподготовки;
- 7) необходимость содействия в получении государственной социальной помощи на основании социального контракта в соответствии с законодательством Российской Федерации;
- 8) необходимость содействия в получении пособия по безработице;
- 9) необходимость содействия в получении медицинской помощи, выборе медицинской организации и получении полиса обязательного медицинского страхования;
- 10) нуждаемость в предоставлении временного места пребывания;
- 11) необходимость содействия в получении пенсионного обеспечения;
- 12) необходимость содействия в получении социальной помощи, в том числе ветеранам боевых действий;
- 13) необходимость содействия в социальном обслуживании;
- 14) необходимость содействия в получении иной помощи»¹⁹⁴.

¹⁹⁴ О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с ФЗ от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»: приказ

Основные задачи пробации определены в законе и связаны с созданием условий для оказания помощи лицам, в отношении которых применяется пробация, по вопросам восстановления социальных связей, востребованности профессиональных навыков и трудоустройства, обеспечения жильём, получения образования, реализации права на социальное обслуживание, получения медицинской, психологической и юридической помощи в соответствии с законодательством Российской Федерации; обеспечения гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина.

Исходя из сущности и определённых законом задач, пенитенциарная пробация лишена карательных элементов и нацелена на коррекцию поведения осуждённого и оказание ему помощи. Вхождение в программу пенитенциарной пробации и участие в предусмотренных законодательством мероприятиях носит исключительно добровольный характер и зависит от волеизъявления осуждённого. Однако оказание осуждённому помощи не предполагает лишь «жест доброй воли» со стороны государства, предполагается двусторонняя связь субъектов и принятие осуждённым мер исправительного воздействия в период пребывания в исправительном учреждении или исправительном центре. Осуждённый должен демонстрировать своим поведением и отношением к реализуемым средствам исправления позитивное отношение к исправительному процессу, а также определённую степень своего исправления, что оценивается администрацией учреждений ФСИН исходя из отсутствия взысканий, отношения осуждённого к труду, воспитательным мероприятиям. Некоторые средства исправления имеют обязательный характер, что следует из правовых предписаний, при нарушении которых осуждённый может быть привлечен к мерам дисциплинарного воздействия.

Таким образом, «в процессе исполнения наказания пробация реализуется в рамках уголовно-исполнительных правоотношений и выступает не только инструментом оказания социальной и право-

вой помощи, но подразумевает и некоторую обязательность правомерного поведения осуждённого и позитивное отношение к применяемым средствам исправления»¹⁹⁵.

Решение о целесообразности оказания содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации либо об отказе в оказании такого содействия принимает учреждение ФСИН на основании заявления об оказании содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации на основании критериев и методики оценки индивидуальной нуждаемости.

Анализ данных критериев показывает, что признак – индивидуальная нуждаемость – определяется через оценочные критерии, связанные с необходимостью учёта определённых жизненных обстоятельств, индивидуальных особенностей личности и социальной устроенности лица, в отношении которого принимается решение об оказании помощи и содействия. Вероятно, решить вопрос о пробации с использованием чётких формально-определённых критериев и не представляется возможным, т.к. само её предназначение увязывается с содействием лишь определённому кругу лиц, нуждающихся в помощи.

«Огромным достижением в исследуемой сфере деятельности учреждений УИС в сфере пробации осуждённых и лиц, освобождённых из этих учреждений, выступает подготовка индивидуальной программы на каждого осуждённого, на наш взгляд, введение данной системы позволит более адресно оказывать помощь осуждённым, нуждающимся в социальной, бытовой и трудовой реабилитации»¹⁹⁶. В отношении осуждённых к лишению свободы или при-

¹⁹⁵ *Ложкина Л.В.* Правовое регулирование пробации в Российской Федерации // Конституция Российской Федерации: история, современность, новые приоритеты и перспективы : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 30-летию Конституции Российской Федерации. Ижевск : Удмуртский университет, 2024. С. 165-172. URL: <http://elibrary.udsu.ru/xmlui/handle/123456789/22396>.

¹⁹⁶ *Воинцев А.Н.* Некоторые вопросы пенитенциарной пробации в Российской Федерации // Уголовно-исполнительная система на современном этапе с учетом реализации концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года : сб. ст. Междунар. науч.-практ.

нудительным работам её разрабатывает исправительное учреждение или исправительный центр. Ряд авторов выражают сомнения, что «те специалисты, которые сейчас служат в уголовно-исполнительной системе, смогут полноценно оказывать поддержку в рамках пробации по всем указанным Законом о пробации направлениям, особенно учитывая индивидуальный характер пробации в России и тот факт, что данные специалисты уже сейчас имеют значительную нагрузку. По оценке Минюста России служба пробации потребует порядка 50 тысяч сотрудников с навыками в области социального обслуживания и психологии. С этим могут возникнуть большие проблемы, так как уже сейчас в России констатируется нехватка квалифицированных специалистов»¹⁹⁷.

В период осуществления реабилитационно-адаптационных мероприятий возможно внесение изменений в индивидуальную программу. Такая корректировка должна быть обусловлена изменением жизненных обстоятельств или возникновением новых дополнительных нюансов, связанных с потребностями лица. В любом случае инициатором пробации является сам осуждённый, который обращается с заявлением об оказании содействия в ресоциализации, социальной реабилитации и социальной адаптации.

Внедрение института пробации в практику деятельности учреждений ФСИН является существенной мерой социальной поддержки осуждённых и в перспективе инструментом сдерживания рецидивной преступности.

Библиографический список

1. Ложкина Л.В. Правовое регулирование пробации в Российской Федерации // Конституция Российской Федерации: исто-

конф. по проблемам исполнения уголовных наказаний. Рязань, 2022. С. 697. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50284329>

¹⁹⁷ *Темирханов М.А., Руденко А.С.* Некоторые вопросы пенитенциарной пробации в Российской Федерации // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2024. № 1 (52). С. 94. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=64912046>

рия, современность, новые приоритеты и перспективы : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 30-летию Конституции Российской Федерации / М-во науки и высш. образования РФ, ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», Ин-т права, соц. упр. и безопасности, Каф. теории и истории государства и права, Конституция Российской Федерации: история, современность, новые приоритеты и перспективы, Всерос. науч.-практ. конф. ; науч. ред.: Т.В. Решетнева, В.Г. Ившин. – Ижевск : Удмуртский университет, 2024. – С. 165–172. – URL: <http://elibrary.udsu.ru/xmlui/handle/123456789/22396>

2. Воинцев А.Н. Некоторые вопросы пенитенциарной пробации в Российской Федерации // Уголовно-исполнительная система на современном этапе с учетом реализации концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. по проблемам исполнения уголовных наказаний. – Рязань, 2022. – С. 697. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50284329>

3. Темирханов М.А., Руденко А.С. Некоторые вопросы пенитенциарной пробации в Российской Федерации // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. – 2024. – № 1 (52). – С. 94. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=64912046>

Лошкобанова Яна Валерьевна,

к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,

г. Краснодар

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ЭКОНОМИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Исследование процессуальной экономии имеет длительную историю. Отметим несколько, как представляется, знаковых результатов, полученных на разных этапах становления соответствующей области знания.

Е.В. Васьковский считал необходимым осуществлять судопроизводство с наименьшими усилиями, при сбережении времени и расходов, простоте достигаются наибольшие результаты правосудия¹⁹⁸.

А.Ф. Клейман в 1927 году уже определил собственно понятие процессуальной экономии и предлагал рассматривать её как «рационализацию и быстроту гражданского процесса». Процессуальную экономию он связывал с выполнением принципов гражданского процесса¹⁹⁹.

М.А. Гурвич ввёл процессуальную экономию в число принципов гражданского процессуального права²⁰⁰.

М.С. Строгович имел критическое отношение к процессуальной экономии, считая её надуманным понятием и нарушителем законности при расследовании преступлений и разрешении уголовных дел²⁰¹.

О.Н. Диордиева пришла к выводу, что быстрота процесса, в том числе производительность и интенсивность труда работников судебной системы, должна в первую очередь сочетаться с правильностью судебного решения²⁰². Данная позиция интересна сразу по нескольким аспектам: во-первых, процессуальная экономия раскрывается с позиции экономической теории через категории производительность труда и его интенсивность. Во-вторых, определяется взаимосвязь между сугубо экономическими показателями работы судебных органов и процессуальными результатами этой деятельности.

Нам представляется, что такого рода позиция не вполне верная. Производительность труда не может определяться применительно к процессуальной деятельности, это два разных по своей сути направления и, главное, по правилам осуществления деятель-

¹⁹⁸ *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского процесса. 2-е изд. М., 1917. С. 89.

¹⁹⁹ *Клейман А.Ф.* Участие третьих лиц в советском гражданском процессе. Иркутск : Изд. Иркутского университета, 1927. С. 11.

²⁰⁰ *Гурвич М.А.* Принципы советского гражданского процессуального права (Система и содержание) // Советское государство и право. 1974. № 12. С. 24.

²⁰¹ *Строгович М.С.* О единой форме уголовного судопроизводства и пределах её дифференциации // Социалистическая законность. 1974. № 9. С. 51.

²⁰² *Диордиева О.Н.* Подготовка гражданских дел к судебному разбирательству (в судах общей юрисдикции первой инстанции) : монография. М. : Проспект, 2013. С. 35.

ности. Производительность, интенсивность труда может иметь значение для характеристики, например, производственного процесса во многих сферах, где одним из показателей выступает количество выпущенной продукции в единицу времени, т.е. приоритетом выступает результат деятельности.

В судопроизводстве приоритет заключается не столько в скорости, сколько в качествах достигаемого результата. Именно этот приоритет подчёркивает законодатель сразу несколькими правовыми положениями, например, не устанавливая временные ограничения на деятельность суда в судебном разбирательстве. В качестве ещё одного аргумента мы хотим обратить внимание на существенную разницу между категориями «экономия» и «экономика».

Обращаясь к этимологии этих категорий, отметим, что экономия означает сбережение ресурсов, а экономика – их рациональное использование. Несмотря на внешнее сходство, в их смысле имеется большая разница. Не вдаваясь в подробный анализ понятий, укажем лишь на одно отличие: экономия выступает частью экономики, рациональное использование ресурсов достигается в том числе и за счёт их сбережения. Однако экономический результат не всегда основывается на сбережении. Он может рассчитываться исходя из максимально возможных затрат и тем не менее признаваться эффективным.

Мы считаем необходимым скорректировать данную мысль следующим образом. Вряд ли уместно по отношению к судопроизводству выделять производительность труда. Полагаем, что в большей степени есть смысл опираться на степень соответствия процессуальной деятельности и её результата требованиям законодательства. В этом соответствии мы видим прямую и закономерную зависимость: чем более чётким выступает соответствие между указанными элементами, тем большая часть процессуальных ресурсов окажется в режиме сбережения, будет достигаться эффект процессуальной экономии.

В настоящее время наряду с понятием «процессуальная экономия» появился термин «экономичный процесс», как процесс, полностью освобождённый от формальных препон, но при этом

достигающий своей цели²⁰³. Эта позиция, как и предыдущая, оценивается нами критически. И наряду с указанным выше считаем возможным привести ещё одно соображение: перестановка слов, замена их синонимами не даёт качественного изменения используемой терминологии. В связи с чем уже традиционное и устоявшееся в науке понятие (хотя и вызывающее дискуссии) нам представляется предпочтительнее его замены на новое, требующее дополнительной аргументации.

Современное развитие процессуальной науки и не только в уголовном судопроизводстве, но и в его цивилистических формах, идёт по пути признания за процессуальной экономией статуса принципа. Высказываются следующие суждения: «Процессуальная экономия – это базовое начало, идея, на основании которой суды и участники процесса стремятся к рациональному использованию процессуальных средств и своих процессуальных прав и обязанностей в достижении эффективного, своевременного и правильного разрешения дела с использованием наименьших трудовых и временных затрат. Идея рациональной процессуальной экономии должна оказывать реальное влияние на формирование конкретных законодательных тенденций в сфере гражданского судопроизводства»²⁰⁴.

Для выстраивания именно такого вектора, на первый взгляд, имеются объективные основания. Так, Конституционный Суд Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ) отмечает, что нормы процессуального закона, регулирующие осуществление лицами процессуальных прав, должны отвечать требованиям процессуальной эффективности, экономии в использовании средств судебной защиты и тем самым обеспечивать справедливость судебного решения, без чего недостижим баланс публично-правовых и частноправовых интересов. Вместе с тем суд указал, что процессуальная экономия как таковая не является для законодателя

²⁰³ *Лугинец Э.Ф.* Соотношение идеи «процессуальной свободы» и усмотрения следователя // Вестник Удмуртского университета. Сер. «Экономика и право». 2015. № 2-4. С. 115.

²⁰⁴ *Артизанов А.И.* К понятию процессуальной экономии и о её значении в отправлении правосудия // Российский судья. 2020. № 6. С. 64.

самоцелью, поскольку в первую очередь призвана заложить основу для организационно наиболее быстрого и эффективного разрешения дел в судебной системе²⁰⁵.

В другом решении Конституционный Суд РФ указал: «Реализация закреплённой статьей 154 УПК Российской Федерации возможности, преследуя цель процессуальной экономии, вместе с тем в качестве обязательного условия предполагает, что раздельное производство по уголовным делам не должно препятствовать всесторонности и объективности предварительного расследования и разрешения ни одного из них»²⁰⁶.

То обстоятельство, что Конституционный Суд РФ признает факультативную значимость процессуальной экономии и указывает на необходимость установления баланса частных и публичных интересов посредством справедливого процессуального решения, подтверждает наш предыдущий вывод о приоритетах в судопроизводстве (не быстрота, но законность и справедливость), а также исключает позиционирование процессуальной экономии как официального принципа судопроизводства, в том числе и уголовного.

В этом направлении у Конституционного Суда РФ имеется ещё не одно постановление, с аналогичным выводом и правовой позицией. Например, указывается на такое обстоятельство, как ориентация законодателя (при регулировании процессуальных отношений – Я.Л.) на учёт целей процессуальной эффективности, экономии в использовании средств судебной защиты²⁰⁷.

²⁰⁵ По делу о проверке конституционности положения пункта 5 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.Ю. Какуева : постановление Конституционного Суда РФ от 19 июля 2011 г. № 17-П // Российская газета. 2011. 27 июля.

²⁰⁶ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Борисова Владислава Игоревича на нарушение его конституционных прав пунктом 4 части первой статьи 154 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 21 июля 2022 г. № 2027-О // ИПП «ГАРАНТ».

²⁰⁷ По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процес-

Верховный суд Российской Федерации поддерживает эту направленность и отмечает, что процессуальная экономия выступает важным элементом в практической деятельности²⁰⁸. И в этой части мы вновь подчеркнём, что речь идёт о практической деятельности, при этом процессуальная экономия вновь не называется, как обязательное её (практической деятельности) свойство.

Отметим, что процессуальная экономия законодателем не устанавливается в качестве императивного положения, правила и не включается им в содержание ни одного процессуального закона.

Соответственно, можно заключить, что процессуальная экономия, несмотря на всё то значение, которое придаётся ей в научной доктрине и правоприменительной деятельности, остаётся вне рамок законодательного регулирования и не относится к числу обязательных требований.

Таким образом, процессуальная экономия представляется как одно из факультативных условий осуществления процессуальной деятельности.

Отдельного рассмотрения процессуальная экономия требует применительно к уголовному судопроизводству. Этой категории уделяется повышенное внимание, обусловленное стремлением выработать наиболее рациональные средства для ускорения уголовного судопроизводства. Для этого процесса есть определённые причины. Так, введённая ст. 6¹ УПК РФ определила разумный срок осуществления уголовного судопроизводства, строго не «привязанный» к императивным срокам производства отдельных процессуальных действий или принятию решений. Соответственно, получилось двухфакторное регулирование длительности уголовного судопроизводства

судопроизводства Кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ "Нижнекамскнефтехим" и "Хакасэнерго", а также жалобами ряда граждан : постановление Конституционного Суда РФ от 05 февраля 2007 г. № 2-П // СЗ РФ. 2007. № 7, ст. 932.

²⁰⁸ Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 2 (2022) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12.10.2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 11.

производства. С одной стороны, чётко определённые сроки с различной степенью детализации длительности: от конкретного предписания их совершения в течение часов – задержание до 48 часов (ст. 91 УПК РФ), суток – представление следователем результатов производства следственных действий, ограничивающих права граждан, для осуществления судебного контроля за законностью их производства – до 3 суток (ч. 5 ст. 165 УПК РФ), месяцев – длительность заключения под стражу (ст. 108 УПК РФ); незамедлительно – направление следователем копии постановления об отказе в возбуждении уголовного дела прокурору (ч. 4 ст. 146 УПК РФ).

Масштабность использования формулировок закона в части регулирования сроков (в течение, до..., незамедлительно и др.) наводит на мысль о том, что в совокупности с установленным правилом о разумном сроке они (формулировки, регулирующие сроки) и определяют такое условие осуществления уголовного судопроизводства, как процессуальная экономия.

Если буквально постараться выразить замысел законодателя в этой части, то он может иметь следующую формулу: чем быстрее совершается действие, принимается решение (фактор экономии) с учётом складывающейся процессуальной ситуации (фактор разумности), тем лучше для результатов уголовного судопроизводства и его назначения.

Однако сроки составляют только один из элементов процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве. Отметим весьма большое значение, которое придают учёные фактору сокращения объёма процессуальных действий. И в этой части отмечается, что «В разумном ограничении нуждаются не только сроки судопроизводства. Без экономии привлекаемых сил и средств невозможно эффективное достижение целей уголовного процесса...»²⁰⁹.

А.И. Цыреторов пишет о возможности применения подзаконных нормативных актов в уголовном судопроизводстве в качестве источников уголовно-процессуального права (в частности в сфере

²⁰⁹ *Махмутов М.В.* Принцип процессуальной экономии – начало положено // *Законность.* 2010. № 12. С. 35.

проверки сообщений о преступлениях). Также он видит определённую закономерность в законодательном закреплении упрощённых форм досудебного производства, отражающую стремление законодателя к более чёткому выражению идеи процессуальной экономии²¹⁰.

Приведём также выдержку из ещё одного постановления Конституционного Суда РФ: «...полномочия судов, разрешающих вопрос о содержании под стражей, <...> определяются законодателем с учётом требований эффективной реализации публичных функций правосудия, оптимизации судебной нагрузки, процессуальной экономии»²¹¹.

Приведённые правовые позиции, мнения учёных свидетельствуют о достаточно противоречивой ситуации, сложившейся в науке и практике.

С одной стороны, процессуальная экономия не имеет законодательного закрепления и, соответственно, не обладает императивностью для правоприменителя.

С другой – имеются определённые факторы в законодательном регулировании, определяющие формирование тенденции, направленной к выполнению этого условия в практической деятельности. Проявляется всё большая настойчивость в том, чтобы с научной точки зрения поддержать развитие процессуальной экономии и тем самым обеспечить её закрепление в статусе принципа уголовного судопроизводства.

Наша позиция несколько отличается от преобладающих научных точек зрения по этому вопросу. Мы не склонны рассматривать процессуальную экономию обязательным фактором, который обеспечивает достижение назначения уголовного судопроизводства. Напомним, что именно назначение законодателем рассмат-

²¹⁰ *Цыреторов А.И.* Подзаконные нормативные правовые акты как источники уголовно-процессуального права // Журнал российского права. 2023. № 2. С. 104.

²¹¹ По делу о проверке конституционности статьи 242 и частей первой и третьей статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.С. Мамонтова : постановление от 15 февраля 2022 г. № 6-П // СЗ РФ. 2022. № 9 (Ч. II), ст. 386.

ривается даже не как один из принципов (хотя и получил своё закрепление именно в гл. 2 УПК РФ), а как магистральное направление развития всего уголовно-процессуального законодательства, включая его принципы.

Назначение же уголовного судопроизводства в совокупности с разумностью сроков его реализации даёт вполне чёткий сигнал правоприменителю об условиях его деятельности, включая потребность разумно выстраивать процессуальную деятельность, сберегая ресурсы времени, сил и т.д.

Нам представляется, что отдельное закрепление процессуальной экономии как принципа уголовного судопроизводства будет иметь гораздо больше негативных последствий, чем принесёт пользы. Так, появление указанного принципа потребует от правоприменителя в обязательном порядке выполнять его при совершении процессуальных действий. Однако при отсутствии чёткости не только в понимании его смысла (при имеющейся дискуссии о его сущности), но и буквального выражения (процессуальная экономия, экономический процесс), правоприменитель лишён возможности правильно понимать эту идею. Соответственно, появятся препятствия в виде различного истолкования, ошибки в применении, как следствие, жалобы на нарушения, и в целом появляется отсутствующий в настоящее время большой объём дополнительных проблем, требующих своего разрешения.

Также считаем, что, вводя принцип процессуальной экономии, законодатель рискует получить весьма негативный результат, когда при буквальном истолковании его содержания правоприменители будут стремиться к скорости, а не к качеству (которое и так подвергается сегодня справедливой критике) проведения процессуальной деятельности, и получать результаты далёкие от тех, которые рассматриваются как законные, обоснованные и справедливые, как соответствующие назначению уголовного судопроизводства.

И, наконец, ещё один аргумент. Процессуальная экономия и сегодня является достаточно чётким ориентиром для следователя, суда и иных властных субъектов уголовного судопроизводства,

и даже для его участников (ч. 2 ст. 112, ч. 3 ст. 113 УПК РФ). При надлежащем понимании установленных правил уголовного судопроизводства сложно действовать вне рамок и режима процессуальной экономии, даже имеющей виртуальный характер.

В то же время мы далеки от мысли, что процессуальная экономия достаточным образом обеспечивается действующим уголовно-процессуальным законом. Полагаем, что правы те учёные, которые направляют свои усилия на поиск путей решения по упрощению формальной стороны уголовного судопроизводства. И в этой части можно отметить многочисленные и, как представляется, полезные результаты, уже полученные в указанном направлении. Так, Б.Я. Гаврилов считает возможным «инициирование изменения обвинения (в рамках судебного разбирательства без возвращения уголовного дела для дополнительного расследования – Я.Л.) на более тяжкое исключительно стороной обвинения и создание достаточных гарантий обеспечения права обвиняемому на защиту от нового обвинения»²¹², обосновывая свои соображения в том числе и идеей процессуальной экономии.

Нам представляется такое решение вполне достойным того, чтобы на него обратил внимание законодатель, тем более что такого рода правило вполне способно не только сократить сроки производства по уголовным делам, но и упростить формальную его сторону.

В целом, подводя итог, отметим основные выводы.

1. Процессуальная экономия в настоящее время составляет важное условие для осуществления уголовно-процессуальной деятельности, позитивно отражаясь на характере достигнутых результатов. В то же время его законодательное (буквальное) закрепление в какой бы то ни было форме представляется излишним и видится как фактор, способный создать дополнительные проблемы для правоприменителя.

²¹² *Гаврилов Б.Я.* Институт дополнительного расследования: видение законодателя и правоприменительная практика // Уголовное судопроизводство. 2022. № 4. С. 6–11.

Процессуальная экономия как уголовно-процессуальный принцип способна создать конкуренцию назначению уголовного судопроизводства, привести к нивелированию назначения и усугубить ситуацию с законностью в части обеспечения прав потерпевших, обвиняемых и иных лиц.

2. Действующее уголовно-процессуальное законодательство формирует идею процессуальной экономии, но потенциал этого условия ещё далеко не исчерпан. Поэтому поиски путей оптимизации уголовно-процессуальной деятельности как в части сокращения сроков совершения действий и/или принятия решений, так и в разумном ограничении формальных требований к их содержанию, этапам производства, должны продолжаться.

Библиографический список

1. Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. – 2-е изд. – М., 1917. – 429 с.

2. Клейман А.Ф. Участие третьих лиц в советском гражданском процессе. – Иркутск : Изд. Иркутского ун-та, 1927. – 83 с.

3. Гурвич М.А. Принципы советского гражданского процессуального права (Система и содержание) // Советское государство и право. – 1974. – № 12. – С. 20–27.

4. Строгович М.С. О единой форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации // Социалистическая законность. – 1974. – № 9. – С. 50–53.

5. Диордиева О.Н. Подготовка гражданских дел к судебному разбирательству (в судах общей юрисдикции первой инстанции) : монография. – М. : Проспект, 2013. – 206 с.

6. Лугинец Э.Ф. Соотношение идеи «процессуальной свободы» и усмотрения следователя // Вестник Удмуртского университета. Сер. «Экономика и право». – 2015. – № 2-4. – С. 115–119.

7. Артизанов А.И. К понятию процессуальной экономии и о ее значении в отправлении правосудия // Российский судья. – 2020. – № 6. – С. 61–64.

8. Махмутов М.В. Принцип процессуальной экономии – начало положено // Законность. – 2010. – № 12. – С. 35–36.

9. Цыреторов А.И. Подзаконные нормативные правовые акты как источники уголовно-процессуального права // Журнал российского права. – 2023. – № 2. – С. 101–111.

10. Гаврилов Б.Я. Институт дополнительного расследования: видение законодателя и правоприменительная практика // Уголовное судопроизводство. – 2022. – № 4. – С. 6–11.

Машинникова Наталья Олеговна,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса
и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО
«Удмуртский государственный университет»,
г. Ижевск

СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Занимаясь исследованиями в области уголовно-правовых наук, следует исходить из того, что уголовный процесс – это жизнь уголовного права, в связи с чем исследование сущностных вопросов судопроизводства не может не затрагивать общих аспектов уголовно-правового законодательства. В этой связи, рассматривая нормы материального права как основание для возникновения процессуальных отношений, а уголовно-процессуальные нормы в качестве средства для реализации норм материального права, в первую очередь необходимо выявить их социальные основания, позволяющие правильно определить цель, задачи и назначение уголовного судопроизводства как комплексного института, обеспечивающего уголовно-правовую охрану личности, общества и государства.

В основе необходимости применения норм как материального, так и процессуального права лежит социальный конфликт. Однако природа таких конфликтов различна.

Все социальные конфликты в уголовном судопроизводстве можно разделить на три вида:

- уголовно-правовые конфликты;
- уголовно-процессуальные конфликты;

– иные сопутствующие конфликты, обусловленные межличностными отношениями и опосредованные социальным статусом его участников.

Уголовно-правовой конфликт

Конфликтность общественно-опасного поведения, запрещённого законом под угрозой наказания, обусловлена его потенциальной противоправностью, поскольку такое поведение всегда направлено на нарушение либо угрозу нарушения наиболее значимых прав личности, общества и государства. Объектом в данном случае может выступать как то благо (например собственность), по поводу которого возникло поведение, обладающее признаком преступности (разного рода хищения), так и само такое поведение, как следствие усиления депривации, выливающейся в агрессию как реакцию на фрустрацию (хулиганство, вандализм и др.). В последнем случае в качестве блага можно рассматривать безопасность субъекта либо общественный порядок.

Уголовно-правовой конфликт в большинстве случаев имеет социальные корни, но в некоторых случаях может иметь межличностные. В качестве примера следует привести длительное пренебрежение нуждами членов семьи либо совершение действий, унижающих человеческое достоинство, которое в итоге провоцирует совершение в отношении абыюзера насильственного преступления. Исходя из чего можно сделать вывод о том, что источником социального конфликта (конфликта более высокого уровня), к числу которых относится и уголовно-правовой конфликт, могут являться конфликты более низкого уровня.

Уголовно-правовые нормы предназначены для структурирования общественно-опасного поведения личности, за которое посредством государственного принуждения возможна её дальнейшая стигматизация. Именно неправомерное поведение, по мнению В.В. Лазарева, является основанием к возбуждению процесса по реализации карательных норм права²¹³.

²¹³ Лазарев В.В. Применение советского права. Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1972. С. 9.

Между тем уголовно-правовые нормы – это не только совокупность запретов под угрозой наказания, но и нормы, упрямочивающие личность на определённый вид поведения, например необходимая оборона как правомерное причинение вреда при нападении на человека. Обе формы являются следствием противоречий потребностей, интересов либо целей лиц, провоцирующих уголовно-правовой конфликт, а также лиц, вовлекаемых в него против своей воли. Таким образом, уголовно-правовой конфликт может возникнуть как из неправомерного, так и правомерного поведения. Однако наиболее вероятно его возникновение при обстоятельствах, когда в определённой степени есть основание полагать, что совершено преступление, но установление наличия либо отсутствия обстоятельств его совершения происходит ретроспективно в уголовном судопроизводстве.

В этой связи уравнивание уголовно-правового конфликта с фактом преступного деяния (событием преступления) является неверным, поскольку в рамках уголовного судопроизводства может быть установлено отсутствие как события, так и состава преступления. Получается, что изначально преступление как факт объективной действительности отсутствовало, но уголовно-процессуальные отношения с присущими им характерными особенностями имели место.

Кроме того, следует иметь в виду, что интерес лица применить уголовно-правовую норму может быть как законным, так и нет, а сама возможность незаконного уголовного преследования как форма негативного проявления уголовного судопроизводства, с которой необходимо бороться в установленном законом порядке, допускается действующим уголовно-процессуальным законодательством.

Потребность во введении новых уголовно-правовых запретов обуславливается таким состоянием совокупности социальных процессов, при котором действия, отклоняющиеся от нормы и оцениваемые негативно, превышают допустимый предел, угрожая установленному течению процессов общественной жизни. Такое явление Ян Щепаньский определил как дезорганизацию²¹⁴. Так, например,

²¹⁴ *Щепаньский Я.* Элементарные понятия социологии. М., 1969. С. 202.

включение в 2018 г.²¹⁵ в ч. 3 ст. 158 УК РФ пункта «г», а также введение в оборот новой нормы – статьи 159.3 УК РФ²¹⁶, было обусловлено резко возросшим количеством хищений бесконтактным способом. Следовательно, введение новых уголовно-правовых запретов при таких обстоятельствах направлено на предупреждение масштабной конфликтной ситуации. Однако без должного механизма пресечения и раскрытия таких преступлений, а также без справедливого рассмотрения дела по существу в суде, одних запретов недостаточно, а урегулирование уголовно-правового конфликта происходит в установленном уголовно-процессуальном законодательством порядке.

Уголовно-правовой конфликт, как любой социальный конфликт, обусловлен социальным противоречием, но имеет особенность по составу участвующих в нём сторон, поскольку в силу публичного способа его разрешения, в него, помимо двух конфликтующих сторон в качестве специального субъекта, уполномоченного на его разрешение, вовлекается государство в лице его правоохранительных и судебных органов.

Таким образом, уголовно-правовой конфликт как социальное явление, характеризующееся нарушением баланса интересов личности, общества и государства, требует своего разрешения по существу и ликвидации его последствий с помощью уголовно-процессуальных средств.

Уголовно-процессуальный конфликт

Социальная ценность уголовного судопроизводства обусловлена существованием государственно-правового института, формирующего механизм разрешения уголовно-правового конфликта.

Уголовное судопроизводство как социальное явление обусловлено широким спектром социально-правовых связей и состоит из совокупности объективных и субъективных элементов, опосредующих

²¹⁵ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 23.04.2018 № 111-ФЗ.

²¹⁶ Введена в действие Федеральным законом от 29.11.2012 № 207-ФЗ.

социальный статус человека, его поведенческие особенности и межличностное взаимодействие (коммуникацию). Если социальный статус, опосредованный объективным элементом, достаточно стабилен и предсказуем, то субъективный элемент, как справедливо отмечает С.Л. Лонь, может быть реализован «противоречиво, неадекватно <...> в нестандартном поведении человека или людей»²¹⁷.

Рассматривая уголовно-процессуальное право как средство социального воздействия, а само уголовное судопроизводство с позиции его восприятия как специфического явления в жизни общества, являющегося одновременно регулятором общественных отношений, следует обратить внимание на неотъемлемое свойство уголовного процесса, которое не часто становится предметом исследований – это его конфликтность.

Каждый участник уголовного судопроизводства наделён определённым процессуальным статусом, характеризующимся собственным набором прав, обязанностей, полномочий, функциональным назначением. В свою очередь, каждое лицо, наделённое процессуальным статусом, имеет собственные процессуальные потребности и интересы.

Конфликт – это не только допустимое, но и необходимое явление в уголовно-процессуальных правоотношениях. Конфликтность процессуальной деятельности обусловлена совокупностью объективных и субъективных причин и является одним из уголовно-процессуальных средств разрешения материального конфликта.

С одной стороны, свойство конфликтности вложено в конструкцию уголовного судопроизводства самим законодателем не только посредством установления правовых запретов, возложения обязанностей, ограничения прав и свобод, принуждения к совершению определённых действий, но и через его базовые свойства – презумпцию невиновности, состязательность, функции обвинения и защиты

²¹⁷ *Лонь С.Л.* Философские и социально-правовые основы уголовного процесса // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Ч. 29 / под ред. д.ю.н. М.К. Свиридова. Издательство Томского университета, 2005. С. 13–20.

и т.д. В связи с чем уголовно-процессуальные нормы могут порождать социальный конфликт, предотвращать и разрешать его в установленном ими же порядке.

Состязательность сторон, предусмотренная ст. 15 УПК РФ, с одновременным запретом суду становиться на сторону обвинения либо защиты и возложением на него обязанности принимать как процессуальные решения, так и решение по существу на основе внутреннего убеждения, предполагает конкурентное поведение сторон, а значит, и конфликт.

С другой стороны, конфликтность уголовного судопроизводства обусловлена противоречиями целей, потребностей и интересов субъектов, так или иначе вовлекаемых в уголовно-процессуальную деятельность. Такие противоречия могут иметь как социальный, так и психологический контекст, поскольку конфликт в сфере уголовного судопроизводства может быть детерминирован не только социальным статусом его участника, но быть обусловлен внутриличностными и межличностными противоречиями его участников и иных лиц, в него вовлечённых.

Следовательно, конфликтность уголовного судопроизводства обусловлена особенностью правовой конструкции процессуальных норм и тем, что его участниками являются люди, часть которых обременена не только процессуальным статусом, но ещё и должностными обязанностями в совокупности с властно-распорядительными полномочиями, а часть, при наличии у них процессуального статуса, в полной мере ощущают на себе реализацию первыми таких полномочий. При этом и те, и другие имеют не только процессуальные, но и личные, а также социальные потребности и интересы, которые могут противоречить аналогичным потребностям другого участника судопроизводства, а также конфликтовать между собой. Так, например, властный субъект правоприменения, принимая то или иное процессуальное решение, может находиться во внутреннем конфликте, обусловленном противоречием социального интереса (необходимостью поступить в соответствии с нормами морали) и процессуальным, а иногда и ведомственным интересом, обусловленным статистикой и показателями.

Предпосылкой возникновения конфликта в рамках уголовно-процессуальных отношений является проверка обоснованности необходимости применения норм материального уголовного права. Следовательно, уголовное судопроизводство всегда обусловлено конфликтом в области материального права. Оно протекает во времени и пространстве, вовлекая в себя необходимое число субъектов. Уголовный процесс имеет определённые этапы, в ходе которых возникают, развиваются и тем или иным способом завершаются множество конфликтов, опосредованных главным конфликтом, являющимся основанием к началу уголовного судопроизводства. Главный вопрос, на который должен быть дан ответ в уголовном судопроизводстве, обусловлен необходимостью разрешения материального конфликта.

К иным сопутствующим конфликтам, обусловленным межличностными отношениями и опосредованным социальным статусом его участников, относятся все побочные сопутствующие уголовному судопроизводству конфликты, которые в силу их особенностей нельзя отнести ни к уголовно-правовым, ни к уголовно-процессуальным (например конфликт между участниками очной ставки (свидетелями по уголовному делу), обусловленный их личными неприязненными отношениями).

Возвращаясь к уголовно-правовому и уголовно-процессуальному конфликтам, следует осветить вопросы их природы и роли в функционировании комплексного института, обеспечивающего уголовно-правовую охрану личности, общества и государства.

Если исходить из того, что уголовно-правовой конфликт обусловлен обстоятельствами, которые подлежат оценке с точки зрения уголовного законодательства, то можно предположить, что такой конфликт является способом разрешения противоречий потребностей, интересов и целей причинителя вреда и потерпевшего от его противоправных действий (наказать убийцу, взяточника или распространителя наркотических средств). Тогда уголовно-процессуальный конфликт является средством разрешения таких противоречий.

Источниками новых уголовно-правовых и уголовно-процессуальных потребностей и интересов являются социальные, полити-

ческие и экономические процессы, обусловленные изменением форм общественных отношений. Применительно к ним право как материальное, так и процессуальное следует рассматривать в двух аспектах:

– в динамике, что позволяет исследовать уголовное и уголовно-процессуальное право как неотъемлемую часть социальной реальности в её историческом контексте;

– «в моменте», что, в свою очередь, предполагает изучение правовых норм как социально-правового явления в условиях, определяющих его актуальных социально-экономических и политических обстоятельств.

Социальным основанием применения норм материального уголовного права является возникновение уголовно-правового конфликта как следствия противоправного общественно-опасного поведения лица или группы лиц, повлекшего за собой нарушение либо угрозу нарушения наиболее значимых прав личности, общества или государства. В свою очередь, необходимость разрешения уголовно-правового конфликта предполагает использование для этого уголовно-процессуальных средств, которые должны обеспечить законность, обоснованность и справедливость (соразмерность) как процедуры (совокупности процессуальных действий и решений), в рамках которой подлежит установлению необходимости применения уголовно-правовых норм, так и её результата – решение по делу. При этом годность таких средств, в контексте их эффективности и соразмерности, имеет ключевое значение для разрешения уголовно-правового конфликта.

Уголовно-процессуальное законодательство не имеет самостоятельного значения, поскольку является процессуальной предпосылкой для применения норм материального уголовного права, в связи с чем его целевые характеристики следует искать в контексте последнего. Социальным основанием уголовного судопроизводства является необходимость разобраться в наличии либо отсутствии правовых оснований для применения норм материального права. Используемые для этого уголовно-процессуальные средства должны в максимальной степени эффективно разрешить материальный конфликт.

Библиографический список

1. Лазарев В.В. Применение советского права. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1972. – 200 с.
2. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. – М., 1969.
3. Лось С.Л. Философские и социально-правовые основы уголовного процесса // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Ч. 29 / под ред. д.ю.н. М.К. Свиридова. – Изд-во Томского университета, 2005. – С. 13–20.

Резянов Айдар Айратович,

*к.ю.н., зам. генерального директора по юридическим
и общим вопросам ООО «ИнвестСтройЗаказчик»,
г. Стерлитамак*

ПРЕКРАЩЕНИЕ ПРОКУРОРОМ УГОЛОВНОГО ДЕЛА, ПОСТУПИВШЕГО С ОБВИНИТЕЛЬНЫМ АКТОМ

Прекращение прокурором уголовного дела, по которому производство предварительного расследования осуществлялось в форме дознания, вызывает ряд вопросов. Согласно ст. 212 УПК РФ производство предварительного расследования по уголовному делу может быть прекращено следователем или дознавателем по основаниям, указанным в ст. 24–28 УПК РФ. В п. 3 ч. 1 ст. 226 УПК РФ установлено, что уголовное дело, поступившее с обвинительным актом, может быть прекращено прокурором по основаниям, установленным в указанных статьях.

Прокурор в силу возложенных на него полномочий осуществляет надзор за деятельностью дознавателя при осуществлении им производства дознания, уголовное преследование и процессуальное руководство расследованием в форме дознания²¹⁸. Согласно

²¹⁸ См.: Гринюк Е.Н., Зайцева Е.А. Роль прокурора в обеспечении прав участников досудебного производства по уголовным делам. Волгоград : Изд-во Волгогр. акад. МВД России. 2013. 207 с.

ч. 2 ст. 37 УПК РФ он вправе «давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий», также отменять незаконные или необоснованные постановления дознавателя. Дознаватель при производстве дознания по уголовному делу согласует принятие процессуально значимых решений с прокурором. Направление уголовного дела с обвинительным актом для его утверждения и последующего направления прокурором в суд осуществляется дознавателем по итогам производства дознания, если у него не возникает сомнений в целесообразности принятия указанного решения.

Дознаватель направляет уголовное дело с обвинительным актом, который согласовывает с начальником органа дознания. Бесспорно, что решение о направлении уголовного дела с обвинительным актом может быть принято только при наличии достаточных доказательств, посредством которых была установлена, по мнению дознавателя и начальника органа дознания, виновность лица в совершении преступления. При наличии сомнений в причастности лица к совершению преступления, отсутствии доказательств, подтверждающих его виновность, уголовное дело не может быть направлено для рассмотрения в суд.

Следует отметить, что решения, принимаемые прокурором, дознавателем, начальником органа дознания, имеют дискреционный характер²¹⁹, т.е. принимаются ими по своему усмотрению при наличии возможности выбора. Одновременно следует отметить, что на принятие решений дознавателями влияет необходимость получения положительных статистических показателей²²⁰. Указанная

²¹⁹ См.: *Конярова Ж.К.* Дискреционные полномочия прокурора и проблемы их реализации на досудебных стадиях уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2008; *Буланова Н.В.* Дискреционные полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве: содержание и реализация // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 1; *Ларина А.В.* Дискреционные полномочия прокурора в досудебном производстве России и других стран СНГ (сравнительно-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018 и др.

²²⁰ См.: *Томин В.Т.* Острые углы уголовного судопроизводства. М., 1991.

проблема имеет место и в настоящее время, в связи с чем при принятии решения о форме окончания производства дознания по уголовному делу во внимание принимается не необходимость восстановления социальной справедливости, принятие объективного и справедливого решения, а возможность достижения положительных показателей числа завершённых производством уголовных дел с обвинительным актом и направления их в суд для постановления приговора. Таким образом, на принятие решений дознавателем по окончании производства дознания часто влияет желание улучшить показатели работы подразделения дознания по числу направленных в суд уголовных дел. В результате подобного подхода вопрос о возможности прекращения уголовного дела не рассматривается.

Прекращение уголовного дела не может и не должно рассматриваться как отрицательный результат производства предварительного расследования, поскольку данное решение принимается с учётом всех установленных обстоятельств совершённого преступления. Если возможно прекратить уголовное дело, то следует исходить из целесообразности принятия такого решения вне зависимости от ведомственных показателей.

Законодатель установил дискреционные основания прекращения уголовного дела²²¹, что позволяет принять решение о прекращении уголовного дела как по реабилитирующим, так и по не реабилитирующим основаниям. Кроме того, прекращение уголовного дела может быть принято как при окончании предварительного расследования, так и прокурором при изучении поступившего к нему с обвинительным заключением или обвинительным актом уголовного дела, либо при рассмотрении уголовного дела в суде как на предварительном слушании, так и при рассмотрении уголовного дела по существу.

²²¹ См.: *Солонина С.Ю.* К вопросу о допустимости существования дискреционных оснований прекращения уголовного преследования в отношении несовершеннолетних // Молодой ученый. 2015. № 10 (90). С. 931–934; *Кучеров Г.Н.* Дискреционная модель правового регулирования прекращения уголовного дела и уголовного преследования: pro et contra // Актуальные проблемы российского права – ноябрь. 2020. Том XV. № 11 (120). С. 214–222 и др.

Прокурор, осуществляя надзор за деятельностью дознавателя при производстве дознания по уголовному делу, изначально знает все его нюансы, что позволяет ему сформировать мнение о целесообразности прекращения производства по уголовному делу или направлению его в суд. Поскольку прокурор осуществляет процессуальное руководство производством дознания, то он должен обладать полномочиями по даче указаний дознавателю о прекращении уголовного дела. В этой связи сложно согласиться с мнением М.А. Лавнова о необходимости предоставления прокурору «в пределах своей компетенции самостоятельно принимать решение о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в досудебном производстве»²²².

При даче указаний дознавателю о прекращении уголовного дела, у дознавателя будет возможность реализовать своё право по обжалованию указаний прокурора у вышестоящего прокурора, т.е. прокурор не сможет подменить при принятии решения дознавателя, который в процессе дознания реализует свои дискреционные полномочия. Если предоставить прокурору право изымать у дознавателя уголовное дело и принимать самостоятельно решение о его прекращении, то в данном случае будут возникать вопросы о злоупотреблении полномочиями прокурора, который будет препятствовать принятию дознавателем решения по уголовному делу. Предоставив право прокурору прекращать уголовное дело после его поступления с обвинительным актом, законодатель исключил возможность подмены решений дознавателя.

Г.Н. Кучеров отмечает, что «действующее нормативное регулирование деятельности прокурора в уголовном процессе не предоставляет ему процессуального механизма проверки наличия и самостоятельного установления условий, необходимых для принятия

²²² См.: *Лавнов М.А.* Формы деятельности прокурора при реализации норм института прекращения уголовного дела (уголовного преследования) // *Право: история и современность* № 4 (13). 2020. С. 88–96.

решения о прекращении уголовного дела...»²²³. В связи с чем предлагает закрепить в ч. 2 ст. 37 УПК РФ полномочия прокурора «...по проведению дополнительных следственных и процессуальных действий по проверке и самостоятельному установлению обстоятельств, разрешению ходатайств, а также получению заявлений и иных документов, необходимых для принятия законного и обоснованного решения о прекращении уголовного дела»²²⁴.

Полагаю, что данное предложение является излишним. Прокурор при выполнении своих надзорных полномочий и осуществлении процессуального руководства дознанием обязан обеспечить получение всей необходимой информации для принятия решения дознавателем, которая должна содержаться в материалах уголовного дела, поступивших с обвинительным актом. Прокурор, оценивая имеющиеся в деле доказательства, установив наличие оснований и условий для его прекращения, может принять соответствующее решение. Предоставление прокурору предлагаемых Г.Н. Кучеровым полномочий, приведёт к необходимости дальнейшего изменения законодательства, усложнению процедуры, поскольку возникнет вопрос о необходимости урегулирования вопросов, связанных с реализацией прокурором следственных действий по уголовному делу, завершённого производством, а также ознакомления с материалами уголовного дела, возможности обжалования решения и др.

Прекращение уголовного дела, поступившего с обвинительным актом, прокурор принимает в рамках своих полномочий на основе исследованных доказательств. При принятии указанного решения прокурор реализует собственные полномочия. Его решение могут оспорить представители сторон в случае, если они с ним не согласны.

²²³ См.: *Кучеров Г.Н.* О механизме реализации полномочий прокурора по прекращению уголовных дел, расследованных в форме дознания // Система функций прокуратуры Российской Федерации (Сухаревские чтения) : сб. материалов VI Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 9 окт. 2020) / под общ. ред. О.С. Капинус ; науч. ред. А.Ю. Винокуров ; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. М., 2021. С. 270.

²²⁴ См.: *Кучеров Г.Н.* Там же. С. 271.

*Резянов Артур Айратович,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного права
Стерлитамакского филиала УУНиТ,
г. Стерлитамак*

МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ В ОТНОШЕНИИ СВИДЕТЕЛЕЙ В ОТДЕЛЬНЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Уголовно-процессуальное принуждение установлено в уголовно-процессуальном законодательстве всех государств, но имеет особенности, связанные с внутренней политикой каждого отдельно взятого государства. Исследование вопросов применения уголовно-процессуального принуждения к свидетелям по законодательству зарубежных государств позволит установить наиболее оптимальные варианты его использования в целях обеспечения их надлежащего поведения в уголовном судопроизводстве, выполнение ими возложенных на них обязанностей.

В статье 95.1 УПК Азербайджанской Республики (далее – УПК АР) дано понятие свидетеля: «Лицо, которому известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для дела, может быть вызвано и допрошено в качестве свидетеля стороной обвинения – во время предварительного расследования или судебного разбирательства, а стороной защиты – во время судебного разбирательства»²²⁵. В ходе предварительного расследования сторона защиты вправе ходатайствовать о допросе конкретного лица в качестве свидетеля, но решение о целесообразности удовлетворения ходатайства принимает следователь. В случае самостоятельной явки лица для допроса в качестве свидетеля по инициативе стороны защиты, следователь вправе отказать в его допросе. В отличие от следователя суд не вправе отказать

²²⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (по состоянию на 17.02.2023). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420280

в допросе вызванного стороной защиты свидетеля, что является гарантией предоставления стороной защиты такого доказательства, как показание свидетеля. Обязанность стороны защиты обеспечить явку в судебное заседание свидетеля, в случае отказа последнего прийти в суд, представляет проблему, поскольку возможность у стороны защиты принудить свидетеля к явке отсутствует.

В статье 95.4 УПК АР к обязанностям свидетеля отнесены: «...по требованию органа, осуществляющего уголовный процесс, представить имеющиеся у него вещи, документы и образцы для сравнительного исследования; по требованию органа, осуществляющего уголовный процесс, пройти обследование; по требованию органа, осуществляющего уголовный процесс, пройти амбулаторную экспертизу для проверки своей способности осмысливать и излагать обстоятельства при наличии весомых оснований сомневаться в этом; подчиняться указаниям дознавателя, следователя, прокурора и председательствующего в судебном заседании; не выезжать на другую территорию без разрешения суда или без предварительного предложения органа, осуществляющего уголовное преследование, о месте своего нахождения...»²²⁶.

Законодательно установленные обязанности свидетеля по УПК АР ставят его в ответственное положение, при этом обеспечивая его защиту: в ст. 104 УПК АР установлен процессуальный статус законного представителя свидетеля, ст. 105 УПК АЗ – процессуальный статус представителя свидетеля. Глава 13 УПК АР регламентирует обеспечение прав и законных интересов лиц, участвующих в процессе, к числу которых относятся: «обязательность рассмотрения заявлений о признании лица в качестве участника уголовного процесса, обязательность рассмотрения ходатайств и просьб; право на обжалование процессуальных действий и постановлений; обязательность принятия мер по государственной защите свидетелей»²²⁷. Статья 199 УПК АР обеспечивает охрану личной и семейной тайны

²²⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (по состоянию на 17.02.2023). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420280

²²⁷ Там же.

участников уголовного судопроизводства независимо от их статуса. Законодатель в четвёртом разделе УПК АР выделил следующие группы мер процессуального принуждения: задержание (гл. 16 УПК АР), меры пресечения (гл. 117 УПК АР) и другие меры процессуального принуждения (гл. 18 УПК АР), из числа которых к свидетелям могут применяться только принудительные меры, используемые для производства процессуальных действий, и привод.

Применение привода регламентируется аналогично ст. 113 УПК РФ. Возможность применения принудительных мер, которые используются для обеспечения производства процессуальных действий, в совокупности с обязанностями свидетеля обеспечивает выполнение возлагаемых на него обязанностей. Наличие установленных УПК АР гарантий защиты прав личности, в том числе свидетеля, не позволяет говорить о нарушении его прав установленными для него обязанностями и возможностью применения принуждения.

Следует обратить внимание на чёткое определение обязанностей свидетеля по УПК Республики Армения, обеспечивающих надлежащее поведение свидетеля. Часть 3 ст. 86 к обязанностям свидетеля относит: «...явку по вызовам органа, осуществляющего уголовное судопроизводство для дачи показаний, участия в следственных и других процессуальных действиях; дачу правдивых показаний; сообщение всего ставшего ему известным по делу; удостоверение своих показаний подписью в протоколе; <...> представление всех имеющихся предметов и документов; подчинение распоряжением прокурора, следователя, органа дознания, председательствующего в судебном заседании; не отъезжать в другую местность без согласия суда или уведомления органа уголовного преследования о своём новом месте нахождения; не покидать зала судебного заседания или здания суда без разрешения председательствующего; соблюдать порядок во время судебного заседания»²²⁸. Изначально в указанной норме заложена возможность применения уголовно-процессуального принуждения при выполнении свидетелем возложенных на него обязанностей.

²²⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения (по состоянию на 07.06. 2022). URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7460

Согласно пп. 3, 4 и 5 ч. 2 ст. 86 УПК Республики Армения заложена обязанность свидетеля подвергаться применению уголовно-процессуального принуждения при производстве следственных действий, в частности, «свидетель обязан предоставлять образцы для сравнительного исследования; подвергаться освидетельствованию по требованию органа, осуществляющего уголовное производство; подвергаться по требованию органа осуществляющего уголовное производство амбулаторной экспертизе для проверки его способности правильно воспринимать и воспроизводить обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу, если есть основания поставить под сомнение его такую способность»²²⁹. По УПК Республики Армения в отношении свидетеля допустимо применение привода при условии его неявки по вызову без уважительной причины. При этом именно свидетель обязан уведомить о наличии уважительной причины неявки, в противном случае к нему может быть применён принудительный привод.

В УПК Республики Таджикистан (далее – УПК РТ) законодатель в ч. 5 ст. 56 установил, что свидетель подвергается приводу в случае умышленной неявки по вызову свидетеля²³⁰. Согласно ст. 117 УПК РТ свидетель как участник уголовного судопроизводства может быть подвергнут штрафу за нарушение порядка в судебном заседании. Другие меры уголовно-процессуального принуждения по УПК РТ к свидетелю не применяются.

Статья 213 УПК Республики Узбекистан (далее – УПК РУ) предусматривает возможность применения меры принуждения, «если участник уголовного процесса препятствует проведению следственных или судебных действий, не выполняет возложенные на него обязанности»²³¹. В указанной норме не расшифровывается, кого охва-

²²⁹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения (по состоянию на 07.06. 2022). URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7460

²³⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 03.12.2009 (по сост. на 03.01.2024). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30594304&pos=1192;-38#pos=1192;-38

²³¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан // Ташкент : Адолат. 2017. С. 516.

тывает понятие участник. На основании положений ч. 1 ст. 262 УПК РУ привод применяется в отношении свидетелей, «если установлено, что они отказываются явиться без уважительной причины»²³². Исходя из указанного основания применения привода, согласно ст. 263 в постановлении о его применении должно быть указано основание его применения²³³. Привод по УПК РУ является единственной мерой процессуального принуждения, применяемой к свидетелям.

Чёткая регламентация обязанностей свидетеля установлена в ч. 4 ст. 60 УПК Республики Беларусь (далее – УПК РБ), в которой законодатель указал на обязанности: «...являться по вызовам органа, ведущего уголовный процесс; правдиво сообщать всё известное по делу и ответить на поставленные вопросы; не разглашать сведения об обстоятельствах, ставших известными ему по делу, если он был предупреждён об этом органами уголовного преследования или судом; подчиняться законным распоряжениям органа, ведущего уголовный процесс»²³⁴. Правоприменитель разъясняет установленные законодателем обязанности свидетелю, что не позволяет в последующем ему заявить, что он чего-то не знал, не понимал и т.д., либо уклониться от исполнения обязанностей.

К иным мерам процессуального принуждения, применяемым к свидетелям, в ч. 2 ст. 128 УПК РБ законодатель отнёс обязательство о явке, привод и денежное взыскание.

В статьях 22, 23, 24 Конституции Литовской Республики (далее – УПК ЛР) узаконены ограничения прав и свобод человека, которые определяются экономической и социальной зрелостью общества, балансом между правами и свободами граждан, с одной стороны, и интересами государства – с другой. В структуре УПК ЛР определено, что все меры процессуального принуждения и процессуальные действия, имеющие элементы принуждения, должны быть

²³² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан // Ташкент : Адолат. 2017. С. 516.

²³³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан... С. 549.

²³⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (по состоянию на 17.07.2023). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958

систематически и последовательно регламентированы в ч. III УПК ЛР «Меры процессуального принуждения»²³⁵.

Согласно УПК ЛР в отношении свидетелей применяются следующие меры уголовно-процессуального принуждения: личный осмотр (ст. 143 УПК ЛР), принуждение к даче образцов для сравнительного исследования (ст. 144 УПК ЛР), привод; кроме того, допускается применение иных мер, которые направлены на получение доказательственной информации.

Таким образом, уголовно-процессуальное принуждение связано с его применением в ходе следственных или процессуальных действий либо с обеспечением явки лица. Указанные вопросы регламентируются по-разному в уголовно-процессуальном законодательстве различных государств, однако в целях обеспечения явки свидетелей используется привод, который к свидетелям применяется практически во всех государствах.

Решетникова Гульнара Аликовна,

*к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
г. Ижевск*

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ РАСПРОСТРАНЕНИЯ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ИНФОРМАЦИИ, ДЕМОНСТРИРУЮЩЕЙ НЕТРАДИЦИОННЫЕ СЕКСУАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И (ИЛИ) ПРЕДПОЧТЕНИЯ ЛИБО СПОСОБНОЙ ВЫЗВАТЬ У НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЖЕЛАНИЕ СМЕНИТЬ ПОЛ

Федеральным законом от 05.12.2022 № 479-ФЗ КоАП РФ был дополнен новыми нормами, среди них норма, предусмотренная

²³⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Литовской Республики. URL: <http://www.iauaj.net/node/941>

ст. 6.21.2, устанавливающая административную ответственность за распространение среди несовершеннолетних информации, демонстрирующей нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения либо способной вызвать у несовершеннолетних желание сменить пол²³⁶. По мнению субъекта законодательной инициативы, существующий в КоАП РФ запрет, предусмотренный ст. 6.21 (пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних) исключает другую вредоносную информацию, направленную на детей, в частности демонстрирующую нетрадиционные сексуальные отношения либо способную побудить у несовершеннолетних желание изменить пол («трансгендерность»)²³⁷.

Уголовное законодательство Российской Федерации не предусматривает уголовной ответственности за эти деяния. Хотя конструкция состава названного административного правонарушения её допускает, поскольку содержит условие наступления административной ответственности за его совершение – если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния.

Думаем, что под действие рассматриваемой статьи административного законодательства подпадают и случаи воспитания детей однополыми союзами. Не признание государством права на воспитание детей в однополых союзах не значит, что они ими не воспитываются. Есть несколько вариантов осуществления этой возможности. Например, одна из интервьюированных лесбиянок по имени Анна анонимно рассказала, что родила дочь от брата девушки, с которой сожительствовала. Он выступил донором. С той подружкой она рассталась, дочь воспитывает как мать-одиночка. Когда встретила другую женщину – Ольгу, та также выразила

²³⁶ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 05.12.2022 № 479-ФЗ. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 12.02.2024).

²³⁷ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (Об уточнении административной ответственности за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений): пояснительная записка к законопроекту № 217472-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/217472-8> (дата обращения: 12.02.2024).

желание иметь ребёнка. Было принято решение родить с помощью ЭКО, и теперь маленькая дочь Ольги считает ребёнка Анны двоюродной сестрой²³⁸.

В глазах среднестатистического россиянина это – нравственная распущенность и извращение. Но не для всех. Например, недоумение вызывает позиция заместителя председателя Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ И. Киркоры в отношении следующей ситуации. В Москве в 2019 г. возбудили уголовное дело по статье «Халатность» в отношении сотрудников отдела социальной защиты населения. Их обвиняли в том, что двух мальчиков не оградили от деструктивной информации, поскольку они воспитывались в однополый семье.

Семью начали проверять после того, как 12-летний мальчик попал в больницу с подозрением на аппендицит и рассказал, что живёт с братом и двумя отцами. Было установлено, что мужчины заключили брак в Европе. Обоих детей усыновлял лично один из мужчин, не рассказывая органам опеки об особенностях своей личной жизни. Поэтому детский дом даже не подозревал о необычном браке мужчины.

По поводу возможной уголовной ответственности в отношении мужчин И. Киркорой было заявлено, что раз нет насилия в отношении детей, то нет и повода для возбуждения уголовного дела. Не видит чего-либо предосудительного она и в воспитании детей однополыми союзами. В качестве основания одобрительного отношения к воспитанию детей однополыми союзами И. Киркора приводит факт нормального отношения общества к случаям воспитания детей тремя женщинами (мамой, бабушкой и тётёй), поэтому для неё не совсем понятны возмущения по поводу воспитания детей двумя мужчинами. То, что происходит у таких семей за закрытыми дверями, И. Киркора считает их личным делом, так же как и для

²³⁸ За закрытыми дверями. Как растят детей однополые семьи // Аргументы и факты. 8 августа 2019. URL: https://aif-ru.turbopages.org/aif.ru/s/society/people/za_zakrytymi_dveryami_kak_rastyat_detey_odnopolye_s_emi (дата обращения: 12.02.2024).

традиционных семей, не ставящих в известность своих детей о том, что происходит за закрытыми дверями у них²³⁹.

Следует обратить внимание, что данное суждение высказано заместителем председателя Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ, то есть представителем консультативного органа, образованным в целях оказания содействия главе государства в реализации его конституционных полномочий в области обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина, информирования Президента РФ о положении дел в этой области, содействия развитию институтов гражданского общества в Российской Федерации, подготовки предложений главе государства по вопросам, входящим в компетенцию Совета²⁴⁰.

Интересно, как позиция И. Киркоры, заметим у лица, наделённого правом принимать юридические решения, согласуется с необходимостью обеспечения государством естественных прав ребёнка: на семью; на мать и отца; на свою половую идентичность и половую самоидентификацию, а также право на половую неприкосновенность; на собственные убеждения и нравственно-этические установки; на полноценное развитие и охрану его психического и нравственного здоровья; на национально-культурную идентичность и приобщение к родной культуре? Разве воспитание ребёнка однополыми союзами не является грубейшим нарушением названных фундаментальных прав ребёнка? Разве не образует воспитание ребёнка в однополых союзах распространение среди несовершеннолетних информации, демонстрирующей нетрадиционные сексуальные отношения или предпочтения? На наш взгляд, безусловно, да.

²³⁹ В СПЧ заступились за гей-пары с детьми. URL: <https://www.interfax.ru/russia/669500> (дата обращения: 12.02.2024).

²⁴⁰ Положение о Совете при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. Утв. Указом Президента Российской Федерации от 19.02.2021 № 107 «О внесении изменений в Положение о Совете при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 01.02.2011 № 120. URL: <https://www.president-sovet.ru/about/regulations/> (дата обращения: 12.02.2024).

Больше того, есть огромная разница между воспитанием детей пусть и однополыми людьми, но связанными между собой кровным родством (на значении которого в силу очевидности нет необходимости останавливаться) и ЛГБТ союзами, в основе которых находятся нетрадиционные сексуальные отношения. Если первая названная форма воспитания, не являясь нормой, тем не менее исходя из сложившейся культуры не оценивается на предмет её безнравственности, то вторая форма как раз, наоборот, с позиции, существующих в России норм нравственности оценивается как безнравственная форма воспитания.

Конституционным Судом РФ отмечалось, что в мировом сообществе, равно как и в практике различных национальных конституционно-правовых систем, отсутствует консенсус относительно понимания пределов как самой по себе сексуальной автономии личности, так и распространения информации, касающейся сексуальных отношений, нормативного определения непристойного поведения, условий и критериев, на основе которых оно может быть признано общественно опасным и подлежит запретительному государственно-правовому воздействию. В российском законодательстве механизмы реализации этих положений, являющихся в силу статьи 15 (часть 4) Конституции РФ составной частью правовой системы России, основаны на традиционных представлениях о гуманизме в контексте особенностей национального и конфессионального состава российского общества, его социокультурных и иных исторических характеристик, в частности на сформировавшихся в качестве общепризнанных в российском обществе (и разделяемых всеми традиционными религиозными конфессиях) представлениях о браке, семье, материнстве, отцовстве, детстве, которые получили своё формально-юридическое закрепление в Конституции РФ, и об их особой ценности. Соответственно, распространение лицом своих убеждений и предпочтений, касающихся сексуальной ориентации и конкретных форм сексуальных отношений, не должно ущемлять достоинство других лиц и ставить под сомнение общественную

нравственность в её понимании, сложившемся в российском обществе, поскольку иное противоречило бы основам правопорядка²⁴¹.

В.В. Солодников и А.М. Чканикова, получив доступ к закрытому ресурсу гомосексуального сообщества, созданного в русскоязычном сегменте сети Интернет, исследовали особенности социального «родительства» в однополых семьях и пришли к следующим выводам. Во-первых, среди лиц нетрадиционной сексуальной ориентации есть те, которые хотят иметь детей. Как правило, для реализации этого желания ими используется сотрудничество, то есть лесбиянки рожают от геев, заранее решая о его роли в воспитании этого ребёнка. Во-вторых, в однополых семьях взаимоотношения родителей и детей строятся по типу обычных гетеросексуальных семейных отношений, что может повлечь неблагоприятные последствия в виде внутреннего конфликта при взаимодействии с внешним миром у воспитываемого такими парами ребёнка. В.В. Солодников и А.М. Чканикова отмечают, что российские однополые пары не всегда осознают содержание того посыла, который они транслируют своим детям в части их «благоприятной» социализации²⁴². В-третьих, критическое отношение однополыми союзами к телевизионным программам и книгам, посвящённым проблемам гомосексуализма, а также агрессивное отношение к людям с традиционной сексуальной ориентацией, препятствует конструктивной самореализации, пониманию и адекватной оценке социальных норм и гендерных ролей их детьми. В конечном итоге, даже если однополые родители не пытаются навязывать свою субкультуру воспитываемым детям, они, в силу родительского авторитета и значимости, неминуемо

²⁴¹ По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А. Алексеева, Я.Н. Евтушенко и Д.А. Исакова : постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_169047/ (дата обращения: 12.02.2024).

²⁴² Солодников В.В., Чканикова А.М. Дети в однополых семьях // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2008. № 1 (85). С. 147, 148.

становятся примером для подражания. Поэтому полная ответственность за усвоение гендерных ролей и моделей поведения лежит на однополох родителях, в том числе и юридическая ответственность²⁴³.

Но достаточно ли в этом случае административной ответственности? Более того, в случае установления уголовной ответственности обуславливаемой административной преюдицией? Вряд ли.

В наши дни деформация духовно-нравственной жизни общества, единой нормативно-ценностной системы и общих ориентиров человеческого поведения, стали причиной деструктивных социальных процессов. Иными словами, традиционные духовно-нравственные ценности, являясь базовыми понятиями морали как одной из форм общественного сознания, реализующей функцию регулирования поведения людей во всех областях общественной жизни без исключения²⁴⁴ в настоящее время не в состоянии обеспечиваться (исполняться) совестью и силой общественного мнения, для этого требуются меры государственно-правового воздействия.

Принципиальные изменения законодательства по защите традиционных духовно-нравственных ценностей произошли в 2020 г. По итогам референдума в Конституции РФ были закреплены положения, устанавливающие традиционные духовно-нравственные ценности в качестве базовых ценностных ориентиров российского общества. Далее в 2021 г. в обновлённой Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утверждённой Указом Президента РФ № 400 от 2 июля 2021 г. (далее – Стратегия 2021 г.), укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей стало относиться к числу национальных интересов Российской Федерации, а их защита – к числу стратегических национальных приоритетов²⁴⁵. Конкретизируют отдельные положения некоторых документов стратегического планирования, в первую очередь Стратегии

²⁴³ Солодников В.В., Чканикова А.М. Указ. соч. С. 147, 148.

²⁴⁴ Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 6-е изд. М., 1991. С. 292.

²⁴⁵ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Официальный интернет портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 08.11.2023).

2021 г., утверждённые Указом Президента РФ Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей²⁴⁶.

Если в период принятия УК РФ 1996 г. круг интересов личности, включающий интересы семьи и несовершеннолетних, и их охрана была достаточной (поскольку трудно было вообразить, что спустя какое-то время понадобится защищать институт брака и само понятие традиционной семьи), то сейчас это не так.

Воспитание детей в ЛГБТ союзах не реализует ни одну из основных функций семьи: ни демографическую, ни социально-культурную, ни воспитательную, ни социально-статусную, ни первичного социального контроля, ни духовную, ни эмоциональную и т.д. Следовательно, не обеспечивается социальное благополучие семьи и брака, как юридической формы закрепления и согласования личных (половых), экономических (материальное обеспечение и совместное хозяйство) и социальных (продолжение рода и передача социального опыта) интересов сторон. В конечном же итоге не обеспечивается ни стратегическая безопасность личности, ни государства. Следует иметь в виду, что в рассматриваемом случае несовершеннолетние имеются в виду не как особая социальная группа, а как члены семьи – субъекты семейных отношений, нуждающиеся в наследовании социального опыта в благоприятных условиях семьи или в условиях заботы о них в рамках института усыновления (удочерения), опеки, попечительства и приёмной семьи. Исходя из понимания традиционных семейных ценностей, сложно назвать (придумать) какие-либо более общественно опасные действия и их последствия, чем те, которые нами указаны. Представляется, что этих аргументов более чем достаточно для того, чтобы вести речь о расширении уголовно-правовых гарантий охраны семьи, брака, воспитания

²⁴⁶ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента РФ от 09.11. 2022 № 809 // Официальный интернет портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 08.11.2023).

детей, оставшихся без попечения родителей, а также нравственного растления несовершеннолетних как субъектов семейных отношений.

На основании изложенного следует ст. 6.21.2. из КоАП РФ исключить и предусмотреть состав этого правонарушения в гл. 20 УК РФ «Преступления против семьи и несовершеннолетних», разумеется, независимо от состава пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола (ст. 6.21 КоАП РФ). Вопрос о характере и степени общественной опасности которого в свете признания Верховным Судом РФ международного общественного движения ЛГБТ экстремистской организацией и запрете его деятельности на территории Российской Федерации требует отдельного исследования.

Библиографический список

1. Солодников В.В., Чканикова А.М. Дети в однополых семьях // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2008. – № 1 (85). – С. 136–148.

2. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – 6-е изд. – М., 1991. – 719 с.

Ряполова Ярослава Петровна,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОРЯДКА ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА О НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ КАК ТЕНДЕНЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Уголовная политика должна обеспечивать роль государства в качестве гаранта безопасности, способствовать реализации стратегических национальных приоритетов и эффективной защите нацио-

нальных интересов²⁴⁷. Об уголовной политике следует говорить в комплексе, содержательно объединяя исследования видов уголовной политики в единый объект научного познания, системно рассматривать не только уголовно-правовую, уголовно-процессуальную и другие виды уголовной политики, но и тесные взаимосвязи различных её уровней (концептуального, доктринального, практического)²⁴⁸. В этом ключе представляют интерес основные этапы трансформации порядка возбуждения уголовного дела о преступлениях в сфере налогообложения.

Законодатель в своём стремлении гарантировать инвестиционную привлекательность отечественных предприятий, обеспечить эффективность мер экономической поддержки и минимизации угроз стабильной финансово-хозяйственной деятельности субъектов предпринимательской деятельности в условиях действия западных санкций инициировал процесс либерализации законодательства об уголовной ответственности за экономические преступления, в том числе и за налоговые: за последние пять лет суммы пороговой величины для квалификации налоговой недоимки как уголовно наказуемой неоднократно повышались. Подобные изменения обусловили новые подходы к выявлению и раскрытию налоговых преступлений, соответствующие качественным уголовно-процессуальной политики в рассматриваемой сфере.

Как показывает исторический обзор изменения отечественного законодательства, в период с 1995 по 2003 гг. функционировавший в рамках Федеральной службы налоговой полиции РФ единый правоохранный цикл по обнаружению, раскрытию и расследованию преступлений в сфере налогообложения проявил себя

²⁴⁷ *Нудель С.Л.* Тенденции современной российской уголовной политики в контексте криминализации // *Человек: преступление и наказание.* 2019. Т. 27 (1-4), № 1. С. 19.

²⁴⁸ *Смирнова И.Г., Шаблинская Д.В.* К вопросу о современной уголовно-процессуальной политике и ее значении // *Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения.* 2017. № 4 (18). С. 16–35.

разрозненным²⁴⁹. С 1 января 2011 г. полномочия по предварительному расследованию налоговых преступлений были отнесены Следственному комитету РФ, а выявлением такого рода преступлений в основном занимались органы внутренних дел, хотя в ходе их реформирования отдельное подразделение по борьбе с налоговой преступностью было упразднено. С декабря 2011 г. функции контроля за соблюдением законодательства о налогах и сборах, правильностью исчисления, полнотой и своевременностью уплаты налоговых платежей в бюджетную систему были переданы Федеральной налоговой службе России, «узкоспециализированному органу, не обладающему правом проведения оперативно-розыскной деятельности, которая по своему поисково-познавательному потенциалу значительно превосходит мероприятия налогового контроля»²⁵⁰.

Особенности выявления преступлений налоговой группы, совмещение при этом контрольной и правоохранительной функций государства ориентируют субъектов законодательной инициативы на поиск оптимальной модели правовой организации формирования повода для возбуждения уголовного дела и первоначального этапа раскрытия преступлений рассматриваемой направленности, последовательное перераспределение приоритетных ролей в деятельности по обнаружению и первичной квалификации признаков налоговых преступлений. Примечательно, что выбор и апробация той или иной уголовно-процессуальной стратегии в сфере выявления налоговых преступлений не всегда подтверждает свою состоятельность. Как известно, изначально законодатель в целях снижения правоохранительной и контрольной функций государства в сфере выявления налоговых преступлений принял Федеральный закон от 6 декабря 2011 г. № 407-ФЗ, указав в ст. 140 УПК РФ в качестве единственно возможного повода для возбуждения уголовного дела

²⁴⁹ Назаренко Б.А. Уголовная политика в сфере налогообложения // Журнал российского права. 2015. № 4 (220). С. 78–86.

²⁵⁰ Противодействия налоговым преступлениям / Барашян Л.Р. [и др.] // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 11-3. С. 586.

о налоговом преступлении поступление материалов от налоговой инспекции по результатам налогово-контрольного производства. Наличие указанных материалов, исходящих от налогового органа, позволяло следователю возбудить уголовное дело, и следователь, будучи профессиональным участником уголовного процесса, должен был идти в своих действиях и решениях «в фарватере» деятельности административного органа, а не наоборот²⁵¹.

В качестве промежуточных итогов действия «налогового» повода для возбуждения уголовного дела справедливо обобщим трудно разрешимые проблемы в сфере его применения: так, «ни в законе, ни в ведомственных актах не раскрывалось понятие материалов налоговых органов, а также не был установлен перечень этих материалов; данное правило не согласовывалось с принципом публичности уголовного судопроизводства; эффективность противодействия налоговой преступности существенно снижалась, что подтверждалось значительным уменьшением фактов выявления налоговых преступлений; налоговые органы могли лишь выявить налоговые правонарушения, не уделяя достаточное внимание фиксированию и сохранению следов возможных преступлений, документированию умысла на совершение уклонения от уплаты налогов и т.д., перед ними не стояла задача противодействия налоговой преступности, срок давности уголовного преследования фактически был ограничен тремя годами, т.е. периодом, право проверить который предоставлено налоговым органам в соответствии с положениями НК РФ и др.»²⁵².

Соответствующая реакция законодателя не заставила себя ждать: вследствие негативных тенденций, связанных прежде всего с резким сокращением числа выявляемых преступлений налоговой группы, действие данного повода было упразднено в 2014 г., но ещё

²⁵¹ Аширбекова М.Т. Специальные порядки возбуждения уголовного дела // Уголовное судопроизводство. 2015. № 1. С. 13.

²⁵² См.: Ряполова Я.П. Актуальные вопросы возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 4 (47). С. 126.

интереснее то, что по прошествии восьми лет данный повод с почти дословной формулировкой прежней ч. 1.1 ст. 140 УПК РФ был воспроизведён в уже новой ч. 1.3. ст. 140 УПК РФ, как мы видим, это один из ярких примеров циклических изменений отечественного уголовно-процессуального законодательства, свидетельствующий о новой попытке реализовать модель рискориентированного подхода в вопросах выявления преступлений, предусмотренных статьями 198–199.2 УК РФ.

Очевидно, как и прежде, подобная трансформация предопределена стремлением к гармонизации отношений в сфере налогообложения, не допустить бесосновательного уголовного преследования субъектов предпринимательской деятельности и ограничений в их текущей финансово-хозяйственной деятельности, также приоритетное значение занимает стремление законодателя увеличить собираемость налогов. Так, статистика налоговой преступности свидетельствует о том, что несмотря на тенденцию ожидаемого снижения количества зарегистрированных налоговых преступлений (с 7630 в 2018 г. до 5264 в 2022 г.), сумма ущерба по уголовным делам в сфере налогообложения остаётся стабильно высокой, и в отдельные годы показывает ощутимый прирост. Сумма установленного ущерба по оконченным или приостановленным налоговым уголовным делам в 2017 г. составляла 71,6 млрд руб., в 2018 г. – 94,9 млрд руб., в 2019 г. – 85,2 млрд руб., в 2020 г. – 82,5 млрд руб., в 2021 г. – 84,9 млрд руб.²⁵³ Симптоматично с течением времени «фокус внимания в вопросах налоговой преступности сместился на показатели удельного веса возмещённого ущерба: в 2019 г. он составлял 45 % от суммы причинённого ущерба налоговых преступлений, в 2020 г. – 52 %, в 2021 г. – 61 %, в 2022 г. – 62 %»²⁵⁴. Федеральный закон от 18 марта 2023 г. № 78-ФЗ ввёл новое основа-

²⁵³ Староверова О.В., Машлян С.С. Борьба с налоговой преступностью в условиях экономического кризиса // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 217.

²⁵⁴ Ряполова Я.П. «Старый» новый порядок возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях // Российский следователь. 2023. № 10. С. 17.

ние для отказа в возбуждении уголовного дела о преступлениях, связанных с уклонением от уплаты налогов, при добровольном и своевременном погашении сумм недоимки. Это тоже является дополнительным правовым средством мотивации недобросовестных налогоплательщиков своевременно компенсировать причинённый ущерб и погасить задолженность перед бюджетом в полном объёме.

Таким образом, трансформация порядка возбуждения уголовного дела о налоговых преступлениях, демонстрируя циклические и последовательно сменяющиеся друг за другом изменения отечественного уголовно-процессуального законодательства, свидетельствует о новой «оттепели» в сфере регулирования налоговых отношений, относящихся к сфере уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. Аширбекова М.Т. Специальные порядки возбуждения уголовного дела // Уголовное судопроизводство. – 2015. – № 1.
2. Противодействия налоговым преступлениям / Барашян Л.Р. [и др.] // Вестник Алтайской акад. экономики и права. 2020. № 11-3.
3. Малокостова П.Р. Криминологический взгляд на статистику налоговой преступности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 11. – С. 210–213.
4. Назаренко Б.А. Уголовная политика в сфере налогообложения // Журнал российского права. – 2015. – № 4 (220). – С. 78–86.
5. Нудель С.Л. Тенденции современной российской уголовной политики в контексте криминализации // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27 (1-4), № 1.
6. Панкратьев А.Н. Статистическая характеристика налоговых преступлений // Закон и право. – 2020. – № 11. – С. 187–197.
7. Ряполова Я.П. Актуальные вопросы возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2018. – № 4 (47).
8. Ряполова Я.П. «Старый» новый порядок возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях // Российский следователь. – 2023. – № 10.

9. Смирнова И.Г., Шаблинская Д.В. К вопросу о современной уголовно-процессуальной политике и ее значении // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2017. – № 4 (18). – С. 16–35.

10. Староверова О.В., Маилян С.С. Борьба с налоговой преступностью в условиях экономического кризиса // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 6.

Сёмин Александр Владимирович,

к.ю.н., адвокат, НО «Удмуртская Республиканская коллегия адвокатов», г. Ижевск

СОФИСТИКА В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Софизм, как известно, ложный вывод, которому придаётся внешний вид истины.

Казалось бы, софистика и правоприменение понятия несовместимые.

К сожалению, очень даже совместимые, и не только в правоприменительной, но и законотворческой деятельности.

Софизм может проявляться по-разному: в ложных суждениях, в перестановке слов в предложениях, в интонациях, в условиях, при которых происходит диалог и т.д. При этом грань между софизмом и действиями, явно приводящими к неправомерным выводам, порой очень тонкая.

Постараюсь показать, как это происходит.

Для привлечения внимания к проблеме софистики в правоприменительной деятельности приведу небольшой рассказ «История о том, как лесник использовал топор не по назначению».

Одному леснику срочно понадобились деньги, и он спросил у знакомого браконьера во время составления административного протокола, где можно взять денег в долг. Тот сказал, что в селе

Факел живёт еврей по имени Вася, у которого всегда есть деньги. Найти его просто, любой житель села его знает, так как у всех перед ним есть долг. Народ в селе отзывчивый, добрый и любопытный, а потому не только объяснят, где он живёт, но и проводят до дома и даже подождут.

Лесник снарядился в дорогу, взял топор и пошёл в село Факел. Топор у лесника был любимым инструментом, и он никогда с ним не расставался.

Пришёл в деревню, спросил у первого встречного, где живёт Вася, и тот сразу же предложил проводить его. Лесник зашёл в дом и между ними произошёл следующий диалог:

Лесник: – Дай 1 000 рублей в долг на один год.

Вася: – Мне не выгодно давать 1 000 рублей в долг. Деньги у меня в обороте и через год я из 1 000 сделаю 3 000 рублей. Правильно?

Лесник: – Правильно. Значит, не дашь?

Вася: – Почему же, когда деньги в обороте, есть риск их потерять. Правильно?

Лесник: – Правильно. Значит, дашь?

Вася: – Откуда я могу знать: прибыль они принесут или убыток. Правильно?

Лесник: – Правильно. Так дашь или нет?

Вася: – Дам, но только под 100 % годовых. Через год вернёшь мне 2 000. Так я не получу прибыль, какую хотел, но зато и риска нет. Правильно?

Лесник: – Правильно. Согласен, очень нужны деньги. Давай.

Вася: – Мне нужны гарантии, что вернёшь деньги и проценты. Правильно?

Лесник: – Правильно. Могу расписку написать.

Вася: – Топор твой стоит больше 2 000 рублей. Правильно?

Лесник: – Правильно.

Вася: – Тебе трудно с ним расстаться, правильно?

Лесник: – Правильно.

Вася: – Оставляй топор в залог, а я тебе деньги дам. Верну топор, когда деньги принесёшь. Всё правильно?

Лесник: – Всё правильно.

Вася: – И последний вопрос: «Тебе, наверное, сразу 2 000 рублей трудно будет отдать, правильно?»

Лесник: – Правильно.

Вася: – Половину можешь сразу оставить.

Возвращается лесник домой и думает: «Ничего не понял. Пришёл за деньгами. Денег нет, топор оставил и ещё через год должен 1 000 рублей отдать. И, вроде, всё правильно.

К чему этот рассказ?

Переместимся в зал судебного заседания, где проводится судебное следствие по уголовному делу в момент допроса свидетеля обвинения.

Гособвинитель задаёт вопросы свидетелю, сверяя его ответы с текстом обвинительного заключения, где приведены показания свидетеля, данные на предварительном следствии. В какой-то момент показания свидетеля стали расходиться с текстом в обвинительном заключении. Чаще всего это происходит, когда вопросы задаёт защитник.

В случае если ответы свидетеля не совпадают с текстом, то вопросы вновь задаёт гособвинитель, используя следующий, годами отработанный, алгоритм:

Гособвинитель: – Вы на следствии такие же показания давали?

Свидетель: – Да.

Гособвинитель: – Уверены в этом?

Свидетель: – Да.

Гособвинитель заявляет ходатайство об оглашении показаний свидетеля, данных им в ходе предварительного следствия, в связи с возникшими противоречиями (называет том и листы дела). Как правило, суд ходатайство гособвинителя удовлетворяет.

Привожу практически дословно допрос свидетеля гособвинителем после оглашения показаний:

Гособвинитель: – Такие показания давали на следствии?

Свидетель: – Да, но записано не совсем так. Следовательно, записал неправильно.

Гособвинитель: – Протокол читали?

Свидетель: – Нет, только расписался там, где следователь показал.

Гособвинитель: – Свидетель, подойдите ко мне. Вот здесь под протоколом прочитайте, что написано?

Свидетель читает: – «С моих слов записано верно, мною прочитано».

Гособвинитель: – Вашей рукой написано?

Свидетель: – Моей, но показания следователь записал не так, как я говорил.

Гособвинитель: – Замечания на протокол подавали?

Свидетель: – Я не знал, что можно замечания подавать.

Гособвинитель: – Вам следователь права разъяснял?

Свидетель: – Да, вроде.

Гособвинитель показывает протокол: – Вот здесь что написано?

Свидетель читает: – «Права мне разъяснены и понятны».

Гособвинитель: – Ваша подпись стоит?

Свидетель: – Моя.

Гособвинитель: – Значит, права следователь разъяснил, правильно?

Свидетель: – Правильно.

Гособвинитель: – Вас следователь предупреждал об уголовной ответственности за дачу ложных показаний под роспись?

Свидетель: – Предупреждал.

Гособвинитель: – Давали на следствии такие показания?

Свидетель: – Давал, получается.

Гособвинитель: – Каким показаниям следует доверять: которые следователю давали или которые сейчас в суде даёте?

Свидетель: – Которые сейчас даю.

Гособвинитель: – Чем объясните противоречия?

Свидетель: – Это не противоречия, я только дополнил показания.

Гособвинитель: – Когда события лучше помнили: при допросе в кабинете следователя в январе или сейчас в декабре?

Свидетель: – Ну, конечно, тогда лучше помнил. Времени же много прошло.

Свидетель уходит, радуясь тому, что наконец-то его отпустили, но с неприятным осадком. Хотя, вроде, всё правильно, времени ведь много прошло.

Для чего применён этот алгоритм после оглашения протокола допроса свидетеля на предварительном следствии?

А для того, чтобы в приговоре привести следующую мотивацию в части оценки показаний нашего свидетеля. Цитирую: «Суд признаёт показания свидетеля, данные в ходе предварительного следствия, оглашённые в порядке части 3 статьи 281 УПК РФ, наиболее достоверно отражающими фактические обстоятельства, поскольку, как пояснил свидетель в судебном заседании, с момента допроса прошло много времени, раньше события он помнил лучше, а учитывая свойства человеческой памяти, данный довод представляется разумным и логичным».

Очень удобная форма установления обстоятельств, но при таком допросе остаётся открытым вопрос о том, какие обстоятельства выяснены: фактические или формальные.

Допрос свидетеля проводится следователем в отсутствие лиц, имеющих право задавать вопросы свидетелю в судебном заседании, но практически любое отклонение от ранее данных показаний приведёт к оглашению протокола допроса, а далее последует применение названного алгоритма для того, чтобы в последующем имелась возможность указать в приговоре, что наиболее достоверные показания даны ранее, учитывая свойства человеческой памяти.

Теперь переместимся в кабинет следователя и посмотрим, как производится допрос свидетеля на предварительном следствии.

При допросе на предварительном следствии свидетель не сомневается в том, что следователь записывает показания с его слов, но, возможно, другими словами, учитывая, что следователь профессионал и ему виднее.

Как было сказано ранее, исказить смысл можно, в частности, всего лишь условиями, при которых происходит диалог, либо постановкой слов в предложении.

Рассмотрим, как изменяется смысловая нагрузка при применении технологии перестановки слов в предложении или от условий, в которых происходит диалог. В целях экономии времени совместим технологию с условиями.

Для наглядности продолжим историю про лесника, которого обидел Вася.

Герой нашей истории понимая, что хитрый еврей его всё-таки обманул, пришёл к адвокату. Рассказал ему о своей беде и стал просить помочь ему привлечь злодея к ответственности. Адвокат ответил: «Меня не надо уговаривать. Договариваемся о цене, и я помогу тебе наказать обидчика».

Но так как денег у него не было, лесник решил обратиться к правоохранителям.

Уговаривал участкового помочь привлечь злодея к ответственности. На что участковый сказал: «Я не могу тебе помочь. Не надо меня уговаривать. Не меня надо уговаривать».

Тогда лесник пришёл к прокурору, рассказал о своей проблеме и потребовал привлечь к ответственности нарушителя закона. Прокурор ответил: «Меня не уговаривать надо».

Походил-походил лесник по кабинетам и пришёл к следующим выводам:

- 1) деньги занимать не следует;
- 2) инструмент оставлять в залог не стоит;
- 3) уговоры не помогают.

Вернёмся в кабинет следователя.

Следователь разъяснил права, заведомо уверенный в том, что свидетель не знает, как ими пользоваться, предупредил об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний, за дачу заведомо ложных показаний и приступил к допросу. Свидетель рассказывает. Следователь задаёт вопросы, уточняет и печатает. После допроса следователь предлагает прочитать протокол и расписаться. Свидетель читает, иногда поясняет, что написано не так, как он говорил, но следователь объясняет, что свидетеля вызовут в суд и там он может это уточнить. У свидетеля нет оснований не доверять

следователю, потому что ему ещё неизвестно, как будет происходить допрос в судебном заседании, и что его ожидает, если он пожелает в суде уточнить или дополнить показания, напечатанные в протоколе следственного действия.

А что произойдёт далее, в отличие от нашего свидетеля, мы уже знаем.

Приведём пример с пограничным применением правил софистики.

14 сентября 2022 г. районным судом удовлетворено ходатайство следователя о *наложении ареста* на автомобиль до определённой даты.

29 сентября 2022 г. постановление суда исполнено, арест на автомобиль наложен, о чём следователь составил протокол.

По истечении указанного в постановлении срока по ходатайству следователя суд продлевает *срок наложения ареста*, мотивируя свою позицию тем, что ходатайство следователя о продлении срока наложения ареста составлено уполномоченным должностным лицом с соблюдением норм уголовно-процессуального закона.

Постановление обжалуется в вышестоящий суд, но суды апелляционной и кассационной инстанций отказывают в удовлетворении жалоб.

Таким образом, суды трёх инстанций указали, что имелись основания для продления *срока наложения ареста*, поскольку не было нарушений норм уголовно-процессуального закона, и постановление о возбуждении перед судом ходатайства вынесено уполномоченным лицом.

Но в жалобах не оспариваются полномочия должностного лица, а оспаривается отсутствие необходимости в продлении *срока наложения ареста*. Жалобы основаны на том, что «*срок наложения ареста*» и «*срок действия ареста*» понятия не равнозначные, поскольку *наложение ареста* – это процессуальное действие, а *арест* – это ограничение имущественных прав собственника, т.е. суд продлевает срок на совершение процессуального действия, а не срок ограничения права собственности.

И наконец-то точку в данном споре ставит Верховный Суд РФ. Постановлением от 15 декабря 2023 г. он отказывает в передаче жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, мотивируя свою позицию следующим аргументом: «Приведённые адвокатом в жалобе суждения представляют собой попытку перевода от установленного судом факта наложения ареста на автомобиль к дискуссии о лингвистических значениях, используемых в процессуальных документах терминов».

Здесь уже не поспоришь... Потому что это последняя судебная инстанция.

Поскольку в начале статьи заявлено о том, что применение софистики не чуждо и законодателю, то, соответственно, нужно это исполнять.

В качестве примера возьмём ст. 50 ГПК РФ, согласно которой суд назначает адвоката в качестве представителя в случае отсутствия представителя у ответчика, место жительства которого неизвестно.

Возникает вопрос: с какой целью, если в соответствии со ст. 56 ГПК РФ каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается, как на основания своих требований и возражений?

Какие доказательства может предоставить суду адвокат, назначенный им же?

Не глупо ли будет выглядеть назначенный судом адвокат, который не имеет возможности представлять доказательства, поскольку он никогда не видел гражданина, чьи интересы в суде представляет, при этом возражая против удовлетворения иска?

Возражать против иска его обязывает закон, т.к. согласно ст. 54 ГПК РФ полномочие на признание иска должно быть специально оговорено в доверенности, выданной представляемым лицом, а поскольку адвокат по назначению суда представляет ответчика, место жительства которого неизвестно, то, соответственно, доверенности у него такой нет и не может быть.

Право обжалования решения суда также должно быть специально оговорено в доверенности, а если учесть, что в правоприменительной практике законным и обоснованным признаётся решение,

которое не отменено вышестоящим судом, то, следовательно, целесообразнее вынести такое решение, которое заведомо не может быть отменено. Не отменяют решение, которое не обжалуется. Правильно?

Тогда возникает вопрос о гарантии на пересмотр.

Федеральным законом от 05 мая 2014 г. № 93-ФЗ данный пробел устранён, ст. 50 ГПК РФ дополнена предложением следующего содержания: «Адвокат, назначенный судом в качестве представителя ответчика в случаях, предусмотренных настоящей статьёй, вправе обжаловать судебные постановления по данному делу».

Таким образом, законодателю понадобилось всего лишь 12 лет, чтобы увидеть пробел в законе, и он его устранил.

Только зачем?

Стяжкина Светлана Александровна,

*к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,*

г. Ижевск

НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ ПО ЗАЩИТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ: ВОПРОСЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ

Проблема защиты сведений, составляющих государственную тайну, всегда являлась актуальной. С активным развитием новых цифровых технологий и средств хранения, обработки и передачи информации возникают и новые вопросы защиты информации, её безопасного использования. Не менее важным является и вопрос защиты носителей такой информации, а также гарантированности её неприкосновенности. В связи с меняющейся политической обстановкой и изменением политических и внешнеэкономических отношений с иностранными государствами возник вопрос о необходимости повышенной охраны сведений, составляющих государственную тайну, в том числе уголовно-правовыми средствами. Уголовное законодательство предусматривает достаточно большой круг

деяний, содержащих признаки преступлений, посягающих на сведения, составляющие государственную тайну. К таким преступлениям относятся и государственная измена (ст. 275 УК РФ), шпионаж (ст. 276 УК РФ), разглашение государственной тайны (ст. 283 УК РФ), утрата документов, содержащих государственную тайну (ст. 284 УК РФ) и ряд других. Несмотря на большое количество уголовно-правовых запретов в сфере охраны государственной тайны, законодатель в 2022 г. вводит новый состав в действующий Уголовный кодекс РФ статьёй 283.2, предусматривающей ответственность за нарушение требований по защите государственной тайны.

Уголовная ответственность по части первой рассматриваемой статьи предусмотрена за выезд из Российской Федерации лица, допущенного или ранее допускавшегося к государственной тайне, право которого на выезд ограничено в соответствии с действующим законодательством.

Прежде всего возникает вопрос об объекте рассматриваемого преступления. Видовым объектом рассматриваемого преступления являются общественные отношения, обеспечивающие основы конституционного строя и безопасности государства. Сложности возникают с определением непосредственного объекта преступления. С одной стороны, речь идёт о защите сведений, составляющих государственную тайну, носитель которых незаконно выезжает за пределы Российской Федерации. С другой стороны, нарушается режим государственной тайны, включающий в себя запрет на выезд за пределы Российской Федерации лицам, которые имели или имеют доступ к сведениям, составляющим государственную тайну. Следует отметить, что, исходя из формулировки диспозиции статьи, речь не идёт о распространении сведений, составляющих государственную тайну, речь идёт о нарушении запрета лицом, на котором лежат ограничения на выезд из страны. Таким образом, непосредственным объектом рассматриваемого преступления будут выступать общественные отношения, обеспечивающие соблюдение режима секретности, под которым в соответствии с законом РФ от 21.07.1993 № 5485 «О государственной тайне» понимается «совокупность требований, правил, организационных, технических и иных мер,

направленных на защиту сведений, составляющих государственную тайну». Лицо, выезжая за пределы Российской Федерации вопреки установленному запрету, посягает именно на законодательно установленный порядок, который направлен на защиту сведений, составляющих государственную тайну.

Также необходимо остановиться на вопросе субъекта преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 283.2 УК РФ. В данном случае речь идёт о специальном субъекте преступления, а именно о лице, допущенном либо ранее допускавшемся к государственной тайне, а также должен быть законодательно закрепленный запрет на право выезда за пределы Российской Федерации. Таким образом, можно выделить два обязательных признака, характеризующих субъекта нарушения требований по защите государственной тайны. Во-первых, это факт допуска к сведениям, составляющим государственную тайну, оформленный надлежащим образом. Во-вторых, необходим запрет на право выезда за пределы РФ, содержащийся в трудовом договоре. Следует отметить, что не для всех лиц, допущенных к государственной тайне, предусмотрен обязательный запрет на право выезда из РФ. Выезд ограничивается для лиц, которые имели или имеют доступ к сведениям особой важности или совершенно секретным сведениям. Причём срок ограничения права на выезд из Российской Федерации по общему правилу не может превышать 5 лет со дня последнего ознакомления со сведениями особой важности или совершенно секретными сведениями.

Порядок допуска к государственной тайне содержится в Законе РФ от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне», в постановлении Правительства РФ от 07.02.2024 № 132 «Об утверждении правил допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне» и ряде других нормативных актов.

Уголовная ответственность по ч. 1 ст. 283.2 УК РФ предусмотрена за сам факт выезда из Российской Федерации.

При анализе объективной стороны рассматриваемого состава возникает ряд вопросов, связанных с определением общественной опасности данного преступления. Представляется, что факт выезда

за пределы Российской Федерации лица, имеющего или имевшего доступ к сведениям, составляющим государственную тайну, не обладает той степенью общественной опасности, которая достаточна для криминализации действий. Как справедливо указывается в литературе, «основанием криминализации выступает выявленная угроза причинения вреда отношениям, урегулированным позитивной отраслью права, устранение которой требует признания соответствующего деяния преступным»²⁵⁵. Причём одним из важных аспектов криминализации выступает факт невозможности устранения возникшей проблемы другими правовыми ресурсами, кроме установления уголовно-правовых запретов, когда «в обществе отсутствуют эффективные средства воздействия на криминализируемое деяние кроме уголовного закона»²⁵⁶.

Выезд за пределы Российской Федерации, вопреки установленному запрету, несёт в себе лишь потенциальную, гипотетическую угрозу отношениям, обеспечивающим охрану сведений, составляющих государственную тайну. А если речь идёт об отношениях, обеспечивающих порядок соблюдения режима секретности, то для криминализации деяний, нарушающих порядок выезда, недостаточно одних действий. Нарушая запреты, установленные нормами административного законодательства, в сферу которого входит установление и правовое регулирование режима секретности, лицо должно нести административную ответственность, если степень общественной опасности не является достаточной для признания его преступлением.

Одним из вариантов решения данного вопроса может быть предложение установить административную преюдицию в качестве кримиобразующего признака рассматриваемого состава. Именно

²⁵⁵ Герасимов А.М. Криминализация как инструмент политики государства в условиях инновационных преобразований // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2019. Т. 16, № 2. С. 108.

²⁵⁶ Шеслер А.В. Криминализация и декриминализация как направления правотворческой политики // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 2 (46). С. 138.

повторность нарушения запрета может выступать тем признаком, который свидетельствует об определённом уровне общественной опасности рассматриваемого деяния. Как указывает Конституционный суд РФ «повторное (многократное) совершение лицом однородных (аналогичных) административных правонарушений объективно свидетельствует о недостаточности имеющихся административно-правовых средств для результативного противодействия таким деяниям, что вкуче с иными факторами может рассматриваться в качестве конституционно значимой причины для криминализации соответствующих действий (бездействия), которые, оставаясь в своей нормативной первооснове административными правонарушениями, по характеру и степени общественной опасности приближаются к уголовно наказуемым деяниям и при определённых условиях способны причинить серьёзный вред общественным отношениям, поставленным под охрану уголовного закона» (Определение Конституционного Суда РФ от 28 сентября 2017 г. № 2173-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рарова Ивана Сергеевича на нарушение его конституционных прав статьей 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации»).

Представляется, что такой подход к конструкции состава рассматриваемого преступления позволит учесть общественную опасность неоднократного нарушения запрета несмотря на факт привлечения к административной ответственности. Именно повторность совершения запрещённых действий будет свидетельствовать о той степени общественной опасности, которая необходима, на наш взгляд, для криминализации указанных действий.

Библиографический список

1. Герасимов А.М. Криминализация как инструмент политики государства в условиях инновационных преобразований // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2019. – Т. 16, № 2.
2. Шеслер А.В. Криминализация и декриминализация как направления правотворческой политики // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – № 2 (46).

Сухова Ольга Владимировна,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права

и процесса ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарева»,

г. Саранск,

ОЦЕНКА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

Одним из правовых институтов, обеспечивающих пресечение преступлений, является необходимая оборона. Важнейшее значение в укреплении законности в правовом государстве имеет разрешение вопросов, возникающих в связи с действиями человека, связанными с необходимой обороной.

Реальная защита личности от общественно опасного посягательства реализуется установлением определённых уголовно-правовых запретов. Вместе с тем обоснованное причинение вреда при защите от лиц, совершивших общественно опасные деяния, и при устранении опасности также является законным способом защиты при условии соблюдения установленных ограничений. Гарантия реализации положений ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации о том, что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещёнными законом, осуществляется в том числе через институт необходимой обороны²⁵⁷.

Присутствие в уголовном законе нормы о необходимой обороне способствует предотвращению насильственных посягательств. Субъект, намеревающийся совершить преступное деяние, может встретить активное сопротивление. В данном случае закон определяет это противодействие, равно как и причинение вреда нападающему, законным.

²⁵⁷ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595/> (дата обращения: 10.02.2024).

Необходимая оборона – законное право личности на противодействие общественно опасному посягательству. По действующему Уголовному кодексу РФ обороняющийся не обязан обращаться к кому-либо за помощью, а сам имеет право пресечь нападение²⁵⁸.

Нередко сотрудники правоохранительных органов, а также рядовые граждане, пытаясь совершить общественно полезные действия, предупредить совершение преступлений и иных общественно опасных действий, вынуждены сами совершать деяния, связанные с причинением вреда общественным отношениям, охраняемым уголовным законом. Правовая оценка таких действий неочевидна. Поскольку по своим внешним признакам они соответствуют аналогичным уголовно наказуемым деяниям. Исходя из этого, в правоприменительной практике продолжают возникать трудности с отказом от обвинительного уклона в делах данной категории²⁵⁹.

Нормы о применении необходимой обороны являются в большинстве своём дозволительными, т.е. рассчитанными на их активную реализацию гражданами, однако без достаточных юридических знаний, дополнительных разъяснений малоприменимы как гражданами, так и сотрудниками правоохранительных органов.

Выявление признаков, характеризующих данный правовой институт, может гарантировать защиту личности от необоснованного привлечения к уголовной ответственности за деяния, которые сходны с преступлениями только по внешним признакам.

До сих пор остаются дискуссионными среди учёных вопросы правового регулирования данного института: определение оснований и условий необходимой обороны, вопросы квалификации действий по причинению вреда, установление пределов допустимого вреда и др.

²⁵⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации (с изм. и доп.). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891> (дата обращения: 10.02.2024).

²⁵⁹ Обзор практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, исключающих преступность деяния (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22 мая 2019 г.) URL: <https://vsrf.ru/documents/thematics/28046/> (дата обращения: 10.02.2024).

При этом общественная значимость реализации прав и потребности практического применения требуют скорейшего их разрешения.

Необходимо отметить ряд учёных, внесших большой вклад в разработку теоретических проблем изучения института необходимой обороны в уголовном праве. К числу таких учёных можно отнести русского правоведа С.В. Познышева²⁶⁰. Классификацией условий правомерности необходимой обороны занимались М.И. Якубович, В.Ф. Кириченко, Э.Ф. Побегайло и Р.М. Юсупов. С точки зрения оснований применения необходимой обороны теоретические и практические аспекты были рассмотрены в трудах И.И. Слуцкого, В.И. Ткаченко. Минимизация количества условий правомерности необходимой обороны подробно изучена Н.Н. Турецким, Д.В. Перцевым и В.В. Меркурьевым.

Законодательство в сфере применения правового института необходимой обороны на системной основе в истории российского права применялось начиная с Соборного Уложения 1649 г. В дальнейшем в Российской империи уголовное законодательство (1845 г., 1866 г., 1885 г.) в области применения механизма необходимой обороны развивалось и было кодифицировано в нормативных документах уголовного права²⁶¹. В более совершенном Уголовном Уложении 1903 г. конкретизировались способы применения необходимой обороны, причинно-следственные связи её применения, освобождение от ответственности²⁶².

В советский период развития уголовного законодательства институт необходимой обороны упоминался в Исправительно-трудовом кодексе и Основных началах уголовного законодательства

²⁶⁰ *Познышев С.В.* Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. 2-е изд. М., 1912. С. 171–172.

²⁶¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года: с дополнениями по 1 янв. 1876 г. / сост. проф. С.-Петербург. ун-та *Н.С. Таганцевым*; [авт. предисл. *Н.С. Таганцев*]. Изд. 2-е, перераб. и доп. СПб., 1876. 726 с.

²⁶² *Михайлов В.И.* Уголовное уложение 1903 г. и его значение для развития теории правомерного вреда (обстоятельств, исключающих преступность деяния) // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию : материалы Российского конгресса уголовного права, 26–27 мая 2011 г. М., 2011. С. 145–148.

Союза ССР и Союзных Республик (1924 г.)²⁶³. Применение правового института напрямую связывалось с действиями, направленными против посягательств на советскую власть, на права личности, при насильственных действиях и побеге заключённых. Условием освобождения от ответственности являлось недопущение превышения пределов необходимой обороны. Уголовные кодексы советского периода (1922 г., 1926 г., 1960 г.) в целом оценивали применение необходимой обороны с точки зрения недопущения превышения пределов применения, не принимая во внимание характер и опасность для пострадавшей стороны.

Оценка практического развития советскими судебными инстанциями вызывала противоречия и сложности правоприменения. Необходимость практических разъяснений по вопросам применения института необходимой обороны неоднократно отражалась в постановлениях пленумов Верховного Суда (1956 г., 1969 г., 1984 г.). В частности, разъяснялась правовая позиция активной защиты при условии выбора возможности спасения бегством либо обращения за помощью.

Современное российское законодательство о праве применения необходимой обороны регламентировано ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, ст. 37 Уголовного кодекса РФ, ст. 1006 Гражданского кодекса РФ. При этом законодательно закреплены ответственность за превышение пределов необходимой обороны в ст. 108, ст. 114 УК РФ, а также отнесение к смягчающим обстоятельствам превышение пределов необходимой обороны в п. «ж» ст. 61 УК РФ.

По статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2021 г., за I полугодие 2023 г. по ст. 108 УК РФ осуждено 560 лиц, оправдано – 4, прекращено в отношении 25 лиц. За аналогичный период по ст. 114 УК РФ осуждено 990 лиц, оправдано – 7, прекращено в отношении 780 лиц²⁶⁴.

²⁶³ Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 г. // СУ РСФСР. 1926. № 86, ст. 870.

²⁶⁴ Данные судебной статистики // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891http://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 14.02.2024).

На протяжении многих лет как на стадии следствия, так и при судебном разбирательстве дел, решения часто выносились не в пользу обороняющегося, а в пользу лица, совершившего общественно опасное посягательство. Право на необходимую оборону защищающемуся лицу приходилось доказывать, и не всегда успешно.

До настоящего времени в судебной практике имеются спорные моменты признания правоохранительной системой действий оборонявшихся условиями необходимой обороны, правильной квалификации превышения её пределов. При этом в российской практике судопроизводства имеется только одно постановление Пленума Верховного Суда РФ (2012 г., с единственными изменениями от 2022 г.), в котором рассмотрены вопросы применения судами законодательства о необходимой обороне²⁶⁵.

Значительный общественный резонанс ряда случаев применения необходимой обороны (дела о нападении на посёлок Сагра Свердловской области, С. Багдасаряна, Г. Саркисяна, сестёр Хачатурян и др.), которые квалифицировались как убийство, умышленное причинение тяжкого вреда, повлекшее смерть по неосторожности, убийство в состоянии аффекта, создал условия для уточнения позиций применения законодательства о необходимой обороне.

Необходимо всегда исходить из того, что обвиняемый не обязан доказывать, что действовал в условиях необходимой обороны. Как принято в уголовном праве, все сомнения толкуются в пользу подсудимого. Закрепление в постановлении Пленума Верховного Суда РФ в 2022 г. тезиса о применении принципа презумпции невиновности стало важной вехой при рассмотрении дел данной категории. В этом случае функции доказывания и опровержения являются обязанностью стороны обвинения. Надеемся, что это окажет положительное влияние на правоприменительную практику, и граждане не будут бояться вставать на защиту своих прав, прав других лиц, общества и государства.

²⁶⁵ Постановление пленума Верховного суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 (с изм. от 31 мая 2022 г. № 11). URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8306/> (дата обращения: 14.02.2024).

Также в 2022 г. разъяснены Верховным судом РФ следующие спорные моменты правоприменения рассматриваемого института:

- закреплена возможность защиты от посягающего в случае незаконного проникновения в жилище, даже в случае отсутствия насилия или угрозы его применения;

- признаётся правомерной защита при наличии реальной угрозы совершения посягательства, когда обороняющийся защищался непосредственно перед посягательством и в целях его предотвращения;

- правомерные действия лица, направленные на пресечение нарушения общественного порядка, не являются провокацией нападения.

До настоящего времени остаются неразрешёнными следующие правовые коллизии правомерного применения института необходимой обороны:

- включение характеристики личности посягающего в ст. 37 УК РФ (буйный алкоголик, наркоман, рецидивист и т.д., т.е. данные о преступнике, которые существенно повышают общественную опасность нападения и требуют более решительных мер противодействия);

- расширение в уголовном законе количества объектов посягательства, при защите которых возможно причинение любого вреда посягающему (здоровье, половая неприкосновенность и половая свобода, защита от противоправного насильственного вторжения в жилище, случаи группового и вооружённого нападения);

- обязательность оценки психологического состояния защищающегося для признания правомерности необходимой обороны (страх, испуг, сильное душевное волнение и т.д.).

Дальнейшее развитие законодательства и практики его применения позволит найти решения, способствующие развитию института необходимой обороны как важнейшего элемента права обороняющегося на свою защиту.

Библиографический список

1. Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. – 2-е изд. – М., 1912.

2. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года: с дополнениями по 1 янв. 1876 г. / сост. проф. С.-Петербург. ун-та Н.С. Таганцевым; [авт. предисл. Н.С. Таганцев]. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – СПб., 1876. – 726 с.

3. Михайлов В.И. Уголовное уложение 1903 г. и его значение для развития теории правомерного вреда (обстоятельств, исключаящих преступность деяния) // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию : материалы Российского конгресса уголовного права, 26–27 мая 2011 г. – М., 2011. – С. 145–148.

Татьянин Дмитрий Владимирович,

*к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного процесса
и правоохранительной деятельности Удмуртского
государственного университета, г. Ижевск*

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СТОРОН УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО КОНФЛИКТА В СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Введение принципа состязательности в УПК РФ изначально вызвало дискуссию о реальной возможности её реализации при производстве предварительного расследования, поскольку конструкция ст. 15 УПК РФ вызвала ряд вопросов²⁶⁶. Однако указанный вопрос и в настоящее время вызывает дискуссии.

²⁶⁶ См.: *Волчецкая Т.С.* Законодательное закрепление и проблема реализации принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной принятию нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации ; отв. ред. П.А. Лупинская, М., 2002. С. 27–29; *Свиридов М.К.* Состязательность и установление истины в уголовном судопроизводстве // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. под ред. Ю.К. Якимовича. Ч. 10. Проблемы уголовного процесса в свете нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Томск, 2002. С. 3–7;

Согласно части 2 указанной нормы «функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или на одно и то же должностное лицо». Исходя из конструкции УПК РФ, должностные лица органов предварительного расследования и прокуратуры отнесены к стороне обвинения, при этом именно на них возлагается обязанность принимать решения по результатам производства предварительного расследования по уголовному делу. Таким образом, на следователя, дознавателя, прокурора одновременно возложены функции обвинения и разрешения уголовного дела, что противоречит состязательности. Здесь следует обратить внимание на два момента. Орган или должностное лицо, разрешающие уголовное дело, не должны быть заинтересованы в поддержании позиции любой из сторон, но если этот орган отнесён к стороне обвинения, соответственно, должен реализовать функцию обвинения. В таком случае возникает вопрос: может ли он принять независимое и обоснованное решение при разрешении уголовного дела по существу? Введение Следственного комитета РФ было направлено на создание самостоятельного независимого следственного аппарата, который должен расследовать преступления в соответствии с требованиями закона, не учитывая необходимость создания «высоких» показателей раскрываемости преступлений, что изначально должно было исключить обвинительный уклон в деятельности следователей. Следует учесть, что жалобы и ходатайства в ходе производства предварительного расследования для их разрешения направляются сторонами – участниками уголовно-правового конфликта следователю или дознавателю, ведущему производство по уголовному делу, либо их руководителям или прокурору. Бесспорно, в указанном случае говорить о процессуальном равенстве

Андреева О.И. Некоторые аспекты состязательности сторон как принцип уголовного судопроизводства // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. под ред. Ю.К. Якимовича. Ч. 10. Проблемы уголовного процесса в свете нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Томск, 2002. С. 36–41 и др.

сторон недопустимо. Не могут быть равными участники процесса, обладающие властными полномочиями по проведению предварительного расследования, также по обеспечению прав и законных интересов участников уголовно-правового конфликта и стороны – участники уголовно-правового конфликта, не обладающие властными полномочиями и обращающиеся за защитой своих интересов к следователю или дознавателю. Следует поддержать позицию авторов, отмечающих, что органы предварительного расследования при производстве по уголовному делу осуществляют функцию предварительного расследования²⁶⁷.

В подтверждение тезиса о том, что органы предварительного расследования не могут выступать в качестве стороны обвинения в уголовном судопроизводстве, следует обратить внимание на ч. 4 ст. 15 УПК РФ, где указано, что стороны обвинения и защиты равноправны перед судом, т.е. указанная норма подчёркивает, что равноправие сторон имеет место в судебном разбирательстве, когда уголовное дело разбирается судом по существу. Необходимо отметить, что государственный обвинитель, который поддерживает государственное обвинение, хотя и является прокурором или его заместителем, или помощником по должности, в суде он обладает полномочиями именно государственного обвинителя, которые фактически равны правам и обязанностям защитника подсудимого. Сторону обвинения представляет государственный обвинитель, а сторону защиты – защитник (в исключительных случаях сам подсудимый при отказе от защитника в связи с осуществлением

²⁶⁷ См.: *Татьянина Л.Г.* Предварительное расследование в системе функций уголовного процесса // Ученые записки : сборник науч. трудов юридического факультета Оренбургского государственного университета. Оренбург, 2006. С. 49–53; *Ларин А.М.* Расследование уголовного дела: процессуальные функции. М. : Юрид. лит., 2006; *Телигисова С.С.* Уголовно-процессуальные функции следователя и их место в его деятельности // Вестник ОГУ. 2011. № 3 (122). С. 146–153; *Стародубова Г.В.* Процессуальная функция следователя и ее отражение в основных решениях по уголовному делу // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5, № 4. С. 86–90 и др.

защиты самостоятельно). Особенность состязательности в судебном заседании заключается в том, что представители обеих сторон обладают равными правами и обязанностями в процессе, все жалобы и ходатайства обращены к суду, который их разрешает.

В ходе предварительного расследования равными правами по собиранию, проверке и оценке доказательств обладают только участники уголовно-правового конфликта и их представители. Они наделены правом собирать доказательства в порядке, установленном ч. 2 ст. 86 УПК РФ. В отношении проверки доказательств их деятельность связана с заявлением ходатайств о необходимости проведения следственных действий, направленных на получение доказательств, посредством которых можно опровергнуть или подтвердить уже имеющиеся. Оценка доказательств, данная сторонами, отражается в их ходатайствах и жалобах, она может быть принята во внимание при принятии решения следователем или дознавателем, но это решается по усмотрению последних. Решение по делу по результатам предварительного расследования принимают следователь или дознаватель на основе своего усмотрения, которое было сформировано посредством исследования имеющейся в уголовном деле совокупности доказательств.

Следует отметить, что параллельно производству предварительного расследования по уголовному делу осуществляется судебное разбирательство по делам особого производства, к которым относятся: рассмотрение жалоб в порядке ст. 125 и 125.1 УПК РФ; применение мер пресечения и процессуального принуждения, ограничивающих конституционные права и свободы граждан; судебное санкционирование²⁶⁸.

²⁶⁸ См.: *Якимович Ю.К.* Дифференциация уголовного судопроизводства по новому УПК РФ // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. под ред. Ю.К. Якимовича. Ч. 10. Проблемы уголовного процесса в свете нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Томск, 2002. С. 13–18; *Иванова О.Г.* О производстве по избранию мер пресечения судом // Правовые проблемы укрепления российской государственности / отв. ред.: М.К. Свиридов, Ю.К. Якимович. Ч. 51. Томск, 2011. С. 87–91; *Татьянина Л.Г.* Виды особых производств

В указанных ситуациях суд осуществляет правосудие, разрешая уголовно-процессуальный конфликт, который возник при применении уголовно-процессуальных норм. Исходя из положений Конституции РФ и УПК РФ, суд не наделён полномочиями по осуществлению контроля за деятельностью органов исполнительной власти, в противном случае можно будет говорить о взаимозависимости суда и органов предварительного расследования, что однозначно противоречит независимости судебной власти.

В связи с исследованием доказательств по уголовному делу при рассмотрении дел особого производства, на основании которых суд принимает решение, которое может быть оспорено в вышестоящих инстанциях, следует исключить возможность рассмотрения уголовного дела по существу судьей, рассматривавшим дело особого производства, поскольку он оценил ряд доказательств при принятии решения, высказав, таким образом, своё мнение по отдельным вопросам расследования, что, безусловно, не может не отразиться в последующем на принятии окончательного решения по уголовному делу.

Учитывая изложенное, полагаю, что применительно к предварительному расследованию можно говорить только о состязательности между сторонами уголовно-правового конфликта и их представителями. Органы предварительного расследования не являются сторонами конфликта и принимают решение на основе собранных доказательств по уголовному делу, реализуя дискреционные полномочия, что исключает участие в состязательности с заинтересованными сторонами. Для обеспечения состязательности

в уголовном процессе России // Вестник Удмуртского университета. Сер. «Экономика и право». 2016. Т. 26, № 2. С. 123–126; *Адилъшаев Э.А.* Судебное санкционирование в уголовном процессе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011; *Рябцева Е.В.* Судебное санкционирование по избранию заключения обвиняемого/подозреваемого под стражу: проблемы процессуальной регламентации // Российское правосудие. 2010. № 3. С. 35–38; *Татьянин Д.В.* Ограничение процессуальной самостоятельности следователя судебным санкционированием // Судебная власть и уголовный процесс. 2022. № 1. С. 75–80 и др.

сторон в процессе предварительного расследования следует наделить равными правами защитника и представителя потерпевшего, поскольку как представители конфликтующих сторон они должны иметь равные возможности по отстаиванию их прав. Согласно ч. 3 ст. 86 УПК РФ защитник подозреваемого/обвиняемого обладает большими правами по сравнению с представителем потерпевшего, который обладает правами, как и представляемое им лицо, установленными в ч. 2 ст. 86 УПК РФ.

Одним из дискуссионных моментов является вопрос о возможности представления сторонами доказательств в любой момент производства по уголовному делу, как в стадии предварительного расследования, так и в стадии подготовки дела к судебному разбирательству, так и в ходе судебного разбирательства. Подобный подход приводит к тому, что стороны не представляют имеющиеся доказательства в процессе предварительного расследования, заявляя о них в судебном заседании, что негативно отражается, с одной стороны, на возможности их удовлетворения, с другой – на возможности своевременного опровержения их противоположной стороной. Заявление о том, что не доверяют органам предварительного расследования, вызывает сомнение, поскольку информацию можно представить, обеспечив её сохранность. При непредоставлении своевременно доказательства возникает угроза принятия необоснованного решения, в связи с чем полагаю, что необходимо разъяснять сторонам о необходимости предоставления имеющихся доказательств своевременно в целях обеспечения принятия объективного решения, указав, что непредставленные своевременно доказательства могут быть приняты только после предоставления бесспорных доводов/доказательств, подтверждающих невозможность представить указанные доказательства ранее. Указанный подход обеспечит реализацию состязательности сторон при невмешательстве в процесс собирания ими доказательств со стороны органов предварительного расследования.

Тензина Елена Фанавиевна,

*к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного процесса
и правоохранительной деятельности Удмуртского
государственного университета, г. Ижевск*

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК СУБЪЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДЕЛОВ СУДЕЙСКОГО УСМОТРЕНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

В юридической науке и правоприменении в последнее время широко используется категория усмотрения, разновидностью которой является судебское (судебное) усмотрение. Большинство учёных признают данное правовое явление в российской правовой системе, в том числе в уголовном и уголовно-процессуальном праве. Присутствие судебного усмотрения в судопроизводстве обусловлено объективными факторами: динамичными изменениями в жизни общества, пробелами и коллизиями в законодательстве, наличием оценочных понятий и рядом других. Действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ в сравнении с ранее существовавшими кодифицированными актами больше всего подвергался корректированию как по инициативе законодателя, так и по инициативе Конституционного Суда Российской Федерации. Только за 2023 год в УПК РФ вносились поправки семь раз.

Верховный Суд Российской Федерации, являясь высшим судебным органом, выступает одним из субъектов законодательной инициативы: «В центре его внимания – судебский статус, а ещё организация работы судов и уголовно-процессуальные нормы. Значительная часть предложенных новелл касается ускорения и оптимизации процесса, ведь нагрузка на судебную систему растёт из года в год»²⁶⁹.

²⁶⁹ *Ефименко Е.* Законопроекты ВС и их судьба: анализ и статистика. URL: <https://pravo.ru> (дата обращения: 13.03.2024).

Кроме того, в ситуации правовой неопределенности именно Верховный Суд РФ выступает субъектом формирования пределов судебного усмотрения по уголовным делам. В литературе пределы судебного усмотрения в уголовном процессе определяют как границы возможного законного поведения судьи (суда) по своему усмотрению при выборе процессуальных решений и действий, которые определяются назначением уголовного судопроизводства²⁷⁰.

В большинстве своём официальная позиция Верховного Суда РФ действительно стремится к унификации правоприменительной деятельности судей, раскрывает содержание оценочных уголовно-процессуальных категорий, определяя тем самым границы судебного усмотрения в уголовном судопроизводстве. Однако есть отдельные решения, которые призывают к дискуссии, например постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 (ред. от 28.06.2022) «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»²⁷¹. Необходимо отметить, что в указанное постановление Пленум Верховного Суда РФ шесть раз вносил правки, в том числе и концептуальные. В последней редакции документ в большей части содержит алгоритм проведения судебной проверки жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ. Однако, полагаем, что в данном решении Верховным Судом РФ даже в последней редакции сохранены достаточно широкие пределы для проявления судебного усмотрения в части предмета обжалования в порядке, установленном ст. 125 УПК РФ. В частности, в п. 4 постановления Пленум Верховного Суда РФ сохраняет возможность обжалования решения и действия должностных лиц, органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность по выявлению, пресечению преступле-

²⁷⁰ *Хайдаров А.А.* Пределы судебного усмотрения в российском уголовном процессе // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/>

²⁷¹ О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 (ред. от 28.06.2022). URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.03.2024).

ний. Такой подход, по-видимому, был вызван необходимостью нивелировать пробел в оперативно-розыскном законодательстве, которое не предусмотрело механизм судебного обжалования действий органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность²⁷².

Пределы судебского усмотрения определяются не только в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, но и судебных решениях, вынесенных по конкретным уголовным делам.

В частности, вызывает интерес опубликованное в обзоре практик в 2023 году решение Верховного Суда Российской Федерации по уголовному делу частного обвинения²⁷³. Присутствие публичного интереса в сфере уголовного судопроизводства очевидно. В то же время эта очевидность не исключает возможность в определённых случаях приоритетного учёта интересов личных, но на таких условиях, которые вызывают вопросы. Так, житель г. Пятигорска привлекался к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 115 УК РФ. 03.12.2020 сотрудником полиции было вынесено решение об отказе в возбуждении уголовного дела по п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием состава преступления. Вместе с тем 02.03.2021 мировым судьёй принято решение о принятии к производству заявления о привлечении к уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 115 УК РФ. Судами первой и апелляционной инстанций житель Пятигорска признан виновным. При этом решение сотрудника полиции об отказе в возбуждении уголовного дела не отменялось²⁷⁴.

В кассационном определении по делу № 19-УД23-16-К5 от 06.07.2023 Верховный Суд РФ со ссылкой на позицию Конституционного Суда РФ²⁷⁵, которая была высказана лишь 28 июня 2023 г.,

²⁷² Статья 5 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об оперативно-розыскной деятельности». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.03.2024).

²⁷³ Банк судебных документов. URL: <https://vsrf.ru/stor> (дата обращения: 13.03.2024).

²⁷⁴ Там же.

²⁷⁵ По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 24 и пункта 5 части первой статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса

поддержал решения нижестоящих судов, указав что: «...обязанность мирового судьи рассмотреть <...> заявление не может ставиться в зависимость от принятия должностными лицами органов дознания и предварительного следствия решения об отказе в возбуждении уголовного дела частного обвинения по тому же обвинению в отношении того же лица ввиду отсутствия в деянии признаков соответствующего преступления»²⁷⁶.

Следуя хронологии принятия итоговых решений по материалам приведённого уголовного дела, прослеживается доминирующая позиция Верховного Суда РФ в решении вопроса о приоритете частных интересов в разрешении уголовного конфликта по преступлениям, перечисленным в ч. 1 ст. 20 УПК РФ. Однако складывается интересная практика: по одному факту вынесены два диаметрально противоположных процессуальных решения, каждое из которых устоявшее, что вряд ли можно признавать логичным и законным. Полагаем, указанным прецедентом создана правовая неопределённость.

Считаем, в приведённой ситуации решение органа дознания должно быть признано незаконным в судебном порядке, установленном ст. 125 УПК РФ, как принятое за пределами полномочия отказывать в возбуждении уголовного дела частного обвинения, либо по нему должно состояться решение надзирающего прокурора.

Отмечая ведущую роль Верховного Суда Российской Федерации в формировании пределов судебского усмотрения в уголовном судопроизводстве, одновременно хотелось бы отметить необходимость более широкой вовлечённости профессионального сообщества в решение вопросов доктринального уровня при обсуждении проектов постановлений Пленума Верховного Суда РФ. Кроме того, при рассмотрении конкретных уголовных дел судам рекомендовать принимать во внимание письменно представленные заключения ведущих учёных-юристов, даваемые по запросам участников уголовного процесса.

Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.А. Школьник : постановление Конституционного Суда РФ от 28.06.2023 № 36-П. URL: <https://www.consultant.ru>

²⁷⁶ Банк судебных документов. URL: <https://vsrf.ru/stor> (дата обращения: 13.03.2024).

Библиографический список

1. Хайдаров А.А. Пределы судебного усмотрения в российском уголовном процессе // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2010. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/>

Титов Сергей Николаевич,

*к.ю.н., доцент, проректор по учебно-методической работе,
доцент кафедры права ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный
педагогический университет имени И.Н. Ульянова»,
г. Ульяновск*

МОЖЕТ ЛИ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЛУЖЕБНОГО ПОЛОЖЕНИЯ РАССМАТРИВАТЬСЯ КАК ОТЯГЧАЮЩЕЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ?

Опишем круг составов, которые могут быть отнесены к составам преступлений против интеллектуальной собственности. Представляется бесспорным отнесение к ним ст. 146, 147, 180 УК РФ. Более сложным является вопрос о причислении к таким составам ст. 183 УК РФ.

Сопоставление ст. 1495 ГК РФ и ст. 3 Федерального закона от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне»²⁷⁷ позволяет сделать вывод, что по действующему гражданскому законодательству ноу-хау и сведения, составляющие коммерческую тайну, – это одно и то же. Данное умозаключение поддерживается другими исследователями²⁷⁸.

²⁷⁷ О коммерческой тайне: Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ // Российская газета. № 166, 05.08.2004.

²⁷⁸ Зенин И.А. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части четвертой. М.: Юрайт, 2008. С. 437.

Учитывая, что ст. 183 УК РФ предусматривает ответственность за соби́рание сведений, составляющих коммерческую тайну, путём похищения документов, подкупа или угроз, а равно иным незаконным способом, а также за незаконные разглашение или использование сведений, составляющих коммерческую тайну, без согласия их владельца лицом, которому она была доверена или стала известна по службе или работе, данная статья непосредственно направлена на обеспечение охраны, кроме прочего, интеллектуальной собственности.

В действующей редакции статей о преступлениях против интеллектуальной собственности признак использования виновным своего служебного положения предусмотрен п. «г» ч. 3 ст. 146 УК РФ и ч. 2 ст. 183 УК РФ.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 27 постановления от 26.04.2007²⁷⁹ к этой группе субъектов, применительно к нарушению авторских и смежных прав, относит три группы лиц. Во-первых, это должностное лицо, обладающее признаками, предусмотренными примечанием 1 к ст. 285 УК РФ. Во-вторых, государственный или муниципальный служащий, не являющийся должностным лицом. В-третьих, иное лицо, отвечающее требованиям, предусмотренным примечанием 1 к ст. 201 УК РФ.

В отношении первых двух категорий не возникает никаких сомнений. Следует лишь подчеркнуть важность для квалификации исследования документов о должностных полномочиях соответствующего субъекта²⁸⁰. Вопрос о третьей категории заслуживает более детального рассмотрения.

²⁷⁹ О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.04.2007 № 14 // Российская газета. 05.05.2007. № 95.

²⁸⁰ *Гостькова Д.Ж., Штефан А.В.* Проблемы квалификации преступлений, совершаемых при исполнении должностных полномочий служащими органов внутренних дел // Российский следователь. 2022. № 1. С. 34.

Для констатации данного признака суды считают необходимыми два условия: лицо должно быть руководителем организации и использовать свои служебные полномочия для совершения преступления. Примеров подобной трактовки признака использования служебного положения в судебной практике предостаточно²⁸¹.

Следует подчеркнуть, что одного занятия руководящего положения виновным для вменения признака использования служебного положения недостаточно. Подлежит доказыванию именно использование возможностей такого положения для совершения преступления. Это обстоятельство является причиной ошибок в квалификации²⁸².

Таким образом, в соответствии с этим подходом, если субъект не занимает руководящего положения в организации, то вменение этого признака недопустимо. Такая позиция представляется спорной.

Первая позиция соответствует описанному выше подходу судов. Для вменения виновному признака совершения преступления с использованием служебного положения необходимо занятие им руководящего положения в организации²⁸³.

²⁸¹ Постановление Президиума Краснодарского краевого суда от 02.03.2011 по делу № 44у-147/2011; Апелляционное определение Свердловского областного суда от 09.09.2021 по делу № 33-13120/2021; Апелляционное определение Свердловского областного суда от 27.08.2021 по делу № 22-5763/2021; Апелляционное определение Свердловского областного суда от 02.07.2021 по делу № 22-4250/2021; Кассационное определение Новосибирского областного суда от 11.05.2011 № 22-1980/2011; Апелляционное определение Свердловского областного суда от 26.03.2019 по делу № 22-2366/2019 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.01.2024).

²⁸² Приговор Ленинского районного суда г. Томска от 18.05.2016 по делу № 1-30/16. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 21.01.2024).

²⁸³ Шнитенков А.В. Использование служебного положения как квалифицирующий признак состава преступлений : материалы Российского конгресса уголовного права 29–30 мая 2008 г. / отв. ред. В.С. Комиссаров. М., 2008. С. 333; Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность. М., 2012. С. 502; Кочои С.М. Уголовное право: Общая и Особенная части : краткий курс. М., 2010. С. 307; Плохова В.И. Субъект присвоения и растраты // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Право». 2000. № 1. С. 290–295.

В то же время предложения о расширении трактовки данного признака звучат всё чаще²⁸⁴.

В значительном числе научных работ по этой тематике специальный субъект трактуется максимально широко и включает в себя не только должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, но и сотрудников некоммерческих организаций, не располагающих распорядительными полномочиями²⁸⁵.

Последнюю из названных точек зрения следует признать заслуживающей внимания. Повышенная общественная опасность деяний, совершаемых с использованием служебных положений, обусловлена теми возможностями, используемыми виновным, которые облегчают совершение преступления и, соответственно, увеличивают разрушительную силу воздействия преступника на общественные отношения.

Так вот, данные дополнительные возможности, очевидно, могут основываться не только на распорядительных полномочиях лица в рамках организации, но и на доступе к сведениям, материальным ценностям, оборудованию и т.д.

Увеличение общественной опасности при рассматриваемом признаке преступления основывается на том, что служебное положение облегчает совершение преступления ввиду имеющихся у лица полномочий, информации или доступа к ней, доверия со стороны тех или иных граждан и т.д. Облегчение совершения преступления повышает разрушительные, деструктивные возможности виновного. В связи с этим не представляют большой разницы возможности должностного лица и работника, не обладающего властными полномочиями.

²⁸⁴ *Ефремова М.А.* Уголовно-правовая охрана информационной безопасности. М., 2018. С. 207; *Русскевич Е.А.* О квалификации преступлений в сфере компьютерной информации, совершаемых с использованием служебного положения // Российское правосудие. 2019. № 2. С. 38.

²⁸⁵ *Елисеев С.А.* Преступления против собственности по уголовному законодательству России (вопросы теории). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. С. 173; *Егорова Н.А.* Ответственность за «служебные» мошенничества: необходимость новых правовых подходов // Российская юстиция. 2014. № 8. С. 19–22.

Соответствующий подход можно проследить в правоприменительной практике по делам о различных категориях преступлений.

На основании методических рекомендаций Генпрокуратуры Российской Федерации к субъектам преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 272 УК РФ, отнесены все лица, на законных основаниях использующие информацию, в том числе администраторы баз данных и программисты²⁸⁶.

Существуют разъяснения верховной судебной инстанции относительно этого квалифицирующего признака для иных преступлений. Применительно к преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков указывалось, что под использующим своё служебное положение лицом (п. «в» ч. 2 ст. 229 УК РФ) следует и лицо, выполнение трудовых функций которого связано с работой с наркотическими средствами или психотропными веществами²⁸⁷.

Применительно к преступлениям, связанным с незаконным оборотом оружия, признак совершения преступления с использованием служебного положения в ст. 226 УК РФ трактуется как хищение соответствующих предметов лицом, которое наделено служебными полномочиями, связанными с оборотом оружия, без привязки к его распорядительным полномочиям²⁸⁸.

В судебной практике по делам о преступлениях против интеллектуальной собственности также встречаются случаи вменения рассматриваемого признака, когда способ совершения преступле-

²⁸⁶ Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации (утв. Генпрокуратурой России) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.01.2024).

²⁸⁷ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2006 № 14 // Российская газета. 2006. 28 июня.

²⁸⁸ О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12.03.2002 № 5 // Российская газета. 2002. 19 марта.

ния прямо не связан с распоряжениями подчинённым со стороны руководителя²⁸⁹.

Представляется верной более широкая трактовка признака использования своего служебного положения с включением в неё сотрудников некоммерческой организации, не занимающих руководящего положения.

Поскольку толкование данного признака уже осуществлено высшей судебной инстанцией, причём неоднозначно, представляется необходимым изменить трактование этого признака в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14 с указанием того, что под лицом, использующим при совершении преступления своё служебное положение, следует понимать также иное лицо, выполнение трудовых функций которого связано с работой с объектами интеллектуальной собственности.

Теперь разберём содержание использования служебного положения с объективной стороны. В науке наиболее распространённый подход заключается в следующем: под использованием служебного положения принято понимать как действия, входящие в должностные полномочия виновного, так и не входящие, но возможные благодаря занятию определённой должности²⁹⁰.

В судебной практике по делам о преступлениях против интеллектуальной собственности чаще всего встречаем примеры первой категории²⁹¹.

Между тем распространены случаи и дугой трактовки. Примером этого может быть описанное выше дело по ч. 2 ст. 183 УК РФ. Для дел данной категории это часто встречающаяся практика.

²⁸⁹ Приговор Октябрьского районного суда г. Белгорода от 02.12.2016 по делу № 1-428/2016. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigsp/portal.html> (дата обращения: 21.01.2024).

²⁹⁰ *Волженкин В.Б.* Служебные преступления. М., 2000. С. 38–39; *Утевский Б.С.* Общее учение о должностных преступлениях. М., 1948. С. 327; *Гаухман Л.* Коррупция и коррупционное преступление // *Законность.* 2000. № 6. С. 2.

²⁹¹ Приговор Сысертского районного суда Свердловской области от 25.01.2017 по делу № 1-3/2017. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigsp/portal.html> (дата обращения: 21.01.2024).

Служащий, имеющий доступ к коммерческой тайне, передавая её третьим лицам, разумеется, не выполняет порученной работы. В подобных случаях виновный лишь использует те возможности, которые даёт ему занимаемая должность, например доступ к информации.

Таким образом, использование служебного положения можно определить как совершение преступных действий с использованием должностных полномочий либо прав и возможностей, обусловленных служебным положением виновного.

Рассмотрим вопрос о наличии такого признака в нормах о преступлениях против интеллектуальной собственности. Следует отметить, что здесь имеет место недостаток системности. Дело в том, что в ст. 146 УК РФ соответствующий квалифицированный состав представлен, а в ст. 147 УК РФ – нет. Конечно, это не значит, что использование служебного положения при нарушении патентных прав не может быть учтено. Как отягчающее обстоятельство, оно подлежит оценке на основании ст. 63 УК РФ. По нашему мнению, было бы более корректным включить данный признак во все составы преступлений против интеллектуальной собственности. Данное предложение уже неоднократно высказывалось в литературе и заслуживает поддержки. Это позволит соблюсти принцип системности регулирования ответственности за преступления против интеллектуальной собственности и более адекватно отразить в законодательстве признак использования служебного положения.

С точки зрения признаков состава этот квалифицирующий признак можно представить следующим образом. Использование служебного положения может сопровождаться причинением вреда факультативному объекту в виде интересов службы в организации. К признакам объективной стороны в этом случае прибавляется способ – преступление совершается с применением тех возможностей, которые предоставлены виновному по службе. С субъективной стороны преступление совершается с прямым умыслом, поскольку виновный осознаёт совершение преступления с использованием служебного положения и желает этого. Также этот квалифицирующий признак предполагает наличие специального субъекта как представителя одной из категорий субъектов, которые описаны выше.

Библиографический список

1. Гостькова Д.Ж., Штефан А.В. Проблемы квалификации преступлений, совершаемых при исполнении должностных полномочий служащими органов внутренних дел // Российский следователь. – 2022. – № 1. – С. 33–37.
2. Шнитенков А.В. Использование служебного положения как квалифицирующий признак состава преступлений : материалы Российского конгресса уголовного права, 29–30 мая 2008 г. / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М., 2008. – 736 с.
3. Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность. – М. : Норма: Инфра-М, 2012. – 528 с.
4. Кочои С.М. Уголовное право: Общая и Особенная части : краткий курс. – М. : КОНТРАКТ; Волтерс Клувер, 2010. – 416 с.
5. Плохова В.И. Субъект присвоения и растраты // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Право». – 2000. – № 1. – С. 290–295.
6. Ефремова М.А. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности. – М. : ЮРЛИТИНФОРМ, 2018. – 312 с.
7. Русскевич Е.А. О квалификации преступлений в сфере компьютерной информации, совершаемых с использованием служебного положения // Российское правосудие. – 2019. – № 2. – С. 35–41.
8. Елисеев С.А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России (вопросы теории). – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. – 176 с.
9. Егорова Н.А. Ответственность за «служебные» мошенничества: необходимость новых правовых подходов // Российская юстиция. – 2014. – № 8. – С. 19–22.
10. Волженкин В.Б. Служебные преступления. – М. : Юристъ, 2000. – 368 с.
11. Утевский Б.С. Общее учение о должностных преступлениях. – М. : Юр. Изд-во Министерства юстиции СССР, 1948. – 439 с.
12. Гаухман Л. Коррупция и коррупционное преступление // Законность. – 2000. – № 6. – С. 2–6.

Туров Сергей Юрьевич,

*к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса
и правоохранительной деятельности, ФГБОУ ВО
«Удмуртский государственный университет»,
г. Ижевск*

ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ РАПОРТА ОБ ОБНАРУЖЕНИИ ПРИЗНАКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

На современном этапе развития уголовно-процессуальной науки и практики одной из наиболее актуальных проблем является использование в доказывании сведений, хотя и имеющих значение для уголовного дела, но полученных (собранных) вне процессуальной формы, предусматривающей порядок проведения процессуальных действий и их документирования. Особая сложность возникает с применением в доказывании «иных документов» (п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ), т.к. закон не раскрывает их суть и содержание, а предъявляет лишь общие требования относимости к уголовному делу зафиксированной в них информации (ч. 1 ст. 84 УПК РФ). В отсутствие легальной дефиниции этого вида доказательства интересной представляется ст. 157 Модельного Уголовно-процессуального кодекса для государств участников СНГ, где даётся определение используемому в доказывании документу²⁹². Согласно положениям спроектированной нормы «под документом понимается всякая запись на бумажном, электронном или другом носителе, выполненная в словесной, цифровой, графической или иной знаковой форме, предназначенная для сохранения, преобразования, передачи, удостоверения сведений, которые могут иметь значение для уголовного дела». Стоит заметить актуальность и современность изложенной

²⁹² Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств участников СНГ. Принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств (постановление № 7-6 от 17 февраля 1996 г.). URL: <https://online.zakon.kz/> (дата обращения: 23.02.2024).

семантической характеристики термина «документ», т.к. она учитывает совокупность идентифицирующих его свойств, закреплённых в действующем российском законодательстве²⁹³ и ГОСТах²⁹⁴.

По общему правилу, предусмотренному ст. 75 УПК РФ, недопустимыми являются доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ. Этому фундаментальному положению корреспондирует позиция Верховного Суда РФ, который в п. 16 постановления Пленума № 8 от 31 октября 1995 г. разъяснил, что не имеют юридической силы доказательства, собранные и закреплённые ненадлежащим лицом или органом либо в результате действий, не предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством²⁹⁵. Изложенные выводы Верховного Суда РФ дословно отражены в пункте 13 постановления Пленума № 51 от 19 декабря 2017 г.²⁹⁶. Раскрывая конституционно-правовое содержание ст. 75 УПК РФ, Конституционный Суд РФ пришёл к правовому мнению о том, что она определяет только какие доказательства относятся к недопустимым, но не устанавливает правила оценки доказательств, которые предусмотрены ч. 1 ст. 88 УПК РФ²⁹⁷. Равным образом

²⁹³ См., например, Федеральный закон «Об обязательном экземпляре документов» от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ; Федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации» от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ; Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ и др. Здесь и далее, если не оговорено иное, ссылка сделана на источники (нормативные и научные, а также на судебные решения), опубликованные в СПС «КонсультантПлюс».

²⁹⁴ См., например, ГОСТ Р 7.0.8-2013. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения (утв. Приказом Росстандарта от 17 октября 2013 г. № 1185-ст) и др.

²⁹⁵ См. пункт 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия».

²⁹⁶ См. пункт 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)».

²⁹⁷ См., например, определения Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2008 г. № 527-О-О, от 23 июня 2009 г. № 886-О-О,

в п. 2 постановления № 1 от 5 марта 2004 г. Пленум ВС РФ, избегая прямых указаний на то, какие иные доказательства следует считать полученными с нарушением требований УПК РФ и относить к недопустимым на основании п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, ориентировал суды в каждом случае выяснять, в чём конкретно выразилось допущенное нарушение²⁹⁸, расширив рамки судейского усмотрения.

Доказательственное значение рапорта об обнаружении признаков преступления вызывает немало дискуссий. Согласно положениям ст. 143 УПК РФ он представляет собой письменное сообщение должностного лица о совершённом или готовящемся преступлении из иных источников. В п. 43 ч. 1 ст. 5 УПК РФ рапорт соотнесён с понятием сообщение о преступлении. Исходя из положений п. 9 ст. 5 УПК РФ во взаимосвязи с ч. 1 ст. 143, ч. 1 ст. 144 УПК РФ, зафиксированное в нём сообщение о преступлении служит поводом для возбуждения уголовного дела и выступает основанием для начала уголовно-процессуальной деятельности в досудебном производстве. Детально полномочия правоохранительных органов по приёму, оформлению и составлению сообщений, а также по их проверке и принятию решений, предусмотренных ст. 145 УПК РФ, отражены в межведомственных и ведомственных нормативных актах правоохранительных органов.

Помимо сообщения о преступлении, рапортом об обнаружении признаков преступления оформляются результаты оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД). В соответствии с Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд²⁹⁹ (далее –

от 23 сентября 2010 г. № 1190-О-О, от 21 июня 2011 г. № 849-О-О, от 29 сентября 2011 г. № 1200-О-О, от 23 апреля 2013 г. № 497-О, от 17 июня 2013 г. № 936-О, от 29 мая 2014 г. № 1049-О, от 29 января 2019 г. № 73-О и др.

²⁹⁸ См. пункт 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

²⁹⁹ Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68

Инструкция), принятой на основании ч. 4 ст. 11 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (далее – Закон об ОРД), результаты ОРД предоставляются в виде рапорта об обнаружении признаков преступления и сообщения о результатах ОРД (п. 6). Рапорт составляется должностным лицом органа, осуществляющего ОРД, по требованиям ст. 143 УПК РФ (п. 7). Важно обозначить, что предусмотренный Инструкцией алгоритм передачи рапорта с результатами ОРД не является единственным. В силу ч. 2 ст. 40, п. 3 ч. 1 ст. 149, ч. 1 ст. 157 УПК РФ орган дознания вправе самостоятельно приобщить результаты ОРД к материалам доследственной проверки или возбуждённому им же уголовному делу. Не противоречит закону и введение в уголовный процесс материальных объектов, полученных при проведении ОРМ путём их изъятия в ходе следственных действий.

Что касается законодательных аспектов регламентации результатов ОРД, то прежде всего обращают на себя внимание юридически некорректные и сжатые конструкции норм, определяющих правила их применения в уголовном судопроизводстве, которые, на наш взгляд, содержат элементы правовой неопределённости. Так, положения ч. 2 ст. 11 Закона об ОРД позволяют использовать результаты ОРД в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями УПК РФ, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств. Между тем буквальное толкование ст. 89 УПК РФ исключает перспективу применения результатов ОРД в доказывании, потому как независимо от способа фиксации в них обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, они формируются в процессе оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), проводимых субъектами ОРД за рамками уголовного процесса, предусматривающего значительно больше процессуальных гарантий. Разрешая коллизионность приведённых норм, Конституционный Суд РФ заключил, что результаты ОРМ являются не доказатель-

от 27 сентября 2013 г. «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд».

ствами, а лишь сведениями об источниках, способных стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путём на основе норм уголовно-процессуального закона³⁰⁰.

Исходя из этого, среди юристов не сформировалось единого представления относительно механизма процессуального закрепления и использования результатов ОРД в доказывании по уголовному делу. При всей широте диапазона предлагаемых решений, фундаментально их можно сгруппировать в три концепции. Сторонники первой допускают непосредственное использование результатов ОРД в качестве доказательств, но отмечают необходимость усовершенствования и развития законодательства в этой сфере правоотношений. Приверженцы второй полагают возможным использование результатов ОРД в качестве доказательств, но при условии их трансформации или преобразования в таковые уголовно-процессуальным путём. Представители третьей в принципе исключают любую возможность их использования в качестве доказательств. Заметим, что нормы ст. 84 УПК РФ создают препятствие для использования результатов ОРД через призму «иных документов», т.к. орган дознания не относится к перечисленным в ст. 86 УПК РФ субъектам, осуществляющим сбор доказательств, а ОРМ не являются процессуальными действиями. О том, что «иные документы» используются для установления обстоятельств уголовного дела с соблюдением требований норм, определяющих порядок собирания, проверки и оценки доказательств в уголовном судопроизводстве, также следует из позиции Конституционного Суда РФ³⁰¹.

Отсутствует консенсус в юридической литературе и относительно доказательственного значения рапорта, составленного при поступлении сообщения из иных источников. Так, по мнению В.И. Качалова, рапорт может использоваться в доказывании как «иной документ» при условиях: отражения в нём фактических

³⁰⁰ См., например, определения Конституционного Суда РФ от 21 мая 2015 г. № 1182-О; от 26 января 2017 г. № 189-О; от 30 мая 2023 г. № 1076-О.

³⁰¹ См. определения Конституционного Суда РФ от 24 сентября 2013 г. № 1293-О; от 28 мая 2013 г. № 723-О.

данных о признаках преступления; его надлежащем оформлении; указания в нём источников информации о признаках преступления³⁰². А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский хотя и относят заявление и сообщение о преступлении к «иным документам», в то же время исключают составление и удостоверение этого самостоятельного средства доказывания органами, ведущими уголовный процесс³⁰³. О.В. Качалова рассматривает рапорт лишь в качестве повода для возбуждения уголовного дела³⁰⁴. В понимании И.И. Сюбаева рапорт является внутренней формой взаимоотношений сотрудников правоохранительных органов и не имеет отношения к доказательствам³⁰⁵. Примечательно, что с позиции Л.Н. Масленниковой, на должностное лицо, составившее рапорт, распространяются положения ст. 306 УК РФ в той же мере, как и на любого другого заявителя³⁰⁶. Хотя, на наш взгляд, это мнение не согласуется с рекомендациями Верховного Суда РФ о том, что уголовная ответственность за заведомо ложный донос наступает при условии, если сообщение о преступлении (заявление о возбуждении уголовного дела) поступило от лица, предупреждённого в установленном порядке об уголовной ответственности по ст. 306 УК РФ³⁰⁷. Данное разъяснение суда

³⁰² Уголовно-процессуальное право : учебник для бакалавриата, специалитета, магистратуры и аспирантуры (адъюнктуры) / под общ. ред. В.М. Лебедева. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2021. С. 274, 430–431.

³⁰³ Уголовный процесс : авторский курс [учебное пособие] / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. М. : Эксмо, 2022. (Новая школа права). С. 109–110.

³⁰⁴ Качалова О.В. Рапорт об обнаружении признаков преступления не является доказательством виновности // Уголовный процесс. 2021. № 5. С. 8.

³⁰⁵ Сюбаев И.И. Допустимость показаний участников уголовного судопроизводства в качестве доказательств // Уголовный процесс. 2021. № 12. С. 29.

³⁰⁶ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П.А. Лупинская, Л.А. Воскобитова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА – М, 2021. С. 437.

³⁰⁷ См. пункт 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия».

³⁰⁷ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20 июня 2023 г. по делу № 4-УД23-24-А1.

корреспондирует УПК РФ, в котором отсутствуют предписания предупреждать об этом должностное лицо, составившее рапорт, в отличие от заявителя (ч. 6 ст. 141 УПК РФ).

Применительно к толкованию рапорта большую теоретическую и практическую значимость имеют правовые позиции Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, которая в своих определениях по результатам рассмотрения конкретных уголовных дел неоднократно допускала его в качестве доказательства как «иной документ»³⁰⁸. Схожих суждений придерживаются некоторые нижестоящие суды, признавая допустимыми доказательствами рапорты по результатам ОРМ и (или) рапорты по результатам рассмотрения сообщений из иных источников³⁰⁹. Впрочем, существуют и противоположные судебные решения, в которых рапорт не признается доказательством лишь по причине его отнесения УПК РФ к поводам для возбуждения уголовного дела³¹⁰. Но такой подход представляется весьма спорным, ведь принадлежность явки с повинной к поводам для возбуждения уголовного дела на основании п. 2 ч. 1 ст. 140 УПК РФ не препятствует её использованию в качестве доказательства, что следует из разъяснений Пленума

³⁰⁸ См., например, кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15 декабря 2004 г. по делу № 64-004-26; 17 сентября 2013 г. по делу № 14-013-11; 11 января 2022 г. по делу № 5-УДП 21-143-К2; от 20 июня 2023 г. по делу № 4-УД23-24-А1.

³⁰⁹ См., например, апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 4 июля 2023 г. по делу № 55-321/2023. URL: <https://4ap.sudrf.ru>; приговор Московского областного суда от 14 января 2022 г. по делу № 2-50/22 (2-121/21); апелляционное определение Московского городского суда № 10-15710/2014 от 15 декабря 2014 г. по делу № 1-546/14. URL: <https://mos-gorsud.ru> (дата обращения: 23.02.2023); апелляционный приговор Верховного Суда Удмуртской Республики № 22-1167/2019 от 11 июля 2019 г. по делу № 1-96/2019. URL: <https://vs.udm.sudrf.ru> (дата обращения: 23.12.2023).

³¹⁰ См., например, апелляционное постановление Ставропольского краевого суда № 22-4855/2020 от 29 сентября 2020 г. по делу № 1-135/2020; апелляционный приговор Верховного Суда Республики Бурятия от 2 апреля 2013 г. по делу № 22-581. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 23.02.2023).

Верховного Суда РФ³¹¹ и практики Верховного Суда³¹². Возможность использования явки с повинной в качестве доказательства неоднократно подтверждал и Конституционный Суд РФ³¹³.

Анализ законодательства, теоретико-правовых подходов и материалов судебной практики позволяет рассматривать рапорт в качестве доказательства, как «иной документ», но при соблюдении определённых условий, зависящих от характера содержащейся в нём информации. К общим требованиям следует отнести: составление рапорта уполномоченным должностным лицом правоохранительного органа в соответствии со ст. 143 УПК РФ; наличие в нём указания на конкретные источники сведений, относящихся к предмету доказывания; закрепление содержащихся в нём сведений путём производства следственных и иных процессуальных действий, отвечающих требованиям УПК РФ; подтверждения этих сведений совокупностью других проверяемых доказательств. В дополнение к этому рапорт с результатами ОРД способен стать доказательством, если: представлен в распоряжение органов предварительного расследования и суда в порядке, предусмотренном Инструкцией; отражённые в нём результаты ОРД получены (выполнены) в ходе ОРМ, проведённых для решения задач, указанных в ст. 2 ФЗ об ОРД, при наличии оснований и с соблюдением условий, предусмотренных ст. 7 и 8 этого же закона, при отсутствии признаков провокации или подстрекательства преступлений.

³¹¹ См. пункт 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре».

³¹² Определения Верховного Суда РФ от 16 июля 2004 г. № 89-О04-29сп; от 12 января 2017 г. № 53-АПУ16-32; от 29 ноября 2012 г. № 48-О12-107; от 2 февраля 2017 г. № 11-АПУ17-3; от 13 марта 2018 г. № 201-АПУ18-6; от 12 января 2017 г. № 53-АПУ16-32; от 2 февраля 2017 г. № 11-АПУ17-3.

³¹³ Определения Конституционного Суда РФ от 14 октября 2004 г. № 326-О, 17 июля 2012 г. № 1280-О, от 20 марта 2014 г. № 638-О, 24 июля 2014 г. № 1338-О, от 29 сентября 2015 г. № 2270-О, от 27 октября 2015 г. № 2343-О, от 23 июня 2016 г. № 1429-О, от 26 января 2017 г. № 183-О, от 29 января 2019 г. № 73-О и др.

Библиографический список

1. Качалова О.В. Рапорт об обнаружении признаков преступления не является доказательством виновности // Уголовный процесс. – 2021. – № 5.
2. Сюбаев И.И. Допустимость показаний участников уголовного судопроизводства в качестве доказательств // Уголовный процесс. – 2021. – № 12.
3. Уголовно-процессуальное право : учебник для бакалавриата, специалитета, магистратуры и аспирантуры (адъюнктуры) / под общ. ред. В.М. Лебедева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2021. – 936 с.
4. Уголовный процесс : авторский курс [учебное пособие] / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. – М. : Эксмо, 2022. – 368 с. – (Новая школа права).
5. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П.А. Лупинская, Л.А. Воскобитова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : ИНФРА – М, 2021. – 1008 с.

*Хомякова Маргарита Александровна,
научный сотрудник ФГБОУ ВО «Уральский государственный
аграрный университет», соискатель ФГБОУ ВО «Оренбургский
государственный университет», г. Екатеринбург*

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ НЕЗАКОННОГО СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА В РАМКАХ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В 2021 году вышел Указ Президента Российской Федерации «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации»³¹⁴.

³¹⁴ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // СЗ РФ 05.07.2021, № 27 (часть II), ст. 5351.

Согласно тексту этого Указа «необходимы согласованные действия по реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации, направленные на нейтрализацию внешних и внутренних угроз и создание условий для достижения национальных целей развития».

В научной литературе справедливо отмечается, что мы живём в эпоху обеспечения национальной безопасности в соответствии с нормами российского права. Это касается и совершенствования уголовно-правового механизма³¹⁵. Мы согласны с мнением о том, что в период становления национальной безопасности в России традиционно трансформируется уголовное право: принимаются новые уголовно-правовые нормы в условиях новой реальности, совершенствуется законодательство, связанное с уголовным правом и процессом и т.д.³¹⁶.

В п. 5 упомянутого выше Указа дано определение понятия «национальной безопасности», которое определяется как «состояние защищённости национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, её независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны».

Среди национальных интересов Российской Федерации – защита отношений в сфере материнства и детства, а также защита прав детей, которые представляют собой будущее нашего государства³¹⁷. В литературе неоднократно поднимался вопрос о корреляции

³¹⁵ *Нудель С.Л.* Уголовно-правовые механизмы обеспечения национальной безопасности // Журнал российского права. 2023. № 11. С. 62.

³¹⁶ *Хабриева Т.Я.* Национальные интересы и законодательные приоритеты России // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 19–20.

³¹⁷ *Волосова Н.Ю.* Некоторые аспекты профилактики и предупреждения семейного (домашнего) насилия в отношении детей // Актуальные проблемы защиты прав и свобод человека и гражданина : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Оренбург, 2022. С. 35.

незаконного суррогатного материнства и преступлений против несовершеннолетних³¹⁸, что обусловлено недавней практикой.

В 2020 году в России впервые за всю историю были возбуждены уголовные дела по поводу незаконного суррогатного материнства: в Москве и в Красноярске были обнаружены несколько суррогатных матерей с новорожденными детьми, которых готовились передать за границу Российской Федерации их биологическим родителям³¹⁹. Из-за ограничений в заграничных передвижениях в 2020 г. организаторы не смогли вовремя передать новорожденных их биологическим родителям, поэтому младенцы задержались на территории России. Поскольку суррогатное материнство в этом случае не было оформлено официально, дети не состояли на учёте у медиков, что привело к осложнениям по здоровью у новорожденных. Также ввиду того, что суррогатное материнство не было оформлено официально, в соответствии с семейным законодательством РФ матерями детей были признаны роженицы, т.е. суррогатные матери (несмотря на то, что они не являлись биологическими родственницами рождённым детям). Таким образом, официальные родители детей были готовы передать этих детей за денежное вознаграждение иностранным гражданам. Такие деяния были квалифицированы по ст. 127¹ Уголовного кодекса Российской Федерации, т.е. как купля-продажа человека, а в ноябре 2023 г. были осуждены и организаторы, и медики, и сами суррогатные матери³²⁰. Потерпевшими же были признаны рождённые дети.

³¹⁸ *Хомякова М.А.* Корреляция незаконного суррогатного материнства и преступлений в отношении несовершеннолетних // Медицинское право. 2023. № 4. С. 36.

³¹⁹ *Трунов И.Л., Айвар Л.К.* Состав преступления в вопросах суррогатного материнства: российская и зарубежная практика // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. 2021. № 1 (12). С. 35–37.

³²⁰ *Сидорова Е.* В Красноярске четвертую суррогатную мать осудили за продажу ребенка // Российская газета. 06.03.2023. URL: <https://rg.ru/2023/03/06/reg-sibfo/v-krasnoarske-chetvertuiu-surrogatnuiu-mat-osudili-zaprodazhu-rebenka.html> (дата обращения: 09.01.2024).

Ввиду того, что незаконное суррогатное материнство опасно в первую очередь для детей, а также примеры из практики показали, что незаконное суррогатное материнство, совершаемое на территории РФ, носит зачастую транснациональный характер, правовое регулирование отношений в области суррогатного материнства имеет особую важность в рамках национальной безопасности Российской Федерации и заслуживает особого внимания правоохранительных органов³²¹. В коллективной работе авторов по современному биомедицинскому праву отмечается, что правовое регулирование вспомогательных репродуктивных технологий в целом и суррогатного материнства в частности в Российской Федерации находится на уровне своего становления. Мы в целом согласны с этим мнением, но отметим, что описанные выше случаи незаконного суррогатного материнства послужили катализатором совершенствования такого законодательства³²².

В декабре 2022 г. были внесены правки в медицинское законодательство, уточняющие критерии законности суррогатного материнства³²³. Отныне в ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»³²⁴ указано, что суррогатная мать должна быть гражданкой РФ, и также хотя бы один из генетических родителей должен быть гражданином РФ. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что фактор гражданства является одним из определяющих в законности суррогатного материнства, особенно учитывая транснациональный уровень потенциальных нарушений законности проведения

³²¹ *Габай П.Г.* Торговля людьми с использованием программ суррогатного материнства: характеристика правовых детерминант // Российский следователь. 2023. № 12. С. 42.

³²² Современное биомедицинское право : учебник / *А.В. Александрова, Л.Н. Берг, М.А. Болков* [и др.]. М. : Проспект, 2023. С. 339.

³²³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 19.12.2022 № 538-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // СЗ РФ 26.12.2022, № 52, ст. 9368.

³²⁴ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.02.2024).

суррогатного материнства, что соответствует основным принципам стратегии национальной безопасности Российской Федерации³²⁵.

При этом, как было сказано нами ранее на страницах настоящего исследования, важную роль в период становления национальной безопасности Российской Федерации играет совершенствование уголовного законодательства. Действительно, уголовный закон несёт в том числе правоохранительную функцию: наказание виновных и восстановление социальной справедливости во многом зависит от уголовного законодательства. На сегодняшний день в УК РФ отсутствует норма, предусматривающая уголовную ответственность именно за незаконное суррогатное материнство.

По указанным выше делам участники незаконного суррогатного материнства были осуждены за куплю-продажу несовершеннолетнего. Однако это решение вызвало определённую научную дискуссию:³²⁶ фактически организаторы и суррогатные матери хотели передать детей их биологическим родителям. Несмотря на то, что генетические родители являются иностранными гражданами, право на воспитание детей у них есть. Из-за того, что суррогатное материнство было нелегальным, де-юре, как было сказано выше, родителями детей были признаны суррогатные матери, однако де-факто биологические родители не могут воспитывать своих детей, рождённых в результате нарушения российского законодательства. Мы придерживаемся мнения о том, что незаконное суррогатное материнство является опасным деянием, заслуживающим уголовного наказания, однако возникает вопрос о правильности квалификации такого деяния, как купля-продажа человека, поскольку родители имеют право воспитывать своих детей, а дети имеют

³²⁵ *Хомякова М.А.* Фактор гражданства как определяющая криминализации суррогатного материнства // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 101-2. С. 168–169.

³²⁶ См.: *Богдан В.В., Урда М.Н.* Суррогатное материнство & торговля людьми: межотраслевой конфликт // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 4. С. 632; *Габай П.Г.* Указ. соч.; *Хомякова М.А.* Перспективы криминализации незаконного суррогатного материнства // Современное право. 2023. № 7. С. 105–106.

право жить вместе с родителями (если последние не лишены родительских прав, но в данном случае они не успели даже эти права формально приобрести). Дети, рождённые в результате криминальных деяний, ставшие с момента начала своей жизни потерпевшими от незаконного суррогатного материнства, лишаются ещё и права проживать со своими биологическими родителями, поскольку те становятся стороной купли-продажи несовершеннолетних (своих родных детей). В связи с этим видится перспективным принятие статьи в УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность именно за незаконное суррогатное материнство и разграничивающей этот состав с куплей-продажей человека. Принятие данной нормы может, на наш взгляд, нести в том числе превентивную функцию, поскольку криминализация именно незаконного суррогатного материнства может повлиять на количество таких деяний.

Библиографический список

1. Нудель С.Л. Уголовно-правовые механизмы обеспечения национальной безопасности // Журнал российского права. – 2023. – № 11. – С. 62–74.
2. Хабриева Т.Я. Национальные интересы и законодательные приоритеты России // Журнал рос. права. – 2005. – № 12. – С. 19–20.
3. Волосова Н.Ю. Некоторые аспекты профилактики и предупреждения семейного (домашнего) насилия в отношении детей // Актуальные проблемы защиты прав и свобод человека и гражданина : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Оренбург, 2022. – С. 33–37.
4. Хомякова М.А. Корреляция незаконного суррогатного материнства и преступлений в отношении несовершеннолетних // Медицинское право. – 2023. – № 4. – С. 35–38.
5. Трунов И.Л., Айвар Л.К. Состав преступления в вопросах суррогатного материнства: российская и зарубежная практика // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. – 2021. – № 1 (12). – С. 35–50.
6. Габай П.Г. Торговля людьми с использованием программ суррогатного материнства: характеристика правовых детерминант // Российский следователь. – 2023. – № 12. – С. 39–44.

7. Современное биомедицинское право : учебник / А.В. Александрова, Л.Н. Берг, М.А. Болков [и др.]. – М. : Проспект, 2023. – 480 с.

8. Хомякова М.А. Фактор гражданства как определяющая криминализации суррогатного материнства // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – № 101-2. – С. 167–169.

9. Богдан В.В., Урда М.Н. Суррогатное материнство & торговля людьми: межотраслевой конфликт // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2022. – № 4. – С. 628–657.

10. Хомякова М.А. Перспективы криминализации незаконного суррогатного материнства // Современное право. – 2023. – № 7. – С. 104–106.

Чистилина Дарья Олеговна,

*к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»,
г. Курск*

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА В КОНТЕКСТЕ РАЗЛИЧНЫХ ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА ЕЁ РАЗВИТИЕ

Уголовно-процессуальная форма неоднократно становилась предметом научных дискуссий среди теоретиков и практических работников. Различные подходы к дефиниции данного понятия заставляют задуматься не только о его практическом, но и научном содержании.

В учебной литературе уголовно-процессуальная форма определяется как процедура, установленный порядок. Так, в учебнике «Уголовный процесс» под редакцией П.А. Лупинской указано, что «уголовно-процессуальная форма устанавливает процедуру (порядок) производства по уголовным делам: последовательность стадий и условий перехода дела из одной стадии в другую, условия, характеризующие производство в конкретной стадии, основания, условия и порядок производства следственных и судебных действий,

содержание и форму решений по отдельным правовым вопросам или по существу дела»³²⁷.

Из представленной дефиниции можно сделать вывод о том, что требования, предъявляемые к уголовно-процессуальной деятельности, включают как процедурные критерии, так и правила оформления уголовно-процессуальных актов. Подобный симбиоз является достаточно успешным, так как позволяет чётко определить уголовно-процессуальный порядок, который, в свою очередь, содержит гарантии прав граждан.

В связи с этим остро встаёт вопрос заформализованности уголовно-процессуальной деятельности, которая имеет как свои преимущества, так и недостатки. С одной стороны, следование строгим правилам помогает реализовать назначение уголовного процесса, заключающееся в защите прав граждан, вовлечённых в уголовно-процессуальную деятельность. Фактически сама форма содержит процедурные гарантии предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством прав различных его субъектов, что в целом обеспечивает стабильный правовой порядок производства по уголовному делу и реализацию такого принципа, как законность. С другой стороны, это значительно усложняет процесс расследования и рассмотрения уголовного дела в суде, заставляя властных субъектов следовать чёткому алгоритму действий и процессуально осуществлять оформление своих действий и решений, тем самым ставя их в определённые рамки, которые предписывают им исполнять свои полномочия и обязанности определённым образом³²⁸. Основная опасность заключается в том, что правоприменитель может утратить связь с содержанием своей деятельности, большее внимание уделяя её форме. В данном случае необходимо соблюсти баланс формальной и содержательной составляющих уголовно-процессуальной деятельности.

³²⁷ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2009. С. 20.

³²⁸ Аширбекова М.Т., Манова Н.С., Устинов Д.С. О природе регулирующего воздействия уголовно-процессуальной формы на процессуальную деятельность // Вестник СГЮА. 2023. № 4 (153). С. 249–255.

Помимо этого, некоторые исследователи придерживаются той позиции, что содержанием уголовно-процессуальных правоотношений являются действия; формой, определяющей масштабы этих действий, – права (правомочия) и обязанности, то есть форма, по сути, является пределом³²⁹.

Интересна также позиция С.Б. Россинского, который считает, что «уголовно-процессуальная форма выражается в конкретных уголовных делах, в единичных действиях и решениях органов предварительного расследования, прокурора, суда, в разовых поведенческих приёмах других участников судопроизводства, являющихся содержанием объективно существующих правоотношений»³³⁰.

Не стоит забывать и о том, что уголовный процесс имеет не только ту цель, которая закреплена в ст. 6 УПК РФ, но и дополнительные цели, основным вектором которых является разрешение социального конфликта. В связи с этим уголовно-процессуальная форма должна быть направлена на достижение данной цели, что исключает слишком формальное отношение к процессу раскрытия и расследования преступлений.

Также сложным вопросом российской уголовно-процессуальной науки является дифференциация уголовно-процессуальной формы, которая осуществляется по двум направлениям:

1) усложнение. В данном случае общая процедура усложняется увеличением сроков производства по делу, необходимостью решения дополнительных задач, выполнением требований и появлением новых этапов, предоставляющих дополнительные гарантии обеспечения законности в особых правовых ситуациях (производство в суде с участием присяжных заседателей, производство в отношении несовершеннолетних и т.д.);

³²⁹ Красильников А.В. Содержание и форма уголовного процесса в контексте учения профессора В.П. Божьева об уголовно-процессуальных правоотношениях // Судебная власть и уголовный процесс. 2023. № 1. С. 91–97.

³³⁰ Россинский С.Б. Уголовно-процессуальная форма: сущность, проблемы, тенденции и перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 9 (118). С. 67–79.

2) упрощение осуществляется за счёт сокращения или устранения некоторых этапов в ходе досудебного и судебного производства с сохранением всех гарантий прав граждан, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством (дознание в сокращённой форме, порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением и др.)³³¹.

Причём стоит отметить, что дифференциация уголовно-процессуальной формы – это вполне обоснованное явление, обусловленное развитием общественных отношений, научно-техническим прогрессом, сменой нравственных ценностей. Все это в совокупности приводит к большей автономии воли участников уголовного процесса в выборе способов разрешения уголовно-правового конфликта и отстаивании своих процессуальных интересов³³².

При этом процессуальная экономия в данном процессе не должна становиться приоритетной задачей. Прежде всего, необходимо обеспечить возможность реализации прав граждан, вовлечённых в уголовный процесс, в том числе права на быстрое и эффективное раскрытие и расследование преступлений.

Отметим, что до сих пор в российском уголовном процессе чётко не определён вектор развития уголовно-процессуальной формы. Законодатель предусмотрел примерно равное количество как упрощённых, так и усложнённых правовых процедур. В настоящее время они подвергаются реформированию, и этот процесс ещё не окончен. Такая многовариативность перегружает уголовно-процессуальную форму, зачастую лишними процедурами. На наш взгляд, для упрощённых процедур важно указать, что судье необходимо проверять доказательства виновности подсудимого в совер-

³³¹ *Рябинина Т.К., Козявин А.А., Снегирева Д.Е.* Дифференциация уголовно-процессуальной формы: сущность, история и перспективы развития, проблемы процессуального осмысления // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер. «История и право». 2019. Т. 9, № 5. С. 92–104.

³³² *Козявин А.А.* Дифференциация уголовно-процессуальной формы и нравственная оценка ее сущности и эффективности // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 4. С. 32–37.

шении преступления, а не просто принимать их как достоверные на основании согласительных процедур. Лишь тогда процесс можно считать объективным. Усложнённые же процедуры должны дополняться действительно необходимыми элементами для дополнительных гарантий прав граждан.

Еще одним аспектом в контексте последующего совершенствования уголовно-процессуальной формы является постепенная цифровая трансформация уголовного процесса. Причём если появление вспомогательных информационных технологий не вызывает вопросов, то более кардинальные предложения реформирования в виде использования систем искусственного интеллекта для принятия решений пока негативно оцениваются обществом. Цифровые технологии не должны подавлять нравственный элемент в уголовно-процессуальных отношениях. Реализацию уголовно-процессуальных полномочий судьёй, прокурором, следователем, дознавателем нельзя сводить к информационным и иным «технологичным процессам»³³³, например, когда вместо разъяснения прав потерпевшему их просто зачитывают, что ещё больше бюрократизирует уголовный процесс.

Также немаловажным аспектом является то, что трансформация процессуальной формы не должна чрезмерно увеличивать издержки государства на уголовное судопроизводство³³⁴, однако процессуальная экономия не может стать самоцелью. Речь в данном случае идёт лишь о разумном подходе к расходованию средств бюджета страны и соотношению затрат с финансовыми возможностями государства. Необходимо исключить дублирование полномочий и процессуальных действий на различных стадиях уголовного процесса, избегать лишних процедур, которые никоим образом не повышают качества расследования и обеспечение прав граждан.

³³³ *Гаврилин Ю.В., Победкин А.В.* Модернизация уголовно-процессуальной формы в условиях информационного общества // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 3 (51). С. 27–38.

³³⁴ *Власова Н.А.* О закономерностях развития уголовно-процессуальной формы // Научный портал МВД России. 2020. № 3 (51). С. 47–52.

В заключении хотелось бы отметить, что уголовно-процессуальная форма выступает неким защитным механизмом от беззакония со стороны властных субъектов уголовного процесса. В связи с этим нельзя не согласиться со справедливым высказыванием И.Б. Михайловской: «Уголовное право – это меч, разящий правонарушителей, а уголовный процесс – щит, оберегающий личность от государственной репрессии»³³⁵. По сути, сложившаяся уголовно-процессуальная форма является ответом на современное состояние уголовно-процессуальной системы. Существующая заформализованность диктуется, к сожалению, низким уровнем правосознания и правовой культуры правоприменителя и граждан, вовлечённых в уголовно-процессуальную деятельность.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2009. – 1079 с.
2. Аширбекова М.Т., Манова Н.С., Устинов Д.С. О природе регулирующего воздействия уголовно-процессуальной формы на процессуальную деятельность // Вестник СГЮА. – 2023. – № 4 (153). – С. 249–255.
3. Красильников А.В. Содержание и форма уголовного процесса в контексте учения профессора В.П. Божьева об уголовно-процессуальных правоотношениях // Судебная власть и уголовный процесс. – 2023. – № 1. – С. 91–97.
4. Россинский С.Б. Уголовно-процессуальная форма: сущность, проблемы, тенденции и перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 9 (118). – С. 67–79.
5. Рябинина Т.К., Козявин А.А., Снегирева Д.Е. Дифференциация уголовно-процессуальной формы: сущность, история и перспективы развития, проблемы процессуального осмысления // Изве-

³³⁵ Михайловская И.Б. Права личности – новый приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Российская юстиция. 2002. № 7. С. 2–4.

стия Юго-Западного государственного университета. Сер. «История и право». – 2019. – Т. 9, № 5. – С. 92–104.

6. Козявин А.А. Дифференциация уголовно-процессуальной формы и нравственная оценка ее сущности и эффективности // Судебная власть и уголовный процесс. – 2017. – № 4. – С. 32–37.

7. Гаврилин Ю.В., Победкин А.В. Модернизация уголовно-процессуальной формы в условиях информационного общества // Труды Академии управления МВД России. – 2019. – № 3 (51). – С. 27–38.

8. Власова Н.А. О закономерностях развития уголовно-процессуальной формы // Научный портал МВД России. – 2020. – № 3 (51). – С. 47–52.

9. Михайловская И.Б. Права личности – новый приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Российская юстиция. – 2002. – № 7. – С. 2–4.

Шайкова Марина Витальевна,

к.психол.н., доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск

ПРОФИЛАКТИКА ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ³³⁶

Изучение личности несовершеннолетнего, склонного к деструктивному поведению, представляет повышенный интерес, поскольку происходит выявление и оценка особенностей механизма его поведения, специфических причин, порождающих данное поведение. С другой стороны, изучение личности подростка даёт ключ для выработки воспитательно-предупредительных мер, особенно индиви-

³³⁶ Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания № 0851020220-0033 «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства».

дуального характера, и предоставляет возможность прогнозирования будущего поведения несовершеннолетнего³³⁷.

Исследованием личности несовершеннолетних правонарушителей и обеспечения прав и интересов несовершеннолетних занимались юристы, психиатры, психологи: Р.С. Данелян, Е.А. Котельникова, О.Ю. Степанова, А.С. Еремина, А.А. Топоркова, Е.В. Васкэ, Е.В. Демидова-Петрова, И.А. Саркисова и др.

Одним из следствий негативных социальных феноменов является повышение уровня виктимизации населения, детей и подростков. Дети нередко становятся жертвами преступлений, жестокого обращения и насилия. Из-за возрастных особенностей несовершеннолетнего, а именно физиологических изменений в организме в подростковом возрасте, для них характерны глубокие переживания, происходящих на фоне личностных конфликтов. Эти особенности определяют специфику анализа их психики, если они оказываются подозреваемыми, обвиняемыми, потерпевшими или свидетелями в уголовном процессе.

Как известно, старшему подростковому и юношескому возрасту присущи неполнота сформированных собственных нравственных установок, недостаток жизненного опыта, повышенная эмоциональность, внушаемость, зависимость поведения от оценок ближайшего окружения. Личности несовершеннолетних присуща не сложившаяся, а поэтому неустойчивая психика. Они легко поддаются влиянию со стороны взрослых преступников. В ряде исследований юристов и психологов отмечается, что для подростков, склонных к деструктивному поведению, характерен низкий уровень развития познавательных и общественных интересов. На формирование идеалов такого подростка чрезмерное влияние оказывают сверстники, особенно старшие по возрасту, имеющие опыт антисоциального поведения. У большинства таких подростков в структуре личности доминируют отрицательные качества: лень, безволие, безответ-

³³⁷ *Шайкова М.В.* Психолого-криминологическая характеристика личности несовершеннолетних преступников // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2015. № 2 (5). С. 85.

ственность, конформизм, нечуткость, агрессивность и т.п. Эмоциональная неуравновешенность, тщеславие, упрямство, нечувствительность к страданиям других, агрессивность также можно отнести к чертам характера несовершеннолетних преступников.

Педагоги отмечают следующие формы неправильного отношения к детям. Попустительство ребёнку, когда ему ничего не запрещать, он вырастает эгоистом. Мнение родителей, что их ненаглядное чадо всегда право, ошибочно поднимает его над остальными. Жалобы на своего ребёнка, педантичный подход к воспитанию также оказывают отрицательный эффект на формирование личности.

Личность подростка, склонного к деструктивному поведению, характеризуется низким уровнем социализации и отражает пробелы и недостатки в основных сферах его воспитания: в семье, в школе и т.д. С другой стороны, на личность трудного подростка, как правило, излишне большое влияние оказывает особая сфера – улица, двор, различные виды референтных групп. На формирование личности несовершеннолетних огромное влияние оказывают школа и ближайшее окружение. Также отдельно выделяется приспособляемость подростка к существующей системе, плохая или недостаточная заинтересованность в общественной деятельности. Попросту подросток старается только для себя, не принимая нормы общества и не стремится быть полезным вне своего микросоциума.

В процессе развития подросток переживает определённые кризисные периоды, характеризующиеся качественно новыми скачками в развитии его психики и организма, приводящие к формированию определённых психологических новообразований. Понятие долга, совести, товарищества, смелости и т.п. переосмысливаются исходя из групповых ценностей, жизненные цели смещаются в сторону психологического комфорта в группе, сиюминутного потребительства. При совершении аморального поступка подросток облагораживает мотив, искажает оценку поведения потерпевших³³⁸.

³³⁸ Тутатчикова А.М. Изучение процесса формирования правосознания, психофизиологических особенностей несовершеннолетних подрост-

Р.А. Орасева считает, что «кроме хронологического возраста, различают психологический, педагогический и физический возраст, причём все они между собой не совпадают, что приводит к внутренним конфликтам личности, которые могут иметь и криминогенный характер»³³⁹.

Основа формирования личности подростка закладывается в семье. Семьи несовершеннолетних мы подразделяем на асоциальные и благополучные, где несовершеннолетние усваивают нормативное или асоциальное поведение, социализацию и различные виды поведения: алкоголизм, наркомания, токсикомания и т.д.

На личность несовершеннолетних влияет не только семья и школа. Дальнейшая жизнь в трудовом коллективе и обществе подкрепляет устоявшиеся принципы и ценности человека, приучает его к соблюдению норм и правил поведения в обществе или же, наоборот, ведёт к сознательному отказу от общепринятых порядков и переходу к преступному образу жизни. По мнению А.М. Яковлева, во всех нам известных видах общественной жизни имеется существенный изъян: социальные потребности не находят адекватного отражения в структуре и функциях социальных институтов.

Несовершеннолетние стремятся познавать мир во всех его проявлениях и совершают различные поступки: как нормативные, так и отрицательные, т.е. стараются стать более взрослыми. Поэтому копируют поведение старших по возрасту: начинают курить, употреблять спиртные напитки, различные психоактивные вещества и т.д. В этом возрасте в поведении у подростков появляется отрицание морали, установкам и ценностям нормативного поведения.

Мы взяли за основу нашего исследования точку зрения А.Б. Гусейнова, что для личности несовершеннолетних с деструктивным поведением характерны следующие признаки: «отсутствие интереса к познавательной деятельности и связанная семейной

ков в оказании системы социально-профилактических мер и комплексной работы всех субъектов воспитания // NovaUm.Ru. 2018. № 13. С. 196.

³³⁹ Орасева Р.А. Особенности преступности несовершеннолетних // Вестник Науки и Творчества. 2016. № 8 (8). С. 168.

и педагогической запущенностью когнитивная дефицитарность. Она может при поверхностной оценке производить впечатление умственной отсталости, особенно если осознанно или неосознанно утрируется; отсутствие способности к эмпатии (сочувствию), недостаточная глубина эмоционального сопереживания, равнодушие к чувствам других людей в сочетании с неспособностью устанавливать и поддерживать эмоционально насыщенные, стабильные отношения; стремление к получению простых удовольствий без определённого волевого усилия и труда; повышенная чувствительность к стимуляции извне. Эта особенность может сопровождаться стремлением к замещению чувства пустоты и скуки состоянием изменённого настроения, вызываемого алкоголем и другими психоактивными веществами; неустойчивое настроение со склонностью к раздражительности, гневливым реакциям, состоящим из безмотивного внутреннего напряжения в сочетании с неадекватным, аффективно усиленным реагированием по агрессивному типу на конфликтные ситуации; выраженная склонность к индивидуальной и особенно групповой жестокости; повышенная подверженность влиянию взрослых правонарушителей или групповому воздействию; раннее начало курения, ранняя алкоголизация и высокий риск употребления психоактивных веществ (наркотиков)»³⁴⁰.

Формирование антиобщественной личности несовершеннолетнего напрямую зависит не только от микрогрупп и микросоциумов, таких как семья, школа, сверстники, компания, но и от всего общества в целом, куда входит и государство, и его общественные и социальные институты, и средства массовой информации, и иногда даже научный прогресс. В СМИ, Интернете, по телевидению и большинству каналов идёт пропаганда насилия и жестокости, красивой и роскошной жизни. Может, и не специально, но несовершеннолетний начинает усваивать популяризацию «красивой и лёгкой

³⁴⁰ Гусейнов А.Б. Особенности личности несовершеннолетних правонарушителей // Теория и практика общественного развития. 2008. № 2. С. 115.

жизни». В условиях научно-технического прогресса и с наличием компьютера некоторые «одарённые» личности занимаются хакерством, и это привлекает подрастающее поколение.

Отдельного внимания заслуживает вовлечение несовершеннолетних в различные деструктивные группы. Родителям необходимо знать, как дети втягиваются в этот деструктив. Несовершеннолетним, зарегистрированным в социальных сетях, не обязательно быть подписанными на различные деструктивные группы, чтобы получать опасный социальный контент. Достаточно, чтобы на эти группы был подписан кто-то из его друзей. Поэтому при каждом заходе в социальную сеть подросток будет видеть отрицательный контент, записи своих друзей реальных и мистических. Довольно часто к подросткам добавляются в друзья незнакомые люди для того, чтобы зарядить их опасным контентом. К тому же многие деструктивные направления делают «интересные, захватывающие» ролики. В Тик Токе и В Контакте таких роликов множество, листая ленту, в начале подросток не способен понять кто и зачем делал ролик. Несовершеннолетний вовлекается в сюжет ролика и начинает копировать поведение тех, кто его окружает в социальных сетях, тем самым появляется возможность различных манипуляций с несовершеннолетним, и подросток становится жертвой.

В деструктивных группах идёт реклама различных зависимостей: вейпов, курительных и жевательных никотино содержащих смесей, айкосов, электронных сигарет и т.д. В школьных группах сейчас продвигаются снюсы и их производные (они могут быть в виде леденцов, кусочков фруктов, пропитанных никотином). Основным средством пропаганды снюсов стали юмористические школьные паблики. Несовершеннолетние являются их главными потребителями. Именно несовершеннолетние становятся целевой аудиторией по формированию различных видов аддикций и деструктивного поведения. Деструктивные убеждения, которые закладываются в подростковом возрасте остаются на всю жизнь и способствуют развитию и формированию различных видов девиантного и делинквентного поведения.

Мы считаем, что поведенческие особенности несовершеннолетних, формирующиеся под воздействием деструктивной информации, следующие: снижение способности самостоятельно думать и принимать решения; отсутствие всякой ответственности; отсутствие авторитета среди значимых взрослых; обесценивание морали и общечеловеческих ценностей; выраженная симпатия подростков к антигероям; выраженное стремление несовершеннолетних к разрушению своей личности (психики, окружения, идей, морали т.д.)³⁴¹

Несовершеннолетние, вовлечённые в социальные сети, постоянно находятся в токсичной интернет-среде. Подростки становятся жертвами администраторов деструктивных групп, манипуляторов, навязывающих асоциальное и преступное поведение. Потому что у подростков, в силу не сформированной психики, присутствуют черты фатализма. Также подростки из-за скромности, отсутствия чувства безопасности, податливы внушению.

Мы считаем, что знание психологических особенностей личности подростков должно способствовать правильному решению задач расследования преступлений и профилактике их дезаптивного поведения. Целью профилактики дезаптивного поведения должны стать все виды индивидуальной профилактики: криминологическая, психологическая, медицинская, педагогическая, социальная.

Профилактическая деятельность должна включать комплексный подход всех субъектов общей профилактики: образование, общественные организации, медицинские, социальные и правоохранительные органы. Также необходима индивидуальная профилактика: всесторонне изучить личность несовершеннолетнего, его ближайшее окружение, семью и применять юридические и психолого-педагогические методы для коррекции и исправления дезаптивного поведения. Для того чтобы определить, какие профилактические меры надо применить к тому или иному подростку в целях преодоления дезаптивного поведения, нужно, во-первых, знать,

³⁴¹ *Афанасьев А.А* Дети интернета. Что смотрят, и кто ими управляет. Изд. 2-е, доп. и испр. М. : Изд-во «Наше завтра», 2022. С. 165.

что именно в его личности способствовало дезаппетивному поведению, и на какие черты личности необходимо обратить внимание; во-вторых, какому психологическому воздействию подросток был подвержен, чтобы предупредить дезаппетивное поведение.

Библиографический список

1. Шайкова М.В. Психолого-криминологическая характеристика личности несовершеннолетних преступников // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. – 2015. – № 2 (5). – С. 85–88.

2. Меньщикова Д.С. Взаимосвязь виктимного поведения и механизмов психологической защиты у подростков, состоящих на учете в подразделении по делам несовершеннолетних // Вестник современных исследований. – 2018. – № 7.3 (22). – С. 111–118.

3. Тутатчикова А.М. Изучение процесса формирования правосознания, психофизиологических особенностей несовершеннолетних подростков в оказании системы социально-профилактических мер и комплексной работы всех субъектов воспитания // NovaUm.Ru. – 2018. – № 13. – С. 195–199.

4. Орсаяева Р.А. Особенности преступности несовершеннолетних // Вестник Науки и Творчества. – 2016. – № 8 (8). – С. 164–173.

5. Гусейнов А.Б. Особенности личности несовершеннолетних правонарушителей // Теория и практика общественного развития. – 2008. – № 2. – С. 114–120.

6. Афанасьев А.А. Дети интернета. Что смотрят, и кто ими управляет. – Изд. 2-е, доп. и испр. – М. : Изд-во «Наше завтра», 2022. – 432 с.

Шамсеева Алина Маратовна,
ассистент кафедры уголовного процесса и правоохранительной
деятельности ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный
университет», г. Ижевск

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ЗАДЕРЖАНИЕ ПОДОЗРЕВАЕМОГО» И «ЗАДЕРЖАНИЕ ПО ПОДОЗРЕНИЮ»

Права и свободы человека и гражданина признаются высшей ценностью в Российской Федерации³⁴². Данная гарантия закреплена в Основном законе страны и нашла своё отражение в действующем отраслевом законодательстве. Обеспечение данной гарантии является целью деятельности органов правоохранительной системы в России. Свобода передвижения каждого особенно значима в современном мире, который ставит новые вызовы и требует постоянной мобильности и социальной активности населения. Концепция исключительной значимости прав и свобод человека и гражданина не допускает произвольного, необоснованного их ограничения. Именно поэтому возможность умаления права на свободу передвижения человека должна иметь законные основания, которые не могут предполагать кроме этого иных мер эффективного воздействия. В связи с этим представляется необходимым определить, в каких случаях, кем и с какими целями возможно произведение задержания по действующему законодательству РФ. Ещё более интересным представляется изучение понятийного аппарата, связанного с задержанием, предусмотренным УПК РФ³⁴³. Решение данных задач позволит выработать теоретические положения и практические рекомендации, обеспечить реализацию гарантии, предусмотренной в Конституции РФ.

³⁴² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Российская газета. 25 декабря 1993 г. № 237.

³⁴³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // СЗ РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I), ст. 4921.

В настоящее время задержание как мера государственного принуждения предусмотрено в ФЗ «О полиции»³⁴⁴ (№ 3-ФЗ) и допустимо в отношении различных категорий лиц. Основания, закреплённые в указанном законе, позволяют выделить несколько видов задержания в зависимости от порядка его осуществления и субъектов, подлежащих задержанию. Так, можно говорить о задержании, осуществляемом в соответствии с УПК РФ и об административном задержании. Правовое регулирование осуществляется соответственно КоАП РФ³⁴⁵, УПК РФ. Некоторые особенности задержания лиц до возбуждения уголовного дела урегулированы ФЗ «О полиции» (ст. 14, 15). Существование нескольких смежных нормативно-правовых актов, отсутствие понятийного аппарата и единых определений приводит к отсутствию понимания сущности, целей и порядка проведения задержания.

Научные исследования и труды в сфере уголовного процесса позволяют выделить два вида задержания: задержание подозреваемого и задержание по подозрению. Значимым для изучения является рассмотрение сходства и различий данных понятий в теории. Глава 12 УПК РФ именуется как «Задержание подозреваемого». Однако анализ ст. 91 УПК РФ позволяет выделить два разных вида задержания в зависимости от основания для его применения. Лицо может быть задержано по подозрению, когда «лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; когда потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление; когда на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления». Законодательно понятие задержания подозреваемого содержится в п. 11 ст. 5 УПК РФ. Исходя из анализа данного определения, следует, что подозреваемый – это лицо, которое

³⁴⁴ О полиции : Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Российская газета. 8 февраля 2011 г. № 25.

³⁴⁵ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Российская газета. 31 декабря 2001 г. № 256.

задержано по подозрению в совершении преступления, что, несомненно, вызывает противоречие с ранее изложенным положением о существовании двух видов задержания³⁴⁶. Различие между задержанием подозреваемого и задержанием по подозрению заключается в основаниях для его применения, порядке осуществления и правовых последствиях. Проведём сравнительный анализ.

Задержание, предусмотренное в уголовном процессе, всегда является краткосрочным, то есть состоит в непродолжительном лишении человека свободы на определённый срок до избрания необходимой меры пресечения или выяснения всех обстоятельств дела. Продолжительность данного срока не может быть более 48 часов, а в исключительных случаях – более 30 суток (по ч. 3 ст. 94 УПК РФ в условиях военного положения, если постановление о применении меры пресечения в виде заключения под стражу либо продлении срока задержания не поступит в течение 30 суток в отношении подозреваемого в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления). Однако при исчислении сроков задержания в уголовном процессе некоторыми теоретиками выдвигается позиция о включении в них времени задержания лица в административном порядке. Как указывает И.Л. Петрухин, «Срок задержания начинается течь с момента фактического лишения свободы («захвата» на месте совершения преступления).»³⁴⁷. Данная точка зрения ставит под сомнение наличие двух самостоятельных видов задержания и указывает на существование противоречивого подхода на сущность института задержания в уголовном и административном процессе.

Задержание всегда является мерой процессуального принуждения. Несмотря на то, что в своих трудах некоторые сторонники широкого подхода к пониманию сущности задержания утверждают

³⁴⁶ *Арестова Е.Н., Шаранова Е.В., Борбат А.В.* Проблемы правовой регламентации задержания подозреваемого // *Российский следователь.* 2023. № 6. С. 11–14.

³⁴⁷ *Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Л.Н. Башкатов, Б.Т. Безлепкин, М.В. Боровский [и др.] ; отв. ред. И.Л. Петрухин.* 6-е изд., перераб. и доп. М. : Велби, Проспект, 2008. С. 253–258.

о том, что оно может рассматриваться как следственное действие (Шейфер С.А.³⁴⁸, Комиссаренко Е.С.³⁴⁹), будем руководствоваться положениями УПК РФ, в котором задержание отнесено к мере процессуального принуждения. Принуждение в данном случае заключается в том, что ограничиваются права на свободу и личную неприкосновенность человека. Реализуется данное ограничение посредством содержания лица, подвергнувшегося задержанию, в специализированном для этого учреждении. Все указанные признаки задержания можно отнести к сходствам задержания подозреваемого и задержания по подозрению.

Рассмотрим субъектов, осуществляющих задержание, основания и цели, последствия задержания и статус, которым наделяются лица, подвергшиеся задержанию.

Согласно п. 11 ст. 5 УПК РФ задержание подозреваемого может применяться органом дознания, дознавателем, следователем. Формулировка ст. 91 УПК РФ в целом предусматривает возможность применения задержания при возникновении в этом оперативной, «острой» необходимости. В таких случаях уголовное дело ещё не возбуждено и находится в производстве следователя или дознавателя оно не может. Соответственно, отсутствие у них осведомлённости об этом исключает возможность задержания лица именно ими³⁵⁰. Задержание по подозрению в совершении преступления до возбуждения уголовного дела при необходимости срочного захвата лица осуществляют сотрудники полиции (подп. 1 п. 2 ст. 14 № 3-ФЗ), ФСБ России (ст. 13 № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности»³⁵¹), войска национальной гвардии (п. 1 ст. 10 № 226-ФЗ

³⁴⁸ Шейфер С.А. Проблемы развития системы следственных действий в УПК РФ // Уголовное право. 2002. № 3. С. 73.

³⁴⁹ Комиссаренко Е.С. Следственные действия в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов : СЮИ МВД России, 2005. С. 87.

³⁵⁰ Фадеев И.А. Несовершенство понятийного аппарата статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса России в части, касающейся органов дознания // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 8. С. 88–93.

³⁵¹ О федеральной службе безопасности : Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // Российская газета. 12 апреля 1995 г. № 72.

«О войсках национальной гвардии Российской Федерации»³⁵²) и некоторые иные ведомства. Возможность произведения задержания до возбуждения уголовного дела описывается И.Л. Петрухиным. При этом им подчёркивается, что данное задержание, производимое при отсутствии возбуждённого уголовного дела, уголовно-процессуальным законом не регламентируется, а некоторые особенности урегулированы ведомственными актами, например ранее действовавшим Уставом патрульно-постовой службы милиции³⁵³. Дознаватель или следователь, согласно их полномочиям и общему порядку, предусмотренному УПК РФ, могут применить такую меру воздействия, как задержание подозреваемого при наличии уже возбуждённого уголовного дела, находящегося в их производстве. Процессуальное оформление данного решения заключается в вынесении постановления о задержании подозреваемого³⁵⁴.

Необходимо также определить, каким статусом наделяются лица, подвергшиеся задержанию. В первом случае – это лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления, а во втором – подозреваемый. Придание указанного статуса влияет на наличие определённых прав и обязанностей, правовые гарантии, предоставляемые лицу. Подозреваемый является самостоятельным участником уголовного судопроизводства, его правовой статус закреплён в ст. 46 УПК РФ. Понятие «лицо» используется в уголовно-процессуальном законе чаще всего для обозначения субъекта, не имеющего процессуального статуса в уголовном деле. Статья 46 связывает возникновение статуса подозреваемого со следующими событиями:

³⁵² О войсках национальной гвардии Российской Федерации : Федеральный закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Российской газете. 6 июля 2016 г. № 146.

³⁵³ Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции : приказ МВД РФ от 29 января 2008 г. № 80 (с изм. и доп.) (документ утратил силу) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти от 7 июля 2008 г. № 27.

³⁵⁴ Чурилов С.Н. Институт задержания подозреваемого нуждается в реформировании // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 1. С. 13–20.

возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица в предусмотренном порядке, задержание в соответствии со ст. 91 и 92 УПК РФ. Однако научные дискуссии вызывают вопрос о возможности придания статуса подозреваемого конкретному лицу до возбуждения уголовного дела. Наличие противоположных точек зрения может быть аргументировано противоречием, заложенным в статьях УПК РФ. Анализ содержания ч. 1 ст. 46 УПК РФ позволяет сделать вывод о наделении лица статусом подозреваемого при применении к нему меры процессуального принуждения. Одновременно ч. 2 ст. 91 и ст. 100 УПК РФ предполагают, что меры процессуального принуждения применяются к уже подозреваемому лицу. Более того, название главы 12 УПК РФ определяет, что лицо, в отношении которого может быть применено задержание, уже обладает соответствующим процессуальным статусом до момента задержания, несмотря на основание, закрепленное в п. 2 ч. 1 ст. 46 УПК РФ³⁵⁵. Соответственно, представляется спорным тождество подозреваемого и лица, задержанного по подозрению.

Нельзя не согласиться с мнением И.Л. Петрухина о том, что оформление постановления о возбуждении уголовного дела является отправной точкой для наделения лица статусом подозреваемого и несомненным условием, допускающим задержание³⁵⁶. Исходя из этого, разными будут и последствия освобождения лица от задержания. При наличии возбуждённого уголовного дела незаконное задержание подозреваемого влечёт за собой право на реабилитацию. В то время как отсутствие возбуждённого уголовного дела и дальнейший отказ в его возбуждении, при котором протокол задержания приобщается к материалам проверки, не влечёт возникновения каких-либо прав в связи с этим у лица, подвергнувшегося задержанию по подозрению.

³⁵⁵ Казмирова Е.Д. Процессуальный статус подозреваемого // Законность. 2022. № 10. С. 52–56.

³⁵⁶ Петрухин И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе / отв. ред. И.Б. Михайловская ; АН СССР, Ин-т государства и права. М. : Наука, 1989. С. 50–51.

Что касается оснований задержания подозреваемого, то они предусмотрены ст. 91 УПК РФ. Некоторые теоретики предлагают разделить данные основания на две группы: основания первого и второго порядка. Если говорить об основаниях задержания подозреваемого, к ним можно отнести: попытку лица скрыться от следствия, отсутствие у лица постоянного места жительства, направление в суд ходатайства об избрании в отношении указанного лица меры пресечения в виде заключения под стражу. Основаниями для задержания лица по подозрению могут выступать: обнаружение лица при совершении преступления или непосредственно после его совершения, указание на лицо как на совершившее преступление, обнаружение у лица, на его одежде, при нём или в жилище явных следов преступления.

Значимым является и определение цели, с которой применяется задержание подозреваемого и задержание по подозрению. Изучение существующих теоретических исследований и научных работ позволяет говорить об отсутствии единого мнения относительно цели применения задержания. Тем более, отсутствует разграничение цели задержания по подозрению от цели задержания подозреваемого.

В теории уголовного процесса А.И. Трусов считает, что целью задержания является выяснение причастности задержанного к преступлению с решением вопроса о применении к нему меры пресечения и выяснение личности такого лица³⁵⁷. По мнению И.Л. Петрухина, цель задержания – превентивная, предупреждающая дальнейшую преступную деятельность. Согласно данной точке зрения, установление причастности или непричастности лица к совершению преступления не является в этом случае приоритетным. Однако речь может идти о совершённом преступлении, для раскрытия которого и должны быть направлены силы правоохранительных органов. О том, что задержание подозреваемого применяется

³⁵⁷ Уголовный процесс : учебник для студентов юридических вузов и факультетов / В.И. Басков, К.Ф. Гуценко, М.А. Ковалев, Э.Ф. Кушова [и др.] ; под ред. К.Ф. Гуценко. 2-е изд, перераб. и доп. М. : Зерцало, 1998. С. 113–116.

для выяснения причастности лица к преступлению, высказываются многие учёные-теоретики. Однако, следуя процессуальному порядку производства задержания подозреваемого, выяснение его причастности не требуется, поскольку основания для применения данной меры изначально свидетельствуют об этом при наличии уже возбуждённого уголовного дела и достаточности данных. Задержание подозреваемого может позволить подтвердить причастность лица к совершению преступления или выяснить непричастность лица к преступлению. В тех случаях, когда речь идёт о задержании по подозрению, напротив, о причастности лица к совершению преступления, ничего не известно. Поэтому и возникает необходимость в выяснении именно причастности лица к совершению преступления³⁵⁸.

Исходя из рассмотренных вышеизложенных критериев, предлагается следующее понятие задержания по подозрению: это мера государственного принуждения, заключающаяся в кратковременном лишении лица свободы передвижения, применяемая в случаях необходимости срочного, экстренного захвата уполномоченными на то в соответствии с законодательством сотрудниками в целях выяснения причастности к совершению преступления. Под задержанием подозреваемого предлагается понимать меру государственного принуждения, заключающуюся в кратковременном лишении лица свободы передвижения, применяемую органом дознания, дознавателем, следователем, в чьём производстве находится возбуждённое уголовное дело в целях подтверждения или опровержения причастности подозреваемого в совершении преступления.

Таким образом, действительно, можно сделать вывод о существовании в уголовном процессе задержания подозреваемого и задержания лица по подозрению, которые имеют разную цель и существенно-содержательный характер.

³⁵⁸ *Исламов М.Э.* Цель задержания лица по подозрению в совершении преступления // Проблемы экономики и юридической практики. 2007. № 3. С. 135.

Библиографический список

1. Арестова Е.Н., Шарапова Е.В., Борбат А.В. Проблемы правовой регламентации задержания подозреваемого // Российский следователь. – 2023. – № 6. – С. 11–14.
2. Петрухин И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе / отв. ред. И.Б. Михайловская; АН СССР, Ин-т государства и права. – М.: Наука, 1989. – 256 с.
3. Исламов М.Э. Цель задержания лица по подозрению в совершении преступления // Проблемы экономики и юридической практики. – 2007. – № 3. – С. 133–137.
4. Казимирова Е.Д. Процессуальный статус подозреваемого // Законность. – 2022. – № 10. – С. 52–56.
5. Комиссаренко Е.С. Следственные действия в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов: СЮИ МВД России, 2005. – 238 с.
6. Уголовный процесс: учебник для студентов юридических вузов и факультетов / В.И. Басков, К.Ф. Гуценко, М.А. Ковалев, Э.Ф. Купцова [и др.]; под ред. К.Ф. Гуценко. – 2-е изд, перераб. и доп. – М.: Зерцало, 1998. – 677 с.
7. Фадеев И.А. Несовершенство понятийного аппарата статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса России в части, касающейся органов дознания // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 8. – С. 88–93.
8. Чурилов С.Н. Институт задержания подозреваемого нуждается в реформировании // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2022. – № 1. – С. 13–20.
9. Шейфер С.А. Проблемы развития системы следственных действий в УПК РФ // Уголовное право. – 2002. – № 3. – 73 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Зинатуллин З.З. О становлении и развитии кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности	3
Волосова Н.Ю. Запрет определённых действий: дискуссионные вопросы	5
Гладышева О.В. Современные тенденции развития доказывания в отечественном уголовном судопроизводстве	10
Дьяконова О.Г. Судебная экспертология и уголовно- процессуальное право: диффузия научного знания	22
Зинатуллин З.З. Насущные проблемы уголовно-процессуального регулирования	32
Каминский А.М. Возможности использования профайлинга в раскрытии преступлений	36
Малышева О.А. Трансформация досудебного уголовного производства в условиях цифровизации: тенденции и риски	43
Незнамова З.А. Ситуационное регулирование как тенденция современной уголовной политики в области экономических преступлений	51
Рябинина Т.К. И вновь к вопросу об активной роли суда в уголовном судопроизводстве	59
Семенов В.А. Искусственный интеллект в следственных действиях	67
Татьянина Л.Г. Реализация прав обвиняемого/подозреваемого, заклучившего досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы и пути решения	77
Басова О.О. К вопросу о применении технологий искусственного интеллекта при отправлении правосудия по уголовным делам	84
Гафурова Э.Р. Современная уголовная политика: гуманизация и ужесточение норм УК РФ	92
Гейнце О.В. Проблемы уголовно-правовой оценки деяний, связанных с управлением транспортным средством (по материалам судебной практики)	97

Гордей Я.В. Гуманизация применения домашнего ареста в уголовном процессе России приведёт к подмене или утрате его назначения	103
Золотухина Е.А. Развитие отечественного уголовно-процессуального законодательства в части регулирования имущественных интересов	110
Ившин В.Г., Кондаков А.С. Уголовно-правовые и криминологические проблемы практики привлечения к ответственности за коммерческий подкуп	117
Ишимов П.Л. Истечение сроков давности как основание прекращения производства по уголовному делу: новые аспекты в теории и практике	125
Коротаева Н.Г. Личность несовершеннолетнего обвиняемого	131
Кротова Л.А. Малозначительность деяния: вопросы унификации уголовного и административного законодательства	140
Лагодина Е.И. Допрос нотариуса в качестве свидетеля по уголовному делу	149
Липинский А.П. Дискуссионные вопросы реализации состязательности в досудебном производстве	156
Ложкина Л.В. К вопросу о пенитенциарной пробации в учреждениях ФСИН	160
Лошкбанова Я.В. Определение процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве	167
Машинникова Н.О. Социальный аспект уголовного судопроизводства Российской Федерации	178
Резяпов Айдар А. Прекращение прокурором уголовного дела, поступившего с обвинительным актом	186
Резяпов Артур А. Меры уголовно-процессуального принуждения, применяемые в отношении свидетелей в отдельных зарубежных странах	191

Решетникова Г.А. Общественная опасность распространения среди несовершеннолетних информации, демонстрирующей нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения либо способной вызвать у несовершеннолетних желание сменить пол	196
Ряполова Я.П. Трансформация порядка возбуждения уголовного дела о налоговых преступлениях как тенденция современной уголовной политики государства.....	204
Сёмин А.В. Софистика в правоприменительной деятельности	210
Стяжкина С.А. Нарушение требований по защите государственной тайны: вопросы криминализации.....	218
Сухова О.В. Оценка правового регулирования института необходимой обороны.....	223
Татьянин Д.В. Дискуссионные вопросы реализации состязательности сторон уголовно-правового конфликта в стадии предварительного расследования	229
Тензина Е.Ф. Верховный Суд Российской Федерации как субъект формирования пределов судебского усмотрения по уголовным делам	235
Титов С.Н. Может ли использование служебного положения рассматриваться какотягчающее обстоятельство при совершении преступлений против интеллектуальной собственности?	239
Туров С.Ю. Доказательственное значение рапорта об обнаружении признаков преступления	247
Хомякова М.А. Криминализация незаконного суррогатного материнства в рамках стратегии национальной безопасности Российской Федерации	255
Чистилина Д.О. Уголовно-процессуальная форма в контексте различных факторов, влияющих на её развитие	261
Шайкова М.В. Профилактика деструктивного поведения несовершеннолетних в социальных сетях.....	267
Шамсеева А.М. Соотношение понятий «задержание подозреваемого» и «задержание по подозрению»	275

Научное издание

**ТЕНДЕНЦИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ
РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА**

Сборник статей

Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 25-летию кафедр уголовного права и криминологии,
уголовного процесса и правоохранительной деятельности

Редактор: И.А. Бусоргина

Подписано в печать 06.06.2024. Формат 60x84 ¹/₁₆
Усл. печ. л. 16,74. Уч. изд. л. 11,76.
Тираж 27 экз. Заказ № 1055.

Издательский центр «Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4Б, каб. 021
Тел.: + 7 (3412) 916-364, E-mail: editorial@udsu.ru

Типография Издательского центра
«Удмуртский университет»
426034, Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2.
Тел. 68-57-18